

ВМ
ВОЕННЫЕ
МЕМОАРЫ

К.Л. СОРОКИН

**Трудные дни
СОРОК
ПЕРВОГО**

Константин Леонтьевич
СОРОКИН. 1941 г.

К. Л. СОРОКИН,
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

***Трудные дни
СОРОК
ПЕРВОГО***

ББК 63.3(2)722

С65

Редактор *В. С. Мещеряков*

Сорокин К. Л.

С65 Трудные дни сорок первого. — М.: Воениздат, 1991 — 239 с., 10 л. ил. — (Военные мемуары).

ISBN 5—203—00750—0.

Первые месяцы Великой Отечественной войны... Смоленское сражение, битва под Москвой... Генерал-лейтенант К. Л. Сорокин, бывший тогда начальником политотдела 16-й армии, а затем — комиссаром 1-го гвардейского стрелкового корпуса и членом Военного совета 50-й армии, правдиво рассказывает о тех трагических, но вместе с тем и героических днях. Немало строк посвящено И. С. Коневу, Ф. Ф. Кузнецову, Д. Д. Лелюшенко, Д. А. Лестеву, М. Ф. Лукину, К. К. Рокоссовскому, С. К. Тимошенко, В. М. Шапошникову.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

С 1305010000—107 52—90
068(02)—91

ББК 63.3(2)722

ISBN 5—203—00750—0

© К. Л. Сорокин, 1991

Это было в первых числах августа 1941 года. На Смоленщине, в районе населенного пункта Радчино, начальник политотдела 16-й армии бригадный комиссар К. Л. Сорокин руководил переправой через Днепр войск, вынужденных отступать на восток под натиском численно превосходящего противника. В самый критический момент, когда на дорогах к реке скопилась масса людей — одних только раненых более тринадцати тысяч, — к переправе прорвались гитлеровские автоматчики. Создалась чрезвычайно опасная ситуация: могла возникнуть паника, последствия которой трудно было даже представить. К счастью, такого не случилось. Вскинув над головой пистолет со взведенным курком, Сорокин скомаандовал:

— За мной!..

Бойцы комендантской роты, только что похоронившие своего командира, ринулись вперед, в короткой и яростной схватке уничтожили вражеских солдат.

После того как переправа войск полностью завершилась, кто-то возбужденно «пожаловался» члену Военного совета 16-й армии дивизионному комиссару А. А. Лобачеву:

— Почему начпо бросился в самое пекло? Разве его дело водить бойцов в атаку? И так не первый раз. Почему?

— Потому, — спокойно ответил Лобачев, — что он комиссар. Потому, что он коммунист, и знает: его место всегда впереди.

«Быть впереди» оставалось неизменным девизом Константина Леонтьевича на протяжении всей его жизни. Он принадлежал к тому поколению советских людей, которое совершило величайшую в истории человечества революцию, в жестоких схватках с внутренними и внешними врагами отстояло завоевания Октября, делало первые, самые трудные шаги на пути строительства социализма. Вся долгая жизнь К. Л. Сорокина являлась примером верного служе-

ния своему социалистическому Отечеству и его народу, беззаветной преданности Коммунистической партии.

Родился Константин Леонтьевич в 1901 году под Саратовом. Там, в деревне Николаевке, и начал в девятилетнем возрасте свой трудовой путь. Сначала был пастухом, затем, перебравшись в Покровск (ныне город Энгельс), поступил чернорабочим на железнодорожную станцию. По заданию комитета бедноты участвовал в изъятии хлебных излишков у сельских кулаков, а с приближением денкинских войск записался в молодежный добровольческий отряд самообороны.

Знаменательным стал для Сорокина 1920 год — в январе вступил он в Российскую Коммунистическую партию (большевиков). Спустя месяц был призван в Красную Армию. И сразу же — в бой. Вместе с товарищами по оружию гонялся в Тамбовской губернии за бандами Антонова, потом воевал против Врангеля, Махно и Тютюника на Украине.

Более года, с июля 1921-го по октябрь 1922-го, Сорокин находился на курсах красных командиров в Киеве. Здесь на районных активах молодой коммунист неоднократно встречался с командующим войсками Южного фронта М. В. Фрунзе, слушал его пламенные выступления. И именно под влиянием этого выдающегося партийного, государственного и военного деятеля решил навсегда связать свою судьбу с армией рабочих и крестьян. В последующем он — курсант Военно-политического училища имени Совета Народных Комиссаров Украины в Харькове, затем слушатель Военно-политической академии имени В. И. Ленина в Ленинграде, а после ее окончания — служба в различных военных округах.

Великая Отечественная застала бригадного комиссара К. Л. Сорокина в должности начальника отдела политпропаганды 16-й армии¹. С нею в июле сорок первого года и принял боевое крещение в Смоленском сражении. Завершил войну членом Военного совета Забайкальского фронта, доблестные войска которого успешно взаимодействовали с 1-м и 2-м Дальневосточными фронтами, а также войнами монгольской Народно-революционной армии в поистине молниеносном разгроме японской Квантунской армии.

¹ В июне — августе 1940 года политические управления и отделы в армии и на флоте были преобразованы в управления и отделы политической пропаганды. В июле 1941 года прежняя структура была восстановлена.

В дальнейшем Константину Леонтьевичу довелось быть начальником политуправлений Приморского и Прикарпатского военных округов. Перед уходом в отставку в течение шести лет являлся членом Военного совета Приволжского военного округа. Избирался депутатом Верховного Совета Российской Федерации и других союзных республик, был кандидатом в члены Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, делегатом XIX и XX съездов КПСС.

Словом, даже этот беглый и далеко не полный перечень основных вех жизни генерал-лейтенанта К. Л. Сорокина свидетельствует о том, что ему было о чем вспомнить, о чем рассказать. И вполне естественно поэтому, что более десяти лет посвятил он книге, которая ныне предлагается вниманию читателей.

— Думается, — делился своими мыслями Константин Леонтьевич, — что именно мы, участники минувшей войны, сможем наиболее правдиво поведать молодежи о том, что происходило на полях сражений, в армейских штабах и наших собственных умах.

Конечно же это так! Но тут нужно сразу сделать небольшое уточнение. Свои воспоминания К. Л. Сорокин ограничил лишь первыми месяцами войны, а если конкретнее — летним сражением за Смоленск и осенними боями под Тулой. Случайно ли такое? Нет. Битва в сорок первом с ненавистным врагом на дальних и ближних подступах к Москве — наиболее трудный и одновременно героический период Великой Отечественной, он слишком много значил в судьбе нашего государства, а потому особенно прочно врезался в память.

Возьмем то же Смоленское сражение. Бойцы, командиры и политработники 16-й армии, которая защищала от оккупантов древний русский город Смоленск и в которой воевал бригадный комиссар К. Л. Сорокин, проявили исключительное мужество и несокрушимую стойкость, безграничную преданность Родине, партии коммунистов. На два с лишним месяца остановили здесь советские воины рвавшиеся на восток полчища фашистов. Тем самым были сорваны расчеты германского командования на безудержное продвижение к Москве, был нанесен мощный удар по гитлеровскому плану «молниеносной войны».

Столь же исключительно мужественно и стойко бились герои-фронтовики под стенами Тулы, не давая врагу прорваться к столице нашей Родины. В конечном счете они не отступили ни на шаг, выдержали. Чем объяснить такое?

Ведь противник имел неоспоримое численное преимущество в живой силе и особенно в боевой технике. А объясняется это тем, что наши бойцы, командиры, политработники, и среди них бригадный комиссар Сорокин, стояли па- смерть. Их можно было уничтожить физически, но победить — нельзя!

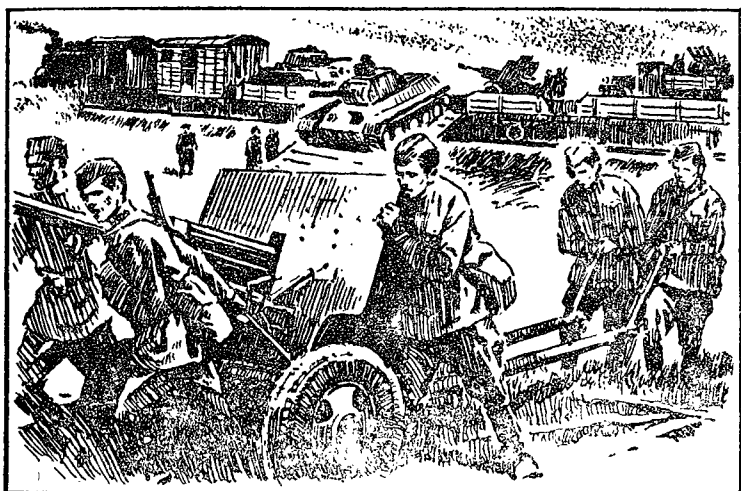
Константин Леонтьевич не смог увидеть свою книгу — он ушел из жизни весной 1989 года, и рукопись проделала издательский путь уже без него, самостоятельно. Но это стало возможно только потому, что она содержала данный ей автором большой идейный, нравственный и эмоциональный заряд, и этот заряд полно проявляет себя в книге, которую, читатель, вы держите сейчас в руках.

Герой Советского Союза
генерал армии И. Н. ШКАДОВ

Часть первая

Стояли на смерть

Глава первая

ЭШЕЛОНЫ ИДУТ НА ЗАПАД

1

Забайкальские весны очень своеобразны: без звонких потоков полых вод, тихие, быстротечные. Дуют влажные южные ветры, смахнут снежный покров — и обнажится степь, необъятная, неоглядная. Уходит она к самому горизонту, где сливается с небом — плоская, каменисто-солончаковая. Редкие сопки хмурятся в туманной дымке...

В дождливую же летнюю пору степь от края до края покрывается густым ковром разнотравья. Но нередки здесь и засушливые годы: неделями дуют обжигающие ветры, трава не успевает подняться, выгорает, и тогда кажется, что всякая жизнь вокруг прекращается. только неприхотливые тарбаганы — маленькие пушистые зверьки — пошвыстывают возле своих глубоких нор. Однако жаркие дни порою сменяются такими студеными почами, что, даже надев шинель, чувствуешь пронизывающий холод.

За четыре года армейской службы, проведенные до Великой Отечественной в Забайкалье, где был сперва начальником организационно-инструкторского отдела, а затем первым заместителем начальника политуправления военного округа, всей душой прикипел я к этому суровому краю,

приобрел закалку в борьбе с трудностями. Много запечатлелось в памяти. Но особенно — весна сорок первого. Тревожной она была. Уже всюду бушевала война в Западной Европе, поглощая все новые страны. Немецко-фашистские войска оккупировали Польшу, Бельгию, Югославию, Францию... Война вплотную стояла у наших западных рубежей. Мы, люди военные, это ощущали почти физически, и тревога заполняла сердце. Договор с Германией о ненападении? Но ведь для фашизма не было ничего святого! К тому же мы знали и другое: гитлеровская клика всеми силами стремилась укрепить военно-политический союз с Италией и Японией, лихорадочно разжигала агрессивные устремления у своих партнеров.

Это проявлялось и в событиях на Дальнем Востоке. Правда, Красная Армия умерила пыл японской военщины в боях у озера Хасан, а вместе с монгольскими воинами — и на реке Халхин-Гол. Но мы имели данные о продолжавшихся опасных передвижениях войск императорской Квантунской армии, пополнении ее людьми и техникой. Там, в прилегающих к нашей границе районах, прокладывались дороги, строились укрепления, аэродромы. Не прекращались и прямые провокации против советских пограничников — редкий день обходился, чтобы лазутчики не пытались проникнуть на нашу территорию. Порой им это удавалось. Помню, одного из них в последних числах января сорок первого года задержали красноармейцы 5-го механизированного корпуса. Это соединение входило в состав вновь формируемой 16-й армии, куда полгода назад я прибыл на должность начальника отдела политпропаганды.

Лазутчика доставили в штаб армии. Начальник штаба полковник М. А. Шалин, в свое время работавший военным атташе в Токио и свободно владевший японским языком, задал, помнится, среди других и такой вопрос:

— Чего вы добиваетесь, чего хотите?

Выслушав ответ самурая, Михаил Алексеевич усмехнулся — давно знакомая песенка. Перевел:

— Говорит, что им, японцам, скрывать нечего, они готовы к священной войне в защиту земли богов. И сражаться будут непоколебимо, если даже придется грызть камни, есть траву. В смерти, говорит, заключена жизнь, этому учит дух бессмертного Нанко...

Признаюсь, кто такой Нанко, я не знал. Шалин, качнув головой в сторону самурая, пояснил:

— Это их мифический герой, который семь раз погибал

и снова возрождался, чтобы служить Стране восходящего солнца...

Естественно, жили мы в постоянном напряжении, в состоянии боевой готовности. Старались учесть в подготовке войск 16-й армии то упущенное, что вскрыли бои на Хасане и Халхин-Голе, а особенно — с белофиннами.

Стойкость и мужество советского воина были известны и в комплиментах не нуждались. Но сражения последних лет выявили, например, недостаточную подготовку одиночного бойца к действиям в сложных условиях, и это нужно было поправить. Следовало также серьезно подтянуть тактическую выучку младшего и среднего командного звена, тщательнее отработать вопросы взаимодействия пехоты, артиллерии, танков, авиации. Словом, как подчеркивалось в приказе Наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, надо было учить войска тому, что требовалось в современном бою.

Над решением этих задач мы и работали в зной и стужу. А начали с того, что вместе с членом Военного совета 16-й армии дивизионным комиссаром А. А. Лобачевым попросили нашего командующего генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина сделать доклад на совещании политработников, где разговор должен был идти о выполнении только что упомянутого мною приказа Наркома обороны. Михаил Федорович согласился. Выступил он обстоятельно, на конкретных примерах показал, как следует наладить учебу не только с красноармейцами, но и с командирами, политработниками.

— Присмотритесь, — говорил командарм, — к организации боевой и политической подготовки в 480-м стрелковом полку 152-й стрелковой дивизии, которой командует полковник Чернышев. В этом полку уже успели оборудовать стрельбище, тактический городок. А ведь условия в нем такие же, как и в других новых частях, ничуть не лучше. Значит, очень и очень многое зависит от нас самих, от инициативы командного и политического состава, его настойчивости...

После совещания во всех частях прошли партийные и комсомольские собрания. На них по рекомендации члена Военного совета 16-й армии в обязательном порядке выступали командиры и их заместители по политчасти. Разумеется, не остались в стороне и мы, работники отдела политической пропаганды, — разъехались по всем нашим соединениям. Сам я побывал в 109-й мотострелковой дивизии, где вскрылись весьма существенные упущения. Главное вни-

мание здесь сосредоточили на строительстве землянок, ослабив при этом боевую учебу личного состава. Недостаточно активно велась партийно-политическая работа. Поинтересовался я у красноармейцев: регулярно ли газеты читают? Оказалось, уже несколько дней в руках не держали.

— Как могло случиться такое? — спросил я командира дивизии полковника Н. П. Краснорецкого.

— Увлечлись бытом. Перестарались, — последовал чисто-сердечный ответ. — Постараемся исправить недостатки в кратчайший срок. Отдадим учебе все силы!

— Все? Тоже не годится, получится перекося в другую сторону. Нет, вы сделайте так, чтобы и боевая подготовка, и партполитработа не были в загоне, и о быте помнили. У вас ведь и тут пока не все в порядке. Верно, землянки строите добротные, теплые и уютные, но в столовой ветер гуляет, с потолка песок сыплется, бани же вообще нет.

— Виноваты, товарищ бригадный комиссар. Учтем все замечания...

Теперь мне приятно вспомнить: слово свое Краснорецкий сдержал. Боевая и политическая подготовка в дивизии пошла полным ходом.

Была ключом жизнь и в других соединениях. Словом, наша 16-я крепла, мужала и к весне 1941 года представляла собой уже довольно внушительную силу.

— Еще, Константин Леонтьевич, с годик, — говорил Лобачев, — и будем готовы встретить любого противника, если он вздумает напасть на Советский Союз. Народ-то у нас какой!

— Да, Алексей Андреевич, народ подобрался в армии что надо, отличный народ!..

Разговор этот мы вели, возвращаясь домой с парада в честь Первомая. А три недели спустя, точнее, 25 мая генерал-лейтенант Лукин, собрав командный и политический состав, сообщил о полученном через округ распоряжении из Москвы перебросить армию из Забайкалья на запад.

— Приказываю, — заключил Лукин, — немедленно готовить войска к погрузке в эшелоны!

Известно, что передислокация целой армии с ее многотысячным личным составом, с разнообразной боевой техникой и громоздким обозом является сложным делом. Не так-то ведь просто, к примеру, на протяжении всего пути обес-

печить людей горячей пищей. А ветеринарный надзор за лошадьми, которых насчитывалось не одна сотня? А доставка им фуража? При этом еще необходимо было, учитывая международную обстановку, соблюдать максимальную скрытность передвижения эшелонов по железной дороге на весьма значительное расстояние.

Погрузка 5-го механизированного корпуса была назначена в тот же день, 25 мая, с наступлением темноты. Я выехал на разъезд, где располагался штаб этого соединения. Начальник отдела политпропаганды корпуса Анисим Федорович Киселев собрал политработников, и мы вместе обсудили, как лучше организовать в дороге партийно-политическую работу. План наметили такой: постоянно знать настроение личного состава; следить за своевременным обеспечением воинв питанием, газетами и журналами; регулярно проводить беседы и доклады по вагонам. В этих целях на каждый эшелон наряду с его начальником был назначен ответственный политработник — чаще всего из рот или батальонов. Кроме того, во всех вагонах поручили конкретным коммунистам держать сослуживцев в курсе текущих событий.

Утром следующего дня вместе с комсомольским работником старшим политруком И. И. Свирилиным мы отправились в 109-ю мотострелковую дивизию. Здесь была наиболее полнокровная организация ВЛКСМ, но молодая и по-настоящему еще не сколоченная. Понятно, она нуждалась в особой помощи, да и усиленный контроль ей бы не помешал. Свирилин стал проверять, как готовятся комсомольцы к передислокации, а я провел в подразделениях беседы с коммунистами.

В одной из рот ко мне обратился замполитрука А. С. Дерюгин:

— Правда ли, что против нас выступила Турция?

Вот так так! Мы были убеждены, что переброска нашей армии вызвана угрозой нападения фашистской Германии, а тут, пожалуйста, Турция уже набросилась на нас! Спросил у Дерюгина, откуда идут такие слухи.

— Да «солдатский телеграф» сообщает...

— Ну и как же вы комментируете сообщение этого «телеграфа»? Что и как объясняете бойцам?

— Говорю, что все это выдумка, никто на нас не напал.

— Правильно делаете. Растолкуйте товарищам, что армия перемещается на новое место в плановом порядке, по приказу Наркома обороны, и дело это—обычное для войск.

Соберите коммунистов и комсомольцев, объясните суть. Надо опровергнуть выдумку «солдатского телеграфа». Передайте это вашему политруку.

— Есть, товарищ бригадный комиссар!

Разговор с Дерюгиным меня насторожил. А не пустили корни пресловутый «телеграф» в других частях и подразделениях? Собрали мы политработников, секретарей партийных и комсомольских организаций, обрисовали, так сказать, текущий момент и задачу, которую выполняет 16-я армия. Тут же порекомендовал сделать то, о чем шла речь и в мехкорпусе: накоротке провести собрания коммунистов и комсомольцев, позаботиться о том, чтобы в каждом вагоне были агитаторы, регулярно доставлялись газеты, устраивались их читки. И, конечно, чтобы решительно пресекались разного рода домыслы, вздорные слухи.

Нет, разумеется, во всей нашей политической работе мы вовсе не умаляли остроты международной обстановки. Более того, подчеркивали, что, кстати, делалось тогда во всей Красной Армии, серьезность переживаемого периода, не скрывали и вероятности войны, которую могли развязать против нас империалисты. Вести пропаганду иначе — значило бы снижать бдительность воинов, их готовность в любой момент, если потребует Родина, выступить на ее защиту. Боец должен быть морально подготовлен к тому, чтобы, когда понадобится, сойтись с врагом лицом к лицу, и убаюкивать его миротворными речами, тем более в той тревожной обстановке, было бы не только неразумно, но и преступно.

Внешне в жизни нашей 16-й армии будто ничего не изменилось. Воины несли караульную службу, отрабатывали тактические задачи, упражнения стрельб, укрепляли свою идейную закалку. Короче, текли обычные учебные будни. И лишь опытный глаз мог заметить особую активность, охватившую войска в связи с передислокацией.

В эшелоны грузились только ночью. Части поднимались по боевой тревоге и отправлялись на полустанки и разъезды. Наши войска, как правило, размещались тогда вблизи железной дороги, и личный состав, закаленный трудными учебными походами в суровых условиях Забайкалья, совершал марш-броски быстро и организованно.

Первыми погрузились, как я уже говорил, части 5-го механизированного корпуса. Командовал им генерал-майор И. П. Алексеенко — человек волевой, распорядительный и храбрый, проявивший героизм и воинское умение еще в боях на Халхин-Голе.

За несколько минут до отправки эшелонов на разъезд прибыли командующий войсками Забайкальского военного округа И. С. Колев, член Военного совета Д. А. Гапанович, работники штаба. Крепкие рукопожатия, добрые советы, пожелания:

— Больших вам успехов, товарищи, в боевой и политической подготовке на новом месте!

Но где оно, это «новое место», мы не знали. А потому строили разного рода предположения, догадки...

Между тем дело шло своим чередом. Вот уже отбыла на запад 57-я отдельная танковая бригада, погрузилась 152-я стрелковая дивизия. 3 июня отправился последний эшелон. В нем следовали артиллеристы, штаб и отдел политической пропаганды.

Первый этап передислокации был завершен. Трудно выделить соединения, части, подразделения, которые тогда особенно отличились, или назвать отстающих. Все действовали одинаково организованно, слаженно, показали высокую боевую выучку и дисциплинированность. Такое не могло не радовать: значит, наша напряженная работа не прошла даром, увенчалась первыми успехами. Появилась твердая уверенность: если придется вступить в бой с врагом, откуда бы он ни появился — с запада или востока, войны-забайкальцы сумеют с честью выполнить свой долг перед социалистическим Отечеством.

Это важно подчеркнуть, ибо существовала наша 16-я армия всего лишь одиннадцать месяцев. Своим рождением она была обязана XVIII съезду партии. В решениях этого съезда, как известно, с особой силой подчеркивалась настоятельная необходимость укрепления оборонной мощи Советского государства. Поэтому о том, как происходило формирование 16-й армии, при каких обстоятельствах получил я в нее назначение, расскажу несколько подробнее.

3

В конце июня 1940 года я возвращался к семье в Забайкалье через Москву из проведенного в Крыму очередного отпуска. А у нас, политработников, сложилась традиция: если оказался в столице, то зайти в Главное управление политической пропаганды Красной Армии, узнать там последние важные новости и ознакомиться с директивными указаниями по партийно-политической работе.

Сдав чемоданчик в камеру хранения на Казанском вок-

вале, я поехал на Арбат, поблизости с которым было расположено здание Главного управления политпропаганды Красной Армии. Здесь, к большой своей радости, встретился с товарищем по академии Дмитрием Александровичем Лестевым, как и я, оказавшимся в Москве проездом.

— Как вы кстати! — увидев нас вместе, воскликнул работник Главного управления политпропаганды полковой комиссар А. И. Лепехин. — Хотели вас специально вызывать, а вы тут сами... — Засмеялся: — Вот уж действительно на ловца и зверь бежит.

Мы с Дмитрием Александровичем недоуменно переглянулись: что бы это значило? А вскоре все выяснилось. Нас принял армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис, в то время начальник Главного управления политпропаганды Красной Армии. После довольно продолжительной беседы он сказал:

— Ну что ж, товарищи, поздравляю вас с новым назначением. Это вам, — Мехлис протянул Лестеву предписание на должность начальника отдела политической пропаганды 8-й армии, — а это вам...

Я назначался в 16-ю армию, и тоже начальником отдела политпропаганды.

Скажу откровенно: к новому месту службы я ехал в приподнятом настроении и с большим желанием. Да, я знал, что дело предстоит трудное, но это-то как раз и привлекало меня, ибо к тому времени успел накопить определенный опыт политической работы в войсках. Начал ее еще в 1924 году. Тогда, после окончания Военно-политического училища имени Совета Народных Комиссаров Украины в Харькове, меня назначили политруком бронедивизиона в Ростове-на-Дону. Затем был политруком воспого конезавода имени Первой Конной армии, где, к слову сказать, выращивались отличные лошади для кавалерии; политруком Ростовского окружного военного госпиталя; политруком роты конвойной бригады, после чего — отдельной конвойной роты. В 1932 году стал инструктором политического отдела бригады, а затем инструктором по пропаганде политотдела дивизии. Словом, прошел обычный для многих политработников того времени путь.

С поезда я сошел в один из летних теплых вечеров на маленьком разъезде. Неподалеку от железной дороги была развернута большая зеленая палатка, в которой размещались штаб и отдел политической пропаганды вновь формируемой армии. Там я встретился с генералом М. Ф. Лукиным и дивизионным комиссаром А. А. Лобачевым.

С этой зеленой брезентовой палатки и начиналась наша 16-я. В ту пору в Читу с Дальнего Востока прибыл Иван Степанович Конев и вступил в командование войсками Забайкальского военного округа. Опытный военачальник, коммунист, он очень многое сделал для успешного формирования, материального обеспечения и подготовки личного состава армии к тем исключительно суровым испытаниям, которые в скором времени выпали на ее долю.

На Военном совете округа, где присутствовали все начальники родов войск и тыловых органов, были поставлены четкие задачи по формированию новых соединений, их дислокации и строительству. Конев сразу же предупредил, что у нас нет такой возможности, чтобы сначала обзаводиться жильем, а потом приниматься за учебу.

— Такое нам никто не разрешит, да и сами вы понимаете, — говорил Иван Степанович, — в какой обстановке живем. Поэтому будем решать одновременно две задачи: и строить землянки под казармы, столовые, и заниматься боевой и политической подготовкой.

— Да, товарищи, непременно — и политической, — как бы продолжая и развивая мысль командующего, сказал член Военного совета округа дивизионный комиссар Д. А. Гапанович. — С первых же дней воспитывайте своих подчиненных не только умелыми стрелками, пулеметчиками, артиллеристами, но и политическими бойцами. А для этого уже сейчас, не дожидаясь специальных директив, там, где можно, оформляйте партийные и комсомольские организации. — Гапанович сделал небольшую паузу, остановил взгляд на мне. — Вы, товарищ Сорокин, особое внимание обратите на подбор и расстановку политических кадров, с которыми вам придется работать.

Забот впереди был непочатый край, ведь Красная Армия, теперь-то это хорошо известно, переживала тогда очень трудное, очень сложное время. Массовые незаконные репрессии тридцать седьмого — тридцать восьмого годов практически обезглавили ее. В результате на должности вместо арестованных или, хуже того, расстрелянных «врагов народа» в нашу 16-ю частенько назначались люди недостаточно опытные, в новом для них деле малокомпетентные. Они встречались и среди командного состава, и среди политработников, о чем Гапанович меня и предупреждал. С каждым из них приходилось не раз встречаться, причем, разумеется, не просто интересоваться анкетными данными, а стараться заглянуть в душу, узнать, чем он дышит, о чем

думает, какими обладает знаниями и навыками, в какой нуждается помощи и поддержке.

Помню, к нам на разъезд прибыло командование формируемой 65-й стрелковой дивизии. Начальник штаба армии полковник М. А. Шалин развернул карту, указал комдиву и комиссару район дислокации.

— Позвольте, но здесь же только сопки! — оторопели новички.

Шалин и я, не стовариваясь, ответили примерно одно и то же:

— Да, кроме сопок, там больше пока ничего нет, даже землянок. Вам придется начинать с нуля...

С «нуля» начинали и другие вновь создававшиеся соединения и части армии. Впереди их ждали дождливая, промозглая осень, за ней зима с буранами и свирепыми холодами, когда термометр порой показывал 50 градусов мороза. Но и в столь суровых условиях интенсивно благоустривались военные городки, ни на один день не прерывалась боевая и политическая подготовка.

Сейчас, спустя около пяти десятилетий, я спрашиваю себя: где же красноармейцы черпали силы, кто закалял их характер, нацеливая на решение стоящих перед ними задач? И отмечаю огромную заслугу в этом политработников. Горячим большевистским словом воодушевляли они воинов, личным примером вели за собой. Вели независимо от того, в каком были звании, какую занимали должность.

Как-то Лукин приехал на стрельбище 480-го стрелкового полка. А тут один из бойцов, только что пославший все пули «за молоком», оправдывался: разве-де из такой винтовки попадешь? У нее же мушка сбита!

— Значит, мушка виновата? — улыбнулся генерал. — Дайте-ка винтовку.

Выстрел — и в центре мишени появилась пробоина. Затем еще, еще... Короче, повторилась широко известная в войсках в ту пору аналогичная история, связанная с Климентом Ефремовичем Ворошиловым, откуда, кстати, и пошло «Ворошиловский стрелок».

Михаил Федорович между тем закончил стрельбу, возвратил сконфуженному бойцу винтовку и укоризненно покачал головой:

— А вы говорите — мушка...

Конечно же политработники полка не оставили этот случай без внимания. Незамедлительно появился приказ: «Стрелять так, как стреляет командарм!» Его подхватили в других частях, соединениях, и вот уже приказ распрост-

ранился по всей армии. Слух о нем каким-то образом дошел до И. С. Конева, как раз в те дни выдвинутого по нашему избирательному округу кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

— И как на все это смотрит народ? — при очередном посещении 16-й, чтобы встретиться со своими будущими избирателями, спросил Иван Степанович, хитровато прищурив умные, внимательные глаза.

— Весьма положительно, товарищ командующий, — сказал я.

— Гм, положительно... А я бы, товарищ Сорокин, еще добавил: и с большим шумом. Понимаете, к чему клопоу? Слышали восточную поговорку: сколько раз ни говори «халва», «халва», слаще от этого во рту не станет. Вроде бы простенькая поговорка, незамысловатая, а мудрая. Запомните! Конечно, и лозунги, и воодушевляющие слова, и все такое прочее очень нужны. Но при этом каждый лозунг, каждое слово должно подкрепляться конкретным делом, личным примером. — И неожиданно повернул разговор в практическую плоскость. — Ну что же, генерала Лукина мы не будем отвлекать, а вот с вами — вы ведь мое доверенное лицо — давайте наведаемся в полки, дивизии и посмотрим, как там наши призывы подкрепляются делами.

Признаюсь, каких-либо опасений столь внезапно намеченная поездка у меня не вызвала: к тому времени боевое обучение личного состава армии шло уже полным ходом и строго по плану. Особое внимание уделялось одиночной подготовке красноармейца, умению быстро оказываться и маскироваться, взаимодействию пехоты с танками, стремительному наступлению. По инициативе комсомольцев 152-й стрелковой дивизии в частях и подразделениях проводились необыкновенно популярные в те годы соревнования по разборке и сборке винтовки с завязанными глазами. С теми, кому военская наука побеждать давалась трудно, в неучебное время организовывались дополнительные уроки по огневой, тактической подготовке и другим дисциплинам.

То же самое можно сказать и про политическое воспитание. Кроме занятий, предусмотренных расписанием, интенсивно велась массовая работа, нацеленная на расширение политического кругозора, повышение идейной закалки бойцов. Тут были и тематические вечера, и диспуты, доклады по международному и внутреннему положению, разъяснение задач, вытекающих из приказов Наркома обороны. Короче, формы и методы идеологической работы отличались боль-

шим разнообразием, и затрагивала она широкий круг проблем. Но особенно характерной была тема укрепления единоначалия в войсках, ее продиктовала сама жизнь. На место репрессированных командиров и политработников пришли, как уже упоминалось, новые люди, и укрепление их авторитета в частях и подразделениях мы считали первоочередной задачей.

В общем к концу недельной поездки я чувствовал себя так же уверенно, как и в ее начале. Ведь в полках и дивизиях действительно предпринималось очень многое для того, чтобы выковать умелых и стойких, дисциплинированных и мужественных вооруженных защитников нашего социалистического Отечества. И это, конечно, не мог не заметить командующий войсками округа.

— Что ж, товарищ Сорокин, боевая подготовка личного состава, партийно-политическая работа находится в армии, как выразился бы иной канцелярист, на должном уровне. Но я скажу проще: хорошо трудитесь, правильно трудитесь, за что все вы, командиры и политработники, достойны похвалы.

Вероятно, я не сумел скрыть радости, потому что, скользнув по моему лицу цепким взглядом, Иван Степанович тотчас опустил меня, как говорится, на грешную землю.

— Но торжествовать, конечно, — продолжил он, — рано, слишком рано, а успокаиваться на достигнутом вообще недопустимо.

Собираясь с мыслями, Конев помолчал, затем, загибая пальцы, стал перечислять, на что в первую очередь должны мы обратить свое внимание. Некоторую нашу недоработку он видел в том, что политруки формируемых рот, секретари партийных и комсомольских организаций нуждались в постоянной помощи — люди-то там все новые, а политорганы оказывали ее недостаточно. Раз. Изучение требований приказа Наркома обороны о подготовке к защите Родины постоянным образом велось, так сказать, в общих масштабах, без учета конкретных задач, стоявших перед стрелками, танкистами, артиллеристами, связистами, саперами и воинами других родов войск. Два. По материалам XVIII съезда партии непременно надо провести семинар, и чтобы с докладами на нем выступили командиры и политработники соединений. Три...

— Вы можете, товарищ Сорокин, спросить, — сказал в заключение Иван Степанович, — а где на все это взять время? Резерв один: высочайшая организованность, дисциплинированность, деловитость. И еще — энтузиазм. Да, да, эн-

тузиазм всего личного состава — от красноармейца до командующего армией.

При последних словах глаза Конева потеплели, уголки губ дрогнули в доброй улыбке.

— Впрочем, у самого Лукина энтузиазма предостаточно! — И удивленно развел руки: — Смотрите-ка, что получается, начали мы разговор несколько дней назад с Михаила Федоровича и заканчиваем им же. А знаете почему? Потому что и человек он отличный, и командир настоящий. С ним не страшно и в огонь, и в воду. В общем, Константин Леонтьевич, — кажется, впервые назвал меня Конев по имени и отчеству, — считайте: с командармом вам повезло.

Я так и считал. И не только я — все, кто находился под началом Лукина, буквально души в нем не чаяли. За исключительную душевность и отзывчивость. За никогда не покидавшие его чувство юмора и умение оставаться ровным, спокойным даже в самой сложной обстановке. А еще за отличное знание своего дела, неиссякаемую энергию и бьющую ключом инициативу. Кстати, именно эти черты характера и помогли ему стать тем, кем он стал. Сын бедных, едва перебивавшихся с хлеба на квас родителей, Михаил Федорович в первую мировую войну командовал ротой. Революцию принял с радостью, с открытым сердцем, сразу же перешел на сторону борцов за Советскую власть. В девятнадцатом году, во время сражения за Царицын, вступил в партию. Ему доверили командование полком, потом бригадой, дивизией. В тридцатые годы был начальником командного отдела Управления кадров Рабоче-Крестьянской Красной Армии, затем военным комендантом Москвы. Перед назначением на должность командующего 16-й армией служил начальником штаба и заместителем командующего войсками Сибирского военного округа...

Под стать командарму, людьми большого жизненного опыта и человеческого обаяния, оказались член Военного совета дивизионный комиссар А. А. Лобачев, к слову сказать, мой однокурсник по Военно-политической академии имени В. И. Ленина, и начальник штаба полковник М. А. Шалин. За плечами Лобачева, коммуниста с двадцатилетним стажем, была гражданская война, были на всю жизнь врезавшиеся в память встречи с Владимиром Ильичем Лениным, Михаилом Ивановичем Калининным, Сергеем Мироновичем Кировым... Суровую школу гражданской войны прошел и Шалин. При подавлении кронштадтского мятежа он командовал ударным отрядом. Как — красноречиво

свидетельствовал орден Красного Знамени, которым его наградила тогда молодая Республика Советов. В тридцатых годах Михаил Алексеевич окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Вот этот-то треугольник — Лукин, Лобачев, Шалин, — опираясь на политические органы, партийные и комсомольские организации, на передовых командиров и бойцов, и направлял решение поставленных перед вповь создаваемой армией боевых задач. И решались они вполне успешно, что подтвердили окружные тактические учения, явившиеся для нас экзаменом на воинскую зрелость.

4

Проводились учения в сентябре 1940 года. Руководил ими генерал-лейтенант Конев. Не было, пожалуй, такой части, как оборонявшейся так и наступавшей, в которой бы он не побывал. И если в действиях личного состава замечал те или иные упущения, требовал незамедлительно ликвидировать их. Особенно внимательно, можно сказать даже придирчиво, проверял командующий новые формирования. Тут от его взгляда не ускользал ни один недостаток. Плохо подогнано на красноармейце снаряжение, кое-как оборудована огневая позиция артиллеристов или путано, неграмотно подана команда — все замечал Иван Степанович и приказывал немедленно устранить нарушение. Иногда, не повышая голоса, строго спрашивал:

— А если бы подобное произошло в реальном бою?

Оплошавший готов был провалиться сквозь землю. Зато как приободрились люди, когда слышали похвалу! А такое случалось довольно часто, ибо и оборонялись, и наступали бойцы и командиры с полным напряжением сил. И конечно же в первых рядах, как всегда, были коммунисты. Среди них командир отделения третьей роты 381-го стрелкового полка сержант В. А. Ткаченко. Его подчиненные хорошо примечались к местности, быстро окапывались, метко стреляли по целям, в том числе и движущимся. И. С. Конев внимательно и сосредоточенно наблюдал за их умелыми, четкими действиями. Вот впереди, в траншее, показалась вырезанная из фанеры фигурка бегущего «противника» — и на огневом рубеже, занятом отделением Ткаченко, тотчас прогремел выстрел.

Осмотр этой и других мишеней, по которым бойцы поочередно вели огонь, показал: все пули попали точно в цель. Командующий тут же, не дожидаясь окончания уче-

нии, объявил сержанту благодарность за отличное ведение «боя». В ответ последовало четко и звонко:

— Служу трудовому народу!

— Как не служить! — по-домашнему просто проговорил Иван Степанович и заинтересовался, откуда Ткаченко родом, кем был до армии.

— С Украины я, товарищ генерал. Работая трактористом в колхозе. Там же, в колхозе, вступил в партию. Ну а здесь, в полку, доверили быть парторгом роты.

— Хорошо, сержант! Делом оправдываете высокое звание коммуниста и оказанное вам доверие.

Как и положено, учения завершились разбором. Кснев с удовлетворением отметил, что за лето войны 16-й многое освоили. Отрадно, сказал он, что заметно окрепли все новые соединения. Радует как одиночная подготовка красноармейцев, так и сколоченность подразделений в целом. Особо подчеркнул весьма успешные действия на учениях частей 152-й стрелковой дивизии полковника П. Н. Чернышева и 109-й мотострелковой дивизии полковника Н. П. Краснорецкого.

Не скрою, такая оценка была для нас более чем приятна. Она свидетельствовала, что задачи обучения и воспитания личного состава нами поняты и решаются правильно. Сейчас, не останавливаясь на достигнутом, следовало продвигаться дальше. Причем надо было не только в часы политической учебы, а постоянно, непрерывно развивать у бойцов чувство личной ответственности за защиту Отечества. К этому я стремился сам, этого же требовал и от всех командиров и политработников.

Как-то, дело было уже зимой, собрали мы политработников 152-й стрелковой дивизии. Предстоял разговор об улучшении быта красноармейцев. А начал я его словами Саши Первущина, моего давнего товарища по добровольческому Коммунистическому отряду, сформированному в 1919 году в нашей Саратовской губернии для борьбы с белогвардейскими бандами. «Винтовка, — говорил Первущин, — сама не будет стрелять. Винтовка станет грозным оружием только в руках хорошо обученного бойца. И во сто крат возрастет ее сила, когда боец политически грамотен, сердцем принял ленинскую правду и сознает, против кого надо направить оружие».

На всю жизнь врезались мне в память эти слова большевика Первущина, сказанные в годы гражданской войны, когда еще только утверждалась Советская власть. Теперь было другое время, но требование к воспитанию воинов ар-

мно рабочих и крестьян оставалось прежним: добиваться, чтобы каждый боец был идейно закален, непоколебимо отстаивал великую ленинскую правду.

Этими-то мыслями, кстати не в первый уже раз, и поделился я со своими слушателями. И все они единодушно согласились: да, заботиться о войне — не значит ограничиваться лишь улучшением быта, к которому, конечно, нельзя ослаблять внимание ни на один день. Главное в любой обстановке — настоящим образом учить бойца военному делу, умению в совершенстве обращаться с оружием и техникой, постоянно расширять его политический кругозор.

Сразу после обеда политработники отбыли в свои части. Поехали в гарнизон на автомашине. Дорога неблизкая, километров этак семьдесят. Правда, склонные к шуткам дальневосточники утверждали, что, по их меркам, и тысяча километров не расстояние, но это, пожалуй, не для Забайкалья, где зимой и десяток километров — путь трудный, порой чреватый опасностями. Вот неприятность подстерегла наших товарищей и в тот раз: примерно на полпути застал их жестокий буряц.

Впоследствии заместитель командира 480-го стрелкового полка по политчасти батальонный комиссар Н. В. Ляпунов рассказывал:

— Бураны-то нам, спбирякам, не в диковинку, но тут началось такое — зги не видно. Машина то и дело буксовала, продвинется метров на сто — и опять зароется в снег, а потом и вовсе встала: бензин кончился. Решили добираться своим порядком. Взялись за руки, чтобы не растеряться в пути, и пошли цепочкой...

Сперва Ляпунов шел впереди, дорогу прокладывал в снегу, но выбился из сил. Его сменил товарищ, потом — опять смена. Так и двигались, делая переключки, — не отстал ли кто. Однажды недосчитались двух человек. Стали искать, только разве найдешь их в этакое снежное мутно? Люди вконец устали, да и сам Ляпунов чувствовал, что ноги подкашиваются, вот-вот свалится, но шел, снова дорогу прокладывал. Вдруг кто-то сунул ему в руку кусочек сахара: «Съешьте, товарищ батальонный комиссар, сил прибавится». Сжевал он этот сахар, пахнувший махоркой, и правда, будто добавилось энергии. Не от кусочка сахара, конечно, а от сознания того, как живительна армейская спайка. В общем, у него открылось, как говорят спортсмены, второе дыхание. И он принял единственно, пожалуй, правильное в тех условиях решение: группу оставил на дороге, а сам с двумя товарищами направился за подмогой...

Так рассказывал Ляпунов позже, но в тот день мы еще не знали всего этого. Я держал связь со штабами 152-й дивизии и 480-го полка. Были организованы поиски попавших в беду, но все усилия оказались тщетными. Лишь под утро из штаба полка нам сообщили: пришли трое, остальные остались в степи, ждут помощи.

— Где батальонный комиссар? — спрашиваю.

— Он здесь, в штабе. Лежит на койке.

— Спит?

— Нет, ждет, когда вызволят из беды всех... Извините, товарищ бригадный комиссар, ему трудно подняться, он очень устал... Если бы видели, как они шли! Обнялись, поддерживают друг друга...

Мне понятны были и мера усталости, и мера мужества батальонного комиссара Ляпунова, который хотя и окончательно выбился из сил, но не мог заснуть, ожидая спасения товарищей. Я не стал его тревожить своими вопросам, а сразу же принял меры для поиска и оказания помощи оставшейся в степи группе политработников.

Буран к утру унялся, и в небо поднялись летчики. Они обнаружили попавших в беду людей, сбросили им продовольствие, а вскоре туда поспешили и аэросани. Нашлись и те двое, что отстали еще раньше. Они, сибиряки, знали, как надо поступать в подобных случаях. Когда поняли, что отбились от своих, то укрылись в балке, в снегу. Буран памел на них целый сугроб. Утром выкарабкались из него, и как раз ко времени, летчики увидели их. Так благодаря своевременным мерам никто не пострадал.

Надо сказать, что наши люди попадали в жестокие забайкальские бураны не так уж редко, но трагических исходов не было: сказывались крепкая физическая и моральная закалка командиров и бойцов, их высокое чувство взаимной выручки.

5

Так мы жили, так готовились к грядущим боям. Мы предъявляли самые высокие требования и к подчиненным, и к самим себе. Но прежде всего, подчеркну, к себе. Никакие трудности или, скажем, недостаток времени в расчет не принимались.

Я уже говорил, что командарм, член Военного совета и начальник штаба, как и другие представители руководящего командного и политического состава 16-й, прошли большую жизненную и армейскую школу. Опытными работниками

был укомплектован и наш отдел политической пропаганды. Моим заместителем являлся полковой комиссар А. И. Масленов — умелый и вдумчивый организатор партполитработы. Отлично знал свое дело и начальник отделения пропаганды полковой комиссар М. Е. Лучинов. Оргинструкторское отделение возглавлял на зависть трудолюбивый старший батальонный комиссар Д. Ф. Романов.

То же самое можно сказать и о моем помощнике по работе среди комсомольцев старшем политруке И. И. Свирилине. Человек жизнерадостный, инициативный, он значительную часть служебного да и личного времени проводил среди молодых воинов, вникал в круг их интересов, духовных запросов. Именно благодаря его кипучей энергии в войсках заметно возросли и окрепли ряды комсомольцев, которые стали заповальями многих патриотических начинаний. Они выступили, например, инициаторами снайперского движения в полках и дивизиях, распространения передового опыта, соревнования за образцовое содержание оружия. Эти и другие починны встречали поддержку у всего личного состава.

Так, кстати, было и при подготовке к смотру художественной самодеятельности, проведенного в честь 23-й годовщины Красной Армии и Военно-Морского Флота. Призыв комсомольцев «Певцы, музыканты, декламаторы — на сцену!» горячо подхватили во всех частях и подразделениях. Поэтому и программы концертов получились разнообразными, интересными, содержательными.

Нам со Свирилиным довелось тогда присутствовать на смотре самодеятельности у мотострелков. Были там и зажигательные пляски, и сатирические куплеты, и акробатические номера, и соло на балалайке. А начался смотр с выступления хора красноармейцев. Пулеметчик Семен Свиридов, лучший, пожалуй, во всей дивизии запевала, удивительно чистым и звонким голосом заворожил весь зрительный зал «Гачанкой»: «Ты лети с дороги, птица...» Хор исполнил также «Там, вдали, за рекой», «По долинам и по взгорьям», «Хасанская ночь», а закончил песней о Каховке. Запевал все тот же Свиридов, но принес теперь подхватил весь зал:

Мы — мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Да, три месяца назад, в конце февраля, так мы пели и так на самом деле было: наш поезд стоял на запасном пути. А теперь вот один за другим идут эшелоны нашей 16-й

по Транссибирской магистрали. И уже не слышно в теплушках задорных армейских песен с гиканьем, посвистом, когда ноги сами просятся в пляс, смолкли переливы гармошек, и даже не видно бойцов. За задвинутыми дверями товарных вагонов полная тишина. Пусть никто со стороны ничего не услышит и не увидит — секретность передвижения войск диктуется военной необходимостью. Мчатся эшелоны на запад мимо станций как обыкновенные грузовые составы, товарняки. Остановки только на глухих полустанках и разъездах. Здесь пункты питания, короткие часы отдыха, тут же получаем почту. Самые важные сообщения прессы бойцам читают и разъясняют политруки, а потом газеты передаются из рук в руки — каждому хочется узнать подробнее, чем живет страна. Газеты писали о борьбе советского народа за выполнение планов третьей пятилетки, об успехах передовых коллективов в социалистическом соревновании, о вводе в строй новых производственных мощностей. Достижения в мирном строительстве радовали, но бойцов занимало и другое: что происходит на фронтах второй мировой войны?

В пути мы узнали о Сообщении ТАСС от 14 июня. В нем опровергались распространявшиеся иностранными информационными агентствами слухи о концентрации немецких войск на западных рубежах нашей Родины и подготовке их к нападению на СССР. В сообщении подчеркивалось, что немецкая и советская стороны строго придерживаются договора о ненападении. А между тем наши эшелоны вдруг ускорили свое движение, и вот уже обозначился район будущей дислокации армии — Шенеговка, Старокопстантинов. «Простое ли это совпадение: Сообщение ТАСС и курьерская скорость движения наших эшелонов к старой западной границе страны?» — думалось мне. В штабном купе мы находились вдвоем с полковником Шалиным. Михаил Алексеевич, видимо, был занят тем же, что и я. Он сказал, как бы отвечая на мучивший меня вопрос:

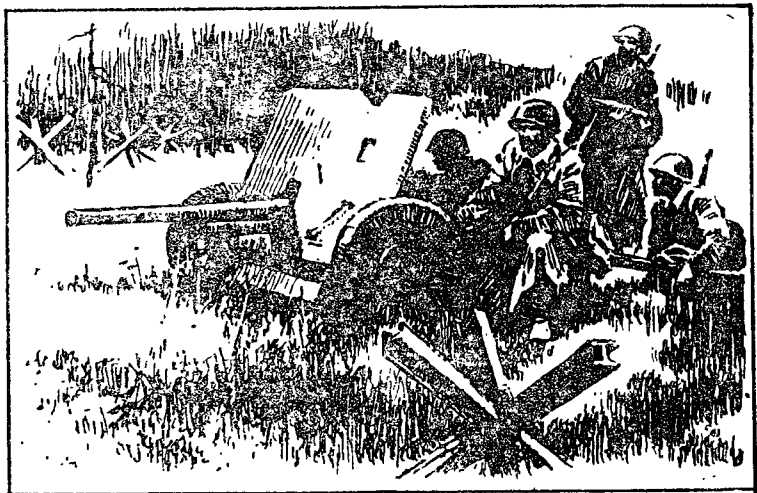
— Сообщение ТАСС — это официальное заявление Советского правительства...

— А неофициальное как бы звучало? А эта гонка на запад?

— Да-а. Тут уж понимай как знаешь и как подсказывает разум...

В этих словах Михаила Алексеевича сказались, конечно, школа дипломата. Однако спустя минуту Шалин произнес решительно и твердо:

— А вообще, Константин Леонтьевич, по всему чувствуется: война подкатила и к нашему порогу.

Глава вторая ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

1

Итак, мы получили приказ следовать в район Шепетовка, Старокопстантинов, куда уже подходили первые эшелоны 5-го механизированного корпуса. Их встречали генерал-лейтенант М. Ф. Лукин и дивизионный комиссар А. А. Лобачев. Туда направлялись и другие железнодорожные составы с войсками армии.

Все убыстрявшееся движение эшелонов углубляло чувство грядущей серьезной опасности, тревожило не одних лишь командиров и политработников, но и всех бойцов. Ничего удивительного, наши красноармейцы умели не только с закрытыми глазами разобрать и собрать затвор винтовки или замок пулемета, но и правильно оценить происходящие события. Поэтому все мы с одинаковой пастороженностью и нетерпением ждали отклика немецкой стороны на заявление ТАСС. Его не последовало...

22 июня штабной эшелон остановился на небольшой станции Новохоперск. Тут мы и получили известие о переходе фашистскими войсками западных рубежей нашей Родины. Пограничный конфликт? Хотелось бы думать так, однако выступление по радио в 12 часов дня по московскому времени Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова

разреяло все сомнения. Его сообщение ударило под самое сердце: вероломно, без объявления войны, фашистская Германия напала на Советский Союз.

Следовало немедленно отреагировать на происшедшее. Но как, что предпринять в нашем кочевом бытии? Решил провести митинг — это наиболее оперативная и действенная форма политработы. Сказал Масленову:

— Соберите всех, кого можно.

— Местных жителей тоже?

— Непременно!

Памятен мне тот день во всех деталях, будто все происходило только вчера. Работники штаба и отдела политпропаганды, тыловых служб, связи, красноармейцы вышли из вагонов на привокзальную площадь. Со всех сторон к ним торопились гражданские люди — мужчины, женщины, дети. Изволнованные, озабоченные, но растерянности на лицах не заметно. Наоборот, видно, что каждый готов отдать все силы борьбе с врагом.

Рядом со мной стоял полковник Шалип. От его обычного добродушия и следа не осталось. Губы были плотно сжаты, даже побелели. Показал на запруженную людьми площадь:

— Видишь? От мала до велика, все тут. И война будет такая — народная!

С этой фразы и начал я свое выступление, открывая митинг. Говорил о миролюбии и величии советского народа, о силе Красной Армии и прочности ее тыла, о том, что история Родины знает немало примеров, когда иноземные захватчики пытались нас поработить и всякий раз были крепко биты. Речь закончил словами, запомнившимися по кинофильму «Александр Невский»:

— Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!

— Да, так и будет! — на всю площадь выкрикнул Свирилин и, сделав небольшую паузу, продолжил: — В обращении к народу сказано — «Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Это вещие слова нашей партии, ее призыв к каждому из нас подняться на священную войну против подлого врага. И мы верим: враг будет разбит и мы еще побываем в Берлине, этом фашистском логове! Так сказала наша большевистская партия! Значит, так и будет!

Один за другим ораторы — политработники, командиры, бойцы, жители Новохоперска поднимались на импровизированную трибуну — в кузов грузовой машины с откинутым задним бортом. Они выражали свой гнев по поводу разбойничьего нападения фашистов, клялись в верности Отчизне,

готовности до последнего дыхания отстаивать ее свободу и независимость. Особенно запечатлелись в памяти слова, произнесенные Шалиным:

— Гитлер сам накинул себе петлю на шею, развязав войну против Советского Союза. Воевать будет не только армия, весь народ. А народ, убежденный в правоте своего святого дела, победить нельзя!

Митинг закончился. Прозвучала команда «По вагонам!» — и снова в путь. Теперь — навстречу войне. Мы получили приказ следовать в белорусский город Оршу и там разгружаться.

На коротких остановках наши политруки, агитаторы спешили в военные комендатуры, в пристанционные агитпункты и армейские красные уголки, в книжные киоски и запасались газетами — они тогда были буквально дороже хлеба!

Обстановка становилась все более напряженной и сложной. Что ни день, то в военных сводках назывались все новые направления: шяуляйское, каунасское, мипское... А в вечернем сообщении Совинформбюро от 29 июня впервые промелькнуло знакомое нам название: Шепетовка, где уже находились наши 5-й механизированный корпус и 57-я отдельная танковая бригада. От новой границы до Шепетовки более двухсот километров. Сама возможность столь стремительного броска гитлеровцев в глубь советской территории трудно укладывалась в голову. И естественно поэтому у людей возникала масса недоуменных вопросов, один из которых повторялся особенно часто:

— Как же так, как могло случиться подобное?

Сейчас, без малого через полвека после нападения фашистской Германии на Советский Союз, на этот и другие вопросы военные историки дают довольно подробные ответы, но каково было тогда? Многого не понимали не только рядовые бойцы, но и мы, политработники и командиры. Мы не знали даже, как идут дела у наших боевых товарищей из мехкорпуса и отдельной танковой бригады. Однако это не значит, что мы отделивались молчанием. Нет, проводили групповые и индивидуальные беседы, доклады, собрания коммунистов, комсомольцев, всего личного состава, нацеливали актив на разъяснение обстановки, на задачи, которые предстояло нам решать, неизменно выражая твердое убеждение: забайкальцы сумеют показать врагу, на что они способны. Кстати, наша уверенность была подтверждена вечерним сообщением Совинформбюро от 29 июня: «На Луцком направлении сражение крупных механизированных масс

продолжается. Несмотря на ввод противником на этом направлении свежих танковых частей, все его попытки прорваться на Новоград-Волынском и Шепетовском направлениях отбиты; рядом последовательных и непрерывных ударов наших танковых войск и авиации большая часть танковых и моторизованных войск противника разгромлена»¹.

Позже генерал Лукин рассказывал: не успели еще наши соединения полностью разгрузиться, как получили приказ Ставки о немедленной переброске на Западный фронт. А вскоре обстановка усложнилась: 28 июня противник занял город Рудки, он двигался на Шепетовку. Как быть? Тут уж приказа свыше ждать не приходилось. Отменил Лукин погрузку 109-й мотострелковой дивизии и бросил ее навстречу врагу западнее Шепетовки...

Так достаточно хорошо вооруженная, полностью укомплектованная по штатам мирного времени, но не успевшая собраться в одном месте, наша 16-я армия вступила в Великую Отечественную войну. 109-я мотострелковая дивизия вела бои в районе Шепетовки. 13-я и 17-я танковые дивизии, а также 57-я отдельная танковая бригада, развернувшаяся в танковую дивизию с тем же номером, переходили в оперативное подчинение 20-й армии. 65-я стрелковая дивизия пока находилась в Забайкалье на укрепленных рубежах, которые мы там создавали. Таким образом, в 16-й армии от прежнего ее состава в районе Орши оставалась одна лишь 152-я стрелковая дивизия с артиллерийскими полками и частями обеспечения. Да еще мотострелковый полк...

Уверси, что в полном составе наша 16-я армия могла бы помериться мощностью удара, скажем, с танковым кулаком Гудериана, и вряд ли враг имел бы тогда успех в продвижении. Но обстановка диктовала свои требования, порой неожиданные, кажущиеся на первый взгляд неоправданными. Почему, например, 65-я стрелковая дивизия была оставлена в Забайкалье? Да потому, что ведь японские милитаристы мечтали вновь испробовать силу Красной Армии, и не учитывать этого было бы по меньшей мере легкомысленно.

28 июня наш эшелон, в котором следовали штаб, отдел политпропаганды и тыловые службы армии, прибыл в Оршу. После выгрузки мы расположились в небольшом лесочке у северо-западной окраины города. Поскольку командарм и член Военного совета все еще находились под Шепетовкой, полковник М. А. Шалин и я отправились в штаб фронта для доклада о прибытии и получения боевой задачи.

¹ Сообщения Советского информбюро, М., 1944, Т. 1, С. 11.

С запада доносились глухие раскаты артиллерийской канонады. И словно подхлестываемые этим зловецим громом, на восток уходили вереницы беженцев. Люди спинались с обжитых мест целыми семьями. Впереди, справа, слева — всюду поднимались черные дымовые облака пожаров. Они застилали горизонт, повисали в небе, которое еще вчера было чистым и ясным. И не где-то в стороне, а прямо над нашими головами группа за группой летели в наш тыл бомбардировщики с крестами на крыльях и фюзеляжах, порой даже без сопровождения истребителей.

— Нахальничают! — крутил головой Шалин. — Будто у себя дома на учебных полетах... А где же наша авиация?

Я пожимал плечами. Что было сказать? В воздухе господствовал противник, а своих самолетов мы не видели, и я не мог найти этому объяснения. Уничтожены на аэродромах? В это не хотелось верить...

2

Штаб Западного фронта находился в районе Могилева, но точного места его расположения мы не знали. Остановили встречную машину. В ней сжал молодой, но уже с посебранными висками подполковник. Спросив у нас документы и убедившись в их подлинности, он показал по карте, где искать штаб. Пока мы расспрашивали и уточняли, низко пролетевший вражеский самолет дал по нас длинную очередь из пулемета. Бурные султанчики поднялись у ног.

— Ах подлец! — слова возмущался Шалин. — Еще бы чуть-чуть... И патропов не жалует!

Подполковник скупо улыбнулся:

— Ничего, это бывает. Но, надеюсь, не все же время так будет...

На том и расстались. Мы сели в нашу эмку и поехали дальше.

— Ну вот, Михаил Алексеевич, — сказал я Шалину, — первого огонька попробовали, а то ведь отвыкли после гражданской войны, даже забыли, как пули свистят.

— Лучше бы не вспоминать и снова не привыкать, — хмуро заметил начальник штаба.

— А придется, ничего не поделаешь: война!

Мы были на этой войне еще зелены и не знали тогда, что придется нам огонька испробовать полной мерой.

Фронтальной штаб нашли в лесу. Под тенью деревьев — наспех замаскированные армейские палатки. Торопливо спускающиеся озабоченные командиры. В траншеях пулеметы, кругом посты охраны.

Палатка командующего фронтом генерала армии Д. Г. Павлова находилась под старой развесистой елью. Когда мы с Шалиным подошли к ней, из палатки вышел командующий. Он держал какой-то документ, был бледен и углублен в свои мысли. Шалин начал было докладывать о прибытии 16-й армии в распоряжение командования Западного фронта, но озабоченный Павлов, видимо, даже не слышал обращенных к нему слов. Он стремительно прошагал к стоявшей неподалеку легковой машине, сел в нее, и она быстро скрылась за поворотом дороги.

Мы еще размышляли, что же делать, ведь на счету буквально каждая минута, когда к нам подошел незнакомый полковник, оказавшийся адъютантом Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова. Спросил:

— Кто вы, товарищи, и по какому поводу явились сюда?

Объяснили, добавив, что командующий только-только уехал, когда вернется, не знаем, а потому еще не решили, что предпринять. Адъютант посоветовал:

— Обратитесь к Клименту Ефремовичу. Он вон под тем деревом. Видите? Идемте.

Ворошилов сидел прямо на траве и что-то обсуждал с Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым, склонившимся над расстеленной тут же картой. Мы остановились в нескольких шагах от них. До нас долетали обрывки разговора двух маршалов. Климент Ефремович, констатировав, что противник глубоко вклинился танками на нашу территорию, сказал, что эти клинья надо срезать.

— Конечно, это было бы очень хорошо, — раздался несколько приглушенный басок Бориса Михайловича, — но чтобы срезать танковые клинья, нужны силы, а их у нас пока нет. Так что какие бы меры сейчас Павлов ни предпринял, желаемого он не добьется...

— К сожалению, да, — согласился Ворошилов и резко повернулся к нам: — Вы ко мне? Слушаю.

Шалин кратко доложил суть дела.

— Командующему фронтом докладывали?

— Получилось, товарищ Маршал Советского Союза, так, что не успели...

— Ясно. Он получил срочный приказ. Полковник, — приказал Ворошилов адъютанту, — немедленно свяжитесь

М. Ф. Лукин

М. А. Шалин

А. А. Лобачев

А. А. Филатов

К. К. Рокоссовский (стоит четвертый слева) среди командиров и политработников 16-й армии

К. Л. Сорокин (сидит) и А. И. Масленов на командном пункте 16-й армии

с Генеральным штабом, доложите о прибытии на Западный фронт 16-й армии. — И, снова обращаясь к нам, закончил: — А вы отправляйтесь к себе. Приказ о развертывании армии и боевую задачу получите сегодня же.

Мы приободрились. К. Е. Ворошилов — представитель Ставки, и если он сказал, что боевую задачу получим незамедлительно, то, значит, так и будет.

Однако в свой штаб мы вернулись не сразу. Шалину необходимо было согласовать с тыловыми службами фронта вопросы организации снабжения армии, а я встретился в управлении политпропаганды с дивизионным комиссаром Д. А. Лестевым, с которым, как я уже писал, меня связывали давнее знакомство по Военно-политической академии имени В. И. Ленина, а затем и служба в Забайкалье, где мы работали локоть к локтю. Неудивительно поэтому, что встретил он меня по-дружески. Поговорили, конечно, о Забайкалье, вспомнили общих знакомых, потом завели речь о боевых делах.

— Ну что ж, Константин Леонтьевич, вместе будем воевать. Люди 16-й армии сильны, знаю их. А ныне как раз такие и нужны.

— Тяжело здесь, Дмитрий Александрович?

Он вздохнул и признался:

— Нелегко. Откровенно скажу, не думал, что так все у нас сложится. Оттого в сражающихся частях уйму времени провожу. Хочу понять, осмыслить, почему же наши войска отступают? Внезапное нападение? Разумеется, да, выгрыш у агрессора серьезный, но одной внезапностью всего не объяснишь, тем более что знали же, готовились...

Лестев сказал, что он только вчера вернулся из-под Борисова. Сражаются наши воины самоотверженно, бросаются в атаки поистине не щадя жизни и все-таки вынуждены отступать. Отходят, хотя их ударов вражеская пехота не выдерживает. За счет чего же берут гитлеровцы? За счет массированного применения танков и авиации. Именно этим противник пытается морально подавить наши войска. И чего уж скрывать, правде надо смотреть в глаза — это ему нередко удается. Беда в том, что нам нечем отбивать танковые и авиационные удары врага. Мало у нас противотанковой и зенитной артиллерии, не хватает истребительной авиации.

Лестев зябко повел плечами, словно вновь переживая все то, что пришлось наблюдать ему на полях боев.

— Ну ничего, придет и на нашу улицу праздник, придет! Борьба с сильным противником будем не только

храбростью. Она, конечно, необходима, и нашему воину ее не занимать. Но одной храбрости мало, слишком мало! Войскам нужна для боя современная техника!

Опять молчание, а потом все тот же взволнованный голос Дмитрия Александровича. Да, говорил Лестев, сегодня Красная Армия испытывает огромные, невероятные трудности. Только напрасно трубит противник, что он вот-вот сломит нашу волю к сопротивлению. С нашим народом этого никогда не было, нет и не будет! А противоположных примеров сколько угодно. Хотя бы битва под Грюнвальдом. Или Ледовое побоище, в котором Александр Невский и его ратники положили тьму псов-рыцарей! Или... Да что там доказывать, ясно же: переживаемые нами трудности — явление временное.

— И это, Константин Леонтьевич, — уже тоном приказа произнес Лестев, — надо широко и внятно разъяснить личному составу. Это должен быть один из главных моментов всей нашей партийно-политической работы. Необходимо довести до сознания каждого бойца, что Центральный Комитет партии, Советское правительство мобилизуют колоссальные силы страны, чтобы обеспечить сражающиеся войска всеми видами современного вооружения. Многие уже делается. Насколько мне известно, в настоящее время в серийном производстве находятся новые системы артиллерии и минометов, новые замечательные танки Т-34 и КВ, новые истребители и бомбардировщики. И здесь, на фронте, враги это скоро почувствуют на своей шкуре. А сейчас наша задача — выстоять! Выстоять, — Лестев стукнул кулаком по столу, — и заставить фашистов платить большой кровью за каждый метр советской земли!

— Не об этом ли, Дмитрий Александрович, и пишешь? — кивнул я на стопку бумаги, лежавшую перед Лестевым.

— Почти угадал. Директиву готовлю. Понимаешь, среди красноармейцев, да и среди отдельных командиров, появилась очень опасная болезнь — страх перед танками и самолетами противника. В общем, танкобоязнь и самолетобоязнь. Смотришь на много, вроде бы смелый, решительный, но вот оказался в критической обстановке — и растерялся. Что ж, жизнь сложная штука. У каждого человека свой характер, и никто не знает, когда проявится его суть. Война сурово испытывает каждого из нас и о каждом скажет, кто он и что он.

Мы снова заговорили о танко- и самолетобоязни.

— Вот и составляю директиву на этот счет, — сказал Дмитрий Александрович. — Следует незамедлительно преодолеть эту опасную болезнь, но как? Пусть подумает каждый политработник, каждый коммунист и комсомолец. И ты подумай, Константин Леонтьевич. Нам пока не из чего выбирать, чем бить врага. Но как бить — тут может быть большой выбор. Только надо найти правильное средство, в этом все дело.

Зазуммерил телефон. Далекий голос сообщил: только что взяли в плен обер-лейтенанта. Спросил: куда его? Лестев ответил, чтобы привезли в штаб, и, положив трубку, продолжал, будто наша беседа и не прерывалась:

— А пример боевого творчества, мужества и бесстрашия обязаны показать прежде всего командиры и политработники. Но и храбрости необходимо разумное начало. Мужество должно сочетаться с трезвым расчетом. Мы обязаны повести борьбу против такого бравирования храбростью. Пуля ушлая, она любит таких храбрецов. Короче, нам надо самим учиться воевать с наименьшими потерями, неоправданными жертвами и учить этому каждого красноармейца, командира, политработника. Ну а новая техника, новое оружие у нас будут, обязательно будут!

Он как-то застенчиво улыбнулся, и вновь передо мной возник образ Димы Лестева, простецкого парня и доброго товарища, милого, умного, который так легко и быстро сходился с людьми.

— Вот, дорогой мой друг-однокашник, — заключил Дмитрий Александрович, — поговорили по душам, и на сердце легче стало. Да и кое-что из сказанного, думаю, пригодится не только мне, а и тебе. Не так ли?

— Спасибо, Дмитрий Александрович, есть над чем поразмыслить.

— Покрепче держи со мной связь, — сказал Лестев, на прощание пожимая руку. — Информируй, советуйся. Я ведь уже обстрелян, а для тебя многое будет впервой.

— Да и меня обстреляли, — усмехнулся я, вспомнив сегодняшний случай на дороге. Рассказал об этом, и Лестев насупился.

— Издевается немец, нахальничает, но ничего, скоро мы ему крылышки подпалим. Будь осторожен, береги себя. Мы перед партией отвечаем за боевой дух Красной Армии!

Он берег людей, очень берег. А сам не уберегся. Дмитрий Александрович Лестев погиб 18 ноября 1944 года. В тот день он находился в 30-й армии, был там, где для наших войск сложилась наиболее трудная обстановка.

Штаб и отдел политической пропаганды 16-й армии дислоцировались сначала севернее Орши, а затем перебрались в совхоз «Жуково», что километрах в двенадцати северо-восточнее Смоленска.

Из-под Шенетовки прибыли командующий армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин и член Военного совета дивизионный комиссар А. А. Лобачев. Полковник Шалин доложил о состоянии армии, о том, что здесь сейчас ее фактически представляет лишь одна 152-я стрелковая дивизия.

Командарм хмуро молчал. Тогда Шалин негромко добавил:

— Правда, в состав армии включена 46-я стрелковая дивизия.

— Где она?

— Пока на колесах. Прибывает из Иркутска.

Морщинки на лице генерала заметно разгладились:

— Негусто, конечно. Но могло быть и хуже. Словом, есть еще порох в пороховницах!

Оптимизм Михаила Федоровича imponировал и командному составу, и красноармейцам. Все мы верили в своего командарма, в его трезвый ум, твердость. Он никогда не терял головы. Верно, порой Лукин бывал резок, в пылу гнева, случалось, пускал и крепкое словечко, но через минуту опять становился ровным, уважительным к подчиненным. Одного он не терпел и не прощал никому и никогда: лжи. Уличенный в ней навсегда терял в глазах командарма авторитет и уважение. Помнится, комбат одного из полков ежедневно сообщал о сотнях уничтоженных его подчиненными гитлеровцев. Наконец, Лукин, который всегда (а теперь-то, после усечения 16-й, и подавно) был в курсе всего, что делалось не только в соединениях, но и полках и подразделениях его армии, позвонил тому комбату:

— Почему стоишь на месте?

Тот, видимо, ответил, что немцы не пускают.

Командарм вспылил:

— По твоим данным, ты же чуть ли не целую дивизию уничтожил!

Лукин крепко отчитал комбата, а вместе с ним и командира полка, потребовал впредь сообщать в штаб армии только правдивые данные, в противном случае — трибунал! Строго? Да, но иначе нельзя. Ложные сведения вводят в заблуждение командование, не дают возможности правильно маневрировать войсками.

Командарм обладал хорошей памятью, и когда впоследствии зашла речь о повышении комбата по службе, сказал:

— А-а, это тот, который бумажками прикончил немецкую дивизию? Но не вечно же его терзать за прежнюю ошибку. Знаю, урок пошел ему на пользу. Давайте представление, подпишу...

Такой вот он был, наш Михаил Федорович Лукин. Иногда, повторяю, резкий, но в целом прямодушный, рассудительный, храбрый. Лобачев не однажды мне рассказывал, как смело и инициативно руководил наш генерал войсками в боях под Шепетовкой. Когда был ранен командир 109-й мотострелковой дивизии полковник Н. П. Краснорецкий, Михаил Федорович повел ее полки в бой. Они остановили врага, нанеся ему большой урон в живой силе и технике.

— И это тем более поразительно, — взволнованно говорил Лобачев, — что на стороне гитлеровцев было подавляющее численное превосходство. Но наши командиры и бойцы не дрогнули, не отступили. Оказавшись в безвыходном положении, они подрывали себя последней гранатой и вместе с собой уводили в могилу фашистов.

Да, так было. И это о них, советских воинах-богатырях, с недоумением и страхом писали тогда своим родственникам и знакомым гитлеровские солдаты и офицеры (их письма попадали в мои руки чуть ли не ежедневно), что русские сражаются до последней капли крови и плену предпочитают гибель на поле боя.

Нет, неблагоприятное для нас начало войны не сломило советского человека, не ослабило влияния большевистской идеологии, на что рассчитывали фашисты. Наоборот, она, наша идеология, проводниками которой в первую голову были армейские коммунисты и комсомольцы, с каждым днем все больше показывала свою силу и жизнеспособность. Разумеется, быстрое отступление войск от западных границ пагубно сказывалось на моральном духе некоторых бойцов и командиров. Одни из них паниковали, другие дезертировали или даже переметывались в стан противника — были, к несчастью, и такие, но не они, паникеры и предатели, определяли лицо воинских коллективов, в массе своей здоровых, неустрашимых, негибаемых. И я по сей день испытываю чувство огромного удовлетворения, что вот эта непоколебимая твердость, способность стоять насмерть — во многом результат проводившейся нами партполитработы, для которой использовалась малейшая передышка между боями. Разъясняли: успех противника — временный, конечная победа будет за нами. Внушали: кто

поддается панике, тот заранее обрекает себя на гибель. Значитывали сводки Совинформбюро, особо выделяя те места, где говорилось о героизме личного состава частей и соединений Красной Армии. Рассказывали о людях 16-й, проявивших исключительное мужество и отвагу в боях под Шепетовкой.

Какой же напрашивается вывод? Наш воин, был ли он красноармейцем или генералом, нес в себе огромный нравственный заряд, который во сто крат повышал в его руках мощь винтовки, гранаты, бутылки с горючей смесью. Потому-то ведомые командармом Лукиным бойцы, командиры и политработники 16-й с честью и славой до конца выполнили свой долг. Потому-то фашистам приходилось платить огромную цену за каждую пядь советской земли, они устилали своими трупами наши поля, горели их танки и самолеты.

4

К июлю 1941 года обстановка на нашем, смоленском, участке фронта сложилась чрезвычайно трудная. 20-я армия генерал-лейтенанта П. А. Курочкина вела тяжелейшие бои с танковыми группами гитлеровских генералов Гудериана и Гота. Правее, восточнее Витебска, должна была действовать 19-я армия генерал-лейтенанта И. С. Конева, однако выйти на указанные позиции она не смогла, так как была вынуждена вступать в сражение отдельными частями и даже подразделениями. Армия понесла серьезные потери и с боями стала отходить.

Наша 16-я получила приказ Ставки оборонять Смоленск, и ее соединения начали незамедлительно развертывать свои боевые порядки. 152-я стрелковая дивизия заняла рубеж Касили, Буда, Куприно, станция Катаны, Горохово, что северо-западнее Смоленска. Прибывавшие из Иркутска части 46-й стрелковой дивизии также сосредоточивались северо-западнее Смоленска.

В качестве поддержки и усиления стрелковых частей мы располагали четырьмя полками армейской артиллерии. Кроме того, у нас оставался мотострелковый полк 57-й танковой дивизии, которая, как, вероятно, помнит читатель, была передана в оперативное подчинение 20-й армии. Полк имел до полутора десятков танков, примерно половина из них — новые машины Т-34.

3 июля, то есть на второй день после прибытия нашего эшелона под Смоленск, по радио выступил Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. Я вызвал редактора армейской газеты «Боевая тревога» батальонного комиссара Б. П. Павлова.

— Необходимо, Борис Потапович, принять все меры, чтобы завтра речь товарища Сталина была опубликована.

Павлов немного помолчал, потом твердо ответил:

— Хорошо. Будет сделано.

Зная, что задача эта не простая — о телетайпе в ту пору и разговора не было, да и радиопередачи как следует еще не наладились, — я заинтересовался, каким образом думает он выполнить свое обещание.

— Кого-нибудь из сотрудников pošлю в Смоленск, чтобы раздобыть текст речи там. Или нет, лучше съезжу сам, — сказал Борис Потапович.

Слово свое Павлов сдержал. На следующее утро передо мной лежал свежий номер «Боевой тревоги» с выступлением Сталина. Для нас, политработников, это был документ огромной важности. Сначала не в силах побороть нетерпение, я прочитал его очень торопливо, затем уже основательно, вдумываясь в каждую фразу: «Над нашей Родиной нависла серьезная опасность... В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку... Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР...»

Смерть, смерть, смерть... — вот что нес германский фашизм. Он грозил отнять землю, на которой мы родились и жили, отравить воздух, которым мы дышали. Это — страшнее чумы. Спасение было в одном — остановить гитлеровские полчища, повернуть их вспять. В выступлении Сталина четко и ясно говорилось об этом.

Взяв свежие номера газеты, мы, политработники, разъехались в войска. Один — к артиллеристам, другой — к минометчикам, сам я — в 152-ю стрелковую дивизию. Всюду, где позволяла обстановка, были проведены митинги. Их цель сводилась к одному: как можно глубже, доходчивее разъяснить личному составу содержание выступления Председателя Государственного Комитета Обороны. Чтобы каждый воин до конца осознал смертельную угрозу, чтобы каждый проникся чувством личной ответственности за судьбы своей социалистической Отчизны, люто возненавидел ее врагов — немецко-фашистских захватчиков.

Для нас то была партполитработа в новых, боевых условиях, когда жизнь 16-й целиком перешла на военные

рельсы. Как же конкретно она организовывалась, с какими трудностями мы столкнулись, налаживая ее в частях и соединениях армии? Или, быть может, обошлось без трудностей? Нет, они встречались едва ли не на каждом шагу. Ведь, говоря откровенно, мы даже не знали толком, с чего лучше начать. Многие из старого, хорошо зарекомендовавшего себя в мирное время — лекции, доклады, диспуты, тематические вечера — не годилось. Какие там диспуты, какие вечера, если враг насаждает со всех сторон: слева и справа ведут огонь его автоматчики и пулеметчики, сзади — артиллеристы, а сверху сыплет бомбы авиация? Пришлось на первых порах ограничиваться боевыми лозунгами, призывами: за Родину, за партию! Правда, уже к началу второй недели войны кое-чему научились. В частности, вошли в практику задания политработникам на день. Сегодня, скажем, им рекомендовалось, воспользовавшись благоприятным моментом, провести с бойцами беседу: умей применяться к местности, завтра — знай противника, послезавтра — веди огонь наверняка.

Прошло еще немного времени — и мы стали проводить накоротке делегатские собрания, затем приспособились читать — тоже, естественно, сжато — лекции, доклады. В общем, партполитработа в войсках набирала силу, крепла. Вскоре шире начали использовать и печатную пропаганду. Так, в номере за 6 июля «Боевая тревога» поместили передовую статью-призыв «Стоять за Советскую Родину насмерть!» На страницах газеты были опубликованы материалы о подвиге капитана Гастелло, о воинах части Слепцова, которые уничтожили тридцать вражеских танков и двенадцать дальнебойных орудий, об эскадрилье майора Каськова, нанесшей мощный бомбовый удар по скоплению гитлеровских войск, а также подборка заметок под общим заголовком: «Стремись расправиться с врагом огнем, гранатой и штыком...»

Подборка эта была очень своевременной и нужной. Дело в том, что как раз в те дни на станцию Смоленск-2 стали прибывать первые эшелоны 46-й стрелковой дивизии. Бойцы в ней были не обстреляны, что сразу же бросилось в глаза. Во время разгрузки налетели вражеские самолеты. Дико завывая, они стали снижаться, чтобы как можно точнее сбросить бомбы. Я весь напружинился и ждал: вот-вот по фашистским стервятникам ударят хотя бы винтовочные залпы. Ничего подобного. Ни одиночного, ни группового огня никто не вел, никто в подразделениях его не организовал.

Я в тот же день доложил об этом Военному совету.

— Сигнал очень тревожный, — выслушав мое сообщение, сказал командарм. — Конечно же пассивность при бомбежке недопустима, она порождает трусость и паникерство. Тому, кто не борется с самолетами, остается только одно: бежать. Вот и говорю, что тревожный это сигнал, тем более что он не первый... Мы с Лобачевым разработали и отдали соответствующий приказ, но, понятно, этого мало. Нужно подумать: а не построить ли нам на тыловом рубеже для начала хотя бы примитивный учебный городок, где обучать бойцов групповому огню по самолетам?..

— И борьбе с танками, — добавил Лобачев.

— Вот-вот, и это тоже. Непременно!

Так родилась идея о создании учебного городка. Вскоре она была осуществлена.

5

10 июля Лукин, Лобачев и Шалин были вызваны в штаб Западного направления. Командующий войсками этого направления Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко поставил армии задачу перекрыть с северо-запада и юго-запада все дороги — грунтовые, шоссе, железнодорожные, чтобы противник не мог выйти по ним в тыл 19-й и 20-й армиям и не захватил магистраль Смоленск — Ярцево. В приказе говорилось:

«В целях объединения управления и упорядочения обороны подступов к Смоленску приказываю: 1) Подчинить командующему 16-й армией генерал-лейтенанту М. Ф. Лукину все части гарнизона города Смоленска, части, прибывающие по жел. дороге в другие армии и разгружающиеся в районе г. Смоленска... 2) Командующему 16-й армией объединить управление указанными выше частями и прочно удерживать подступы к Смоленску. 3) Контратаками подвижных маневренных групп окружать, блокировать и уничтожать прорвавшиеся части противника, широко используя для этой цели ночное время.

Командующий маршал Тимошенко, начальник штаба Маладин»¹.

Генерал Лукин распорядился немедленно выслать наших представителей на места, вплоть до Рославля, где должны были разгружаться прибывающие на фронт части.

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 10169, д. 4, л. 248.

К сожалению, пополниться там свежими регулярными войсками нам не удалось. Не было их и в самом Смоленске. В городе находились лишь три батальона, сформированных из добровольцев — коммунистов и комсомольцев, да еще батальон милиции. Вооружение — винтовки и незначительное количество пулеметов... Следовательно, рассчитывать оставалось в основном только на свои силы.

— Начнем, — решил Лукин, — с выполнения третьего пункта приказа Тимошенко, будем создавать подвижные маневренные группы. — Голос его гневно дрогнул. — И бить фашистов будем, и уничтожать будем!..

Одним из первых такой отряд во главе с капитаном Мосиным был сформирован в 46-й стрелковой дивизии. В него вошли стрелковый батальон, противотанковая батарея 176-го стрелкового полка и две батареи противотанкового дивизиона, дивизион 126-го корпусного артиллерийского полка, две саперные роты. Отряд должен был, взаимодействуя с соседями — подразделениями из 20-й армии, противостоять на правом фланге танкам группы Гота, рвавшимся от Витебска к Демидову.

Для усиления прикрытия левого фланга организовали отряд в составе стрелкового батальона, дивизиона 76-миллиметровых пушек и дивизиона 152-миллиметровых гаубиц. Возглавил его волевой, имевший солидный боевой опыт подполковник П. И. Буянин. Замполитом в отряде стал участник боев на озере Хасан батальонный комиссар И. И. Панченко. А для организации обороны на этом участке вместе с отрядом выехал начальник артиллерии армии генерал-майор Т. Л. Власов.

В течение двух дней командованию 16-й удалось сформировать шесть подвижных маневренных групп, организовать оборону с перехватом всех дорог, идущих с северо-запада и юго-запада к Смоленску. Во всем этом сложном и ответственном деле самое непосредственное участие принимали политработники. Главной их заботой было направить всю силу идейного оружия на решение боевых задач.

— Помните, — говорил я политработникам, — постоянно помните, что для вас слово такое же оружие, как для бойца винтовка, граната, штык. Знайте: слово способно повести на бессмертный подвиг, но оно может и убить. Учитесь же в совершенстве владеть этим грозным оружием.

И они учились. Настойчиво добивались, чтобы насыщенные большевистской убежденностью слова доходили до ума, до сердца слушателей, били точно в цель. К этому стремились всегда, везде: выступали ли на митингах в под-

разделениях, частях и соединениях, проводили ли с бойцами групповые и индивидуальные беседы, рассказывали ли на страницах «Боевой тревоги» о лучших людях. И конечно же когда призывали коммунистов неустанно показывать сослуживцам личный пример ревностного отношения к выполнению воинского долга — грудью своей прикрыть родную землю.

Так что же, спрашиваю себя снова, все шло без сучка и задоринки, никаких просчетов и упущений? Если бы Будучи начальником отдела политпропаганды, я, естественно, обязан был чаще, настойчивее внушать бойцам идеологического фронта, что их работа — дело творческое, требующее постоянного поиска, тесной связи с конкретной обстановкой. Однако, занятый решением многих задач, которых тогда было невпроворот, я на какое-то время упустил из виду это важнейшее положение. И что же? Партийные организации некоторых батальонов и полков, неплохо наладив идеологическое воспитание личного состава, слабо или совсем не интересовались его конечными результатами. Понадобилось срочное вмешательство. На собраниях, совещаниях, в беседах непременно подчеркивал: политработники несут ответственность за весь ход и исход боя, а не только за предварительную подготовку к нему.

Немало сил пришлось потратить и на то, чтобы добиться полного информирования о проделанном за день. Наладили постоянную информацию по цепочке от политработника роты до начальника отдела политической пропаганды армии. Последний отправлял письменное донесение управлению политпропаганды фронта.

Первое такое донесение о политико-моральном состоянии войск 16-й армии я отослал на имя дивизионного комиссара Лестева 10 июля. Мне оно дорого как документ той грозной поры, а потому приведу его с некоторыми сокращениями, но без каких-либо поправок, заранее попросив у читателей извинение за шероховатость стиля. До округлых ли фраз, до красивостей ли тогда было? Так вот, в донесении говорилось:

«На 10 июля прибыли и сосредоточились в указанных районах 5-й мехкорпус в составе 13-й, 17-й танковых и 109-й мотодивизии, в полном составе 152-я стрелковая и 57-я танковая дивизии. Части 5-го мехкорпуса, прибывшие в Старокопастингов — Шепетовку, по распоряжению Ставки переданы в оперативное подчинение 20-й армии и с 5 на 6 июля заняли исходный район для отражения атаки противника в направлении Пибель западнее Смоленска.

7—8 июля передовые части корпуса имели встречи с отдельными частями противника...

Во всех частях провели партийные собрания с вопросом: задачи партийных организаций, вытекающие из речи т. Сталина. Партийные и комсомольские организации правильно поняли свои задачи и направляют всю свою работу на помощь командирам в сколачивании боевых частей и на выработку у командиров и бойцов волевых качеств, мужества, героизма и отваги. После изучения речи т. Сталина усилился прилив в партию и комсомол. Широкая пропаганда среди личного состава мероприятий партии и правительства по мобилизации всех сил и ресурсов на борьбу с немецким фашизмом еще больше укрепила политико-моральное состояние в частях.

В частях 152 сд организована учеба личного состава по борьбе с танками противника и десантными группами. Созданы отряды заграждения и группы истребления танков, в эти группы бойцы и командиры идут с большим желанием. С ними организованы практические занятия: как вести борьбу с танками противника при помощи бутылок с горючей смесью...»¹

6

Потери фашистов были велики, однако они не считались с этим, еще не понимая или не желая понять, что их план «молниеносной войны» терпит крах. Гитлеровское командование бросало в сражение все новые дивизии. В этих условиях каждый удар по врагу приобретал особое значение. Необходимо было сбить с оккупантов спесь, охладить их пыл.

Правофланговый отряд капитана Мосина получил задачу выбить противника из Демидова. Первая попытка закончилась неудачей. Спустя некоторое время попытку повторили. Однако и она успеха не имела. Видя, что лобовой атакой Демидов не взять, Лукин распорядился произвести дополнительную разведку. В ходе ее выяснилось, что противник создал прочную оборону в восточной части города и недостаточно укрепил ее на западной стороне. Здесь и приказал командарм Мосину нанести основной удар. К тому же отряд был усилен еще одним стрелковым батальоном, дивизионом противотанковой артиллерии и ротой тан-

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 30, л. 369—373.

ков. На танки был посажен десант, который возглавил политрук В. М. Машункин.

Ночью с помощью местных жителей капитан Мосин скрытно, по лесным дорогам повел часть своего отряда к западной окраине Демидова. Шли в полной тишине. Ни разговоров, ни команд, шагов — и тех не слышно. Бесшумно сняли часовых и ринулись в неудержимую атаку. Гитлеровцы не ожидали этого, они не предполагали, что русские после двух неудачных попыток решатся на новый штурм города. Полученный удар ошеломил их, тем более что фашистов сбил с толку и открытый по сигналу красной ракеты сильнейший артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь на восточной окраине Демидова — это, отвлекая внимание противника, начала действовать остальная часть отряда Мосина.

Гитлеровцы заметались, а наши войны кололи их штыками, расстреливали в упор. Разгром врага довершил танковый десант Машункина. К утру город был очищен от захватчиков. Передо мной текст донесения, которое я послал в управление политпропаганды фронта: «14 июля в 2.30 батальоны пошли в атаку. Противник потерял до 700 человек убитыми и ранеными. Захвачены трофеи...»¹

В Демидове были освобождены около трех тысяч наших пленных красноармейцев и командиров. Были они до крайности истощены. Фашисты не давали им ни есть, ни пить, а жителей города и окрестных деревень предупредили: за передачу пищи пленным — расстрел. От голода и болезней ежедневно умирали десятки людей.

В боях за Демидов ярко проявился массовый героизм наших воинов. Отважно сражались с врагом командир противотанкового дивизиона капитан Мельников, старшина роты Беспалый, красноармеец Степанов... Я называю лишь три фамилии, хотя, повторяю, героизм мосинцы проявили массовый, и каждый боец, командир, политработник, принимавший участие в тех действиях, достоин самой высокой похвалы.

Так вот, капитан Мельников. Когда против танков с десантом Машункина фашисты двинули свои боевые машины, Мельников обратился к подчиненным:

— Без команды не стрелять! Бить только в упор! Наверняка!

Артиллеристы подпустили врага вплотную. И после пер-

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 31, л. 183.

вого же залпа зачадил один фашистский танк, вспыхнул второй, закрутился на месте с перебитой гусеницей третий...

Старшина Беспалый. В самый напряженный момент атаки был смертельно ранен командир роты. Командиры взводов выбыли из строя еще раньше. Наши бойцы дрогнули. И тогда Беспалый взял команду на себя. Вскинул над головой винтовку:

— За мной! За Родину! Вперед!

В ответ дружно раздалось:

— Ура!..

Противник не выдержал яростного напора и откатился вспять.

Красноармеец Степанов. В его сторону полетела немецкая граната с длинной деревянной ручкой. Степанов успел спрятаться за угол дома, а едва прогремел взрыв, метнул свою лимонку.

— Вот вам, гады, от меня! И это, — бросил вторую лимонку, — тоже от меня!

Прислушался к замирающим стонам во вражеском окопе, удовлетворенно подытожил:

— Капут!..

В период боев за Демидов сложная обстановка создалась на левом фланге армии, на большаке Смоленск — Красное, куда был выдвинут отряд подполковника Буняшина. Этот отряд встретил подразделения 29-й моторизованной дивизии противника, перед которой Гудериан поставил задачу захватить Смоленск с ходу, — ту самую дивизию, что год назад парадным маршем прошла по Парижу. При этом Гудериан заранее поздравил командира дивизии с назначением командантом Смоленска и обусловил встречу с ним в старинном русском городе в ближайшие два-три часа.

Но парадного марша у гитлеровцев не получилось. Отряд Буняшина выдержал удар врага на большаке, а затем атаковал его в деревне Хохлово, уничтожив до роты солдат. На другой день противник повел новое наступление. Наш отряд не проявил особой активности, но это была хитро задуманная ловушка. Мотоциклетный полк гитлеровцев ворвался в Хохлово, и советские воины захлопнули мышеловку. С опушки лесочка неподалеку от деревни артиллеристы открыли по врагу губительный огонь. Гитлеровцы заметались в поисках выхода, но их в упор расстреливали пулеметчики и стрелки отряда Буняшина. Мотоциклисты были разгромлены, около двухсот фашистов попали в плен.

Но в том бою и мы понесли тяжелую утрату: погиб начальник артиллерии армии генерал-майор Т. Л. Власов. И

Бойцы, и командиры остро переживали эту потерю. Волны вынесли из-под огня тело отважного артиллериста и похоронили его со всеми почестями, какие были возможны в той трудной ситуации.

И опять я затрудняюсь особо выделить кого-либо из участников тех боев. Все бились с врагом самоотверженно, я бы сказал, со знанием дела и полным пониманием высокой ответственности. И все же хочется назвать заместителя командира отряда по политчасти батальонного комиссара Ивана Ивановича Панченко. Описанная выше ловушка в Хохлово была устроена по его инициативе. Когда же замедлился темп наступления одной из наших рот, политработник Панченко личным примером воодушевил ее на стремительный бросок.

В боях в районе Демидова и села Красное 16-я армия прошла суровый экзамен на зрелость. Вместе с бойцами и командирами его держали и политработники, причем, подчеркну, при чрезвычайно сложных обстоятельствах. Ведь заниматься идеологическим воспитанием личного состава им приходилось в условиях отступления, неустойчивости фронта, быстро меняющейся, как правило, не в нашу пользу обстановки. Необходимого боевого опыта войска и штабы еще не имели, ощущалась острая нехватка не только танков, самолетов, но нередко и стрелкового оружия. Надо ли поэтому удивляться, что наряду с определенными положительными моментами в организации партийно-политической работы мы имели и целый ряд существенных недостатков. В частности, в некоторых дивизиях органы политической пропаганды плохо помогали командирам обеспечивать должную организованность, не умели своевременно пресечь панические настроения отдельных военнослужащих, не направляли на борьбу с этими негативными явлениями партийные и комсомольские организации.

Устранить ошибки, просчеты, допускаявшиеся политработниками, улучшить деятельность органов политической пропаганды, партийных и комсомольских организаций — вот задача, которую следовало решить в самые сжатые сроки.

Глава третья

ОТ КАЖДОГО КАМНЯ ЗДЕСЬ МУЖЕСТВОМ ВЕЕТ...

1

Смоленское сражение, как известно, развернулось на огромном фронте шириной до 600—650 километров — от Идрицы и Великих Лук на севере до Лоева и Новгорода-Северского на юге — и длилось два месяца. Наступление на смоленском направлении начали 10 июля 1941 года подвижные войска немецкой группы армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Бок. 3-я танковая группа генерала Гота обходила Смоленск с севера, а 2-я под командованием генерала Гудериана — с юга. Гитлеровцы рассчитывали рассечь войска Западного фронта на части, окружить и разбить прикрывавшие город 19, 20 и 16-ю армии и овладеть им.

Германское командование было совершенно уверено в легкой и быстрой победе. Так, 4 июля Гитлер заявил, что практически противник войну уже проиграл, его танковые и военно-воздушные силы разгромлены в самом начале и русские не смогут их больше восстановить. Да и вся нацистская верхушка считала, что советские войска уже не способны создать сколько-нибудь устойчивую оборону. Поэтому немецко-фашистское командование приняло решение форси-

ровать наступление прежде всего на центральном участке фронта, где оно рассчитывало, что с выходом в район Смоленска группа армий «Центр» во взаимодействии с группой армий «Север» сможет в короткий срок продвинуться далеко вперед и овладеть, таким образом, всей Северной Российской и Московским промышленным районом¹.

Авантюристические расчеты гитлеровцев на скорую победу провалились, ибо строились они на ложной основе. Фашистов подвели необоснованные данные и выводы их разведывательных органов о слабости Красной Армии, о снижении морального духа ее личного состава в результате успехов вермахта на советско-германском фронте, массированных действий немецких танков и авиации, подавивших якобы волю советских войск к сопротивлению. Сражение приобрело исключительно ожесточенный, кровопролитный характер. Под Смоленском какая-нибудь деревушка в десяток дворов переходила из рук в руки по нескольку раз в день. Гудериан вынужден был бросать в бой одно за другим все новые соединения или снимать их с одного направления и кидать на другое. Вот очередь дошла до 13-й моторизованной, а вслед за этим и дивизии СС «Рейх». Однако и после этого сопротивление войск Красной Армии, оборонявших Смоленск, сломить врагу не удалось. Ни его танки, ни авиация, господствовавшая в воздухе, не смогли преодолеть стойкости и воли советских воинов. Да, наши соединения несли серьезные потери, но и противник истекал кровью.

10 июля я принимал на станции Смоленск-II прибывшие из Иркутска эшелоны 46-й стрелковой дивизии генерал-майора А. А. Филатова. Близился уже вечер, когда над эшелонами появилось около шестидесяти немецких бомбардировщиков. Правду сказать, тревожно стало: не избежать нам жестоких потерь. Да и не мудрено — кругом все грохотало, земля вставала дыбом от взрывов. К счастью, новички не растерялись. Быстро рассредоточившись, они воспользовались всем, что могло служить хотя бы мало-мальским укрытием.

В подобранных позже немецких листовках гитлеровцы хвастались: их авиацией-де уничтожена в эшелонах дивизия русских, прибывшая в Смоленск. Ну это в духе геббельсовской пропаганды — выдавать желаемое за действительность. А действительность такова: в итоге массированного налета

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975. Т. 4. С. 43—44.

было ранено четыре бойца да убита одна лошадь. Сейчас поверить в это трудно, но факт остается фактом: отделались мы минимальными потерями. Что ж, элемент везения на фронте всегда присутствовал. Только должен сразу же сказать: везло обычно смелым и умелым.

— Как, товарищи, — проследив взглядом за скрывшимися вдали «юнкерсами», спрашивал я красноармейцев, — страшно было?

Один из них, плотный, коренастый, с задубленным ветром лицом, помялся и ответил смущенно:

— Оно, как сказать, товарищ бригадный комиссар, грому, однако, много было...

— Охотник, что ли?

— Охотник.

— Чего же по бомбардировщикам не стрелял?

Боец еще больше смутился:

— Так самолет же, товарищ бригадный комиссар, однако, не белка, его, черта, пулей разве возьмешь?

— Возьмешь, если получше прицелишься!

Другой красноармеец спросил:

— А скажите, товарищ бригадный комиссар, чего это Гитлер зря бомбы переводит, или у него излишек образовался?

— Никакого излишка у Гитлера, конечно, нет, хотя и захватил он почти всю Западную Европу, заставил ее на себя работать. А то, что мы сегодня легко отделались, на это есть две причины. Во-первых, летчики оказались мазилами, и, во-вторых, храбрости, сообразительности им не хватило. Могли бы снизиться и поточнее сбросить бомбы, ведь никто по ним не стрелял.

— Ну, это мы учтем на будущее! — заверили бойцы.

Итак, многострадальная смоленская земля вновь стала ареной жестокого сражения за свободу и независимость Родины, за ее столицу. И, воскресая славные патриотические традиции предков, смоляне дружно поднялись на борьбу с заклятым врагом.

Не раз было небу от пламени жарко:

Ключ-город в осаде пылал.

И прежде чем выступил Минин с Пожарским,

Атаки Смоленск отбивал.

Не раз и не два заслоял он собою

Просторы великой страны.

И прежде чем быть Бородинскому бою,

Был бой у смоленской стены.

От каждого камня здесь мужеством вест

Дней наших и дней старины... —

писал в своем стихотворении — и очень правильно писал! — поэт Алексей Бодренков.

В это неизмеримо тяжелое для нашей Родины время огромную работу проводил Смоленский обком партии во главе с Д. М. Поповым, с которым А. А. Лобачев и я не однажды встречались. «Все для фронта, все для разгрома врага!» — таков был девиз. В городах и селах Смоленщины строились оборонительные укрепления, создавались формирования народного ополчения и партизан.

Более 300 тысяч смолян вышли на сооружение оборонительных рубежей. На помощь им поспешили трудящиеся соседних областей. Еще 30 июня на станции Красный Бор, что в 40 километрах западнее Смоленска, выгрузился эшелон комсомольцев из Воронежской области. Вчерашние школьники, студенты, воспитанники Осоавиахима, они горели одним желанием, одним стремлением: помочь фронту. Их распределили по отрядам и направили в распоряжение стрелковых дивизий и саперных частей в район от села Красное до станции Гусино. Под бомбежками, нередко под прямым обстрелом вражеской артиллерии юные патриоты рыли противотанковые рвы, помогали пехотинцам сооружать траншеи и ходы сообщения, лесные завалы, заграждения из колючей проволоки.

Спустя четверть века после войны мне довелось ознакомиться с материалами газеты «Ленинский завет» Нижнедевицкого района Воронежской области. В них рассказывалось о том, как в 1941 году пятьдесят молодых добровольцев-школьников этого района уехали под Смоленск. Оказалось, что они были как раз в том эшелоне, который разгружался на станции Красный Бор. Читаю имена: учащиеся девятого класса Роман Гребенкин, Иван Карташов, Ольга Гусева, Наталья Прозорова, восьмиклассники Петр Бутузов, Мария Мосенко, гсдом младше Владимир Глебов и другие мальчишки и девчонки. Они, естественно, не принимали военной присяги, но, подобно настоящим бойцам, не щадили крови, а порой и самой жизни ради победы над злым и коварным врагом.

Не раз приходилось мне видеть, как ребята в гражданской одежде подбирали на поле боя оружие и вставляли на место павших. Так поступил и пятнадцатилетний Володя Глебов, который заменил в 333-м артиллерийском полку погибшего ездового и доставлял на огневые позиции боеприпасы, вывозил раненых. А сколько его сверстников пало в боях за Родину, не дожив до светлого Дня Победы? Честь им и слава!

Сотни юношей и девушек, не достигших еще совершеннолетия, сражались в рядах народных мстителей, которых с каждым днем становилось все больше. И это вполне закономерно. Ведь на территории, временно оккупированной фашистами, развернули активную деятельность 32 подпольных райкома партии и 114 первичных парторганизаций, более 30 райкомов комсомола. Отсюда и результат: кроме смоленской добровольческой бригады в битву с противником вступили 19 партизанских отрядов. Их формированием и действиями руководил первый секретарь обкома партии Д. М. Попов, который и посвятил меня тогда в дела партизан Смоленщины. Один из крупных партизанских отрядов, состоявший почти целиком из коммунистов и комсомольцев, возглавил секретарь Смоленского обкома партии Г. И. Пайтеров.

Народные мстители наносили ощутимые потери врагу, не давая ему передышки ни днем ни ночью. Уже 6 июля в утренней сводке Совинформбюро я с удовлетворением прочитал: «Пленные германские солдаты сообщают о многочисленных выступлениях партизан. Захваченный в плен нашими разведчиками солдат, шофер автоцистерны Ганс Шмидт рассказал о невероятных трудностях, которые приходилось преодолевать колонне автомашин, подвозивших горючее для фронтовых танковых частей. Каждый бугор, каждый придорожный куст, признается пленный, служил хорошим укрытием для партизан»¹.

Партизанское движение буквально на наших глазах приняло такие размеры, что даже германское информационное агентство вынуждено было признать массовость и организованность народной войны в тылу немецко-фашистских войск.

Было приятно сознавать, что удары по фашистским захватчикам народные мстители наносили не без нашей помощи. Военный совет и отдел политпропаганды 16-й с самого начала установили прочную связь с партийными и советскими органами Смоленска, в меру своих сил и возможностей содействовали им в развертывании партизанского движения на территории, временно оккупированной противником.

— Нельзя ли выделить в наше распоряжение, — спрашивали смоленские товарищи, — несколько опытных командиров, специалистов по подрывному делу, связистов?

— Можно, — неизменно отвечали мы, хотя и сами из-

¹ Сообщения Советского информбюро, Г. 1, С. 30.

за нехватки таких специалистов испытывали огромные трудности. — Можно, ибо делаем-то одно общее дело, защищаем родную землю!

Воинов мы отправляли к партизанам с оружием, а в тех случаях, когда уходили разведчики, снабжали их и трофейным немецким обмундированием. Напутствовали:

— Беспощадно бейте фашистскую нечисть!

Били! Не в переносном, а в прямом смысле слова горела земля под ногами ненавистных захватчиков.

Гитлер рассчитывал, что после первых же ударов вермахта рухнет советский государственный строй, но то, с чем столкнулась германская армия на Смоленщине, ошеломило его. На защиту древнего русского города поднялись все от мала до велика.

Приведу один характерный пример. Было это в начале июля, в знойный безветренный день. Только что закончился налет вражеской авиации на Смоленск. Тут и там занимались пожары, над улицами и площадями повис черный дым. Плачут дети, раненые зовут о помощи... Страшная картина, которую нельзя забыть! И вдруг вижу: девушки подбирают детей, склоняются над ранеными, перевязывают их, несут на носилках в госпиталь, а сами в копоты, уставшие. Пригляделся я к этим сестрам милосердия и изумился — ведь совсем еще девчухи, кажется, едва выпорхнули из школьного класса! Но тут же и выяснилось, что они действительно были школьницами. Подошел к одной из групп, которая только что с чердака дома спустилась, спрашиваю:

— А вы зачем здесь, девчата? Что делаете?

— А затем, товарищ командир, зачем и вы, свой город защищаем! Немецкие зажигалки гасим.

— Не лучше ли вам домой вернуться? Сами видите, что тут делается, ведь и убить могут.

— Ну, товарищ командир! Вон немцы тоже нас пугают своими бомбами, только мы уж к этому привыкли.

Словом, на мое предложение отправиться по домам школьницы ответили решительным отказом.

Позднее я узнал еще об одном патриотическом поступке таких же славных смоленских девушек. В местечке Красный Бор в бывшем доме отдыха разместился военный госпиталь. Школьницы добровольно дежурили там круглые сутки. Когда же нам пришлось неожиданно отойти, они не покинули раненых, а укрыли их в надежных местах и выхаживали с помощью жителей окрестных сел.

Ныне в волжском городе Куйбышеве живет одна из тех патриоток — Елена Ивановна Кабановская. Вместе со свои-

ми подружками она дежурила в госпитале, спасала раненых, когда фашисты захватили Красный Бор. Юная Лена попыталась позже провести наших пятерых поправившихся воинов к линии фронта, но была схвачена гитлеровцами и отправлена в гестапо. Следствие шло недолго. Карта и компас, найденные у нее, оказались для гестаповцев достаточными уликами. И приговор был — смертная казнь. Спасло девушку только чудо: ей удалось бежать.

2

Наша 16-я армия втянулась в тяжелые бои, которые с нарастающей силой шли на ее флангах, особенно на левом. Главной моей и моих подчиненных заботой в те дни было наиболее эффективно и целеустремленно организовать политическую работу в частях и подразделениях. Ведя об этом разговор, позволю себе еще раз остановиться на мысли, высказанной в предыдущей главе. Там я писал: то, что было приемлемо в мирных условиях, не всегда годилось в обстановке напряженных боевых действий. Действительно, когда день за днем рвутся бомбы и снаряды, когда поливает свинцовый дождь, проводить политико-воспитательную работу гораздо сложнее. Но это вовсе не значит, что мы отказались от нее. Нет, мы вели эту работу постоянно и в любых условиях. Иное дело, что потребовался поиск ее новых организационных форм и методов.

Боевая обстановка заставила нас перенести политико-воспитательную деятельность непосредственно в окопы и блиндажи, в орудийные и минометные расчеты. Иными словами, мы стремились воспитывать каждого человека в отдельности. Поэтому работники отделов политпропаганды армии и соединений во главе с их начальниками, заместители командиров полков и батальонов по политической части, секретари партийных организаций и политруки рот — все, кто организовывал и вел идейное воспитание личного состава, шли в эти окопы и блиндажи, в орудийные и минометные расчеты поговорить с людьми с глазу на глаз и обязательно по душам. А это было очень и очень важно, ибо, чтобы выполнить свою задачу в бою, воин должен уметь переносить всевозможные трудности и лишения, оставаясь бодрым, мужественным и решительным, неуклонно стремиться к встрече с противником и уничтожению его.

На привитие таких морально-боевых качеств у личного состава мы и сосредоточивали свои усилия, причем не от

случая к случаю, а постоянно. Не припомню дня, чтобы, к примеру, батальонные комиссары И. И. Панченко и С. И. Поскребышев, старший политрук А. И. Батманов и другие политработники не прошли по траншеям, не заинтересовались самочувствием бойцов, не выслушали их просьбы, пожелания, не поддерживали морально. А в ту пору в поддержке нуждались многие. У одного погиб отец, у другого гитлеровцы сожгли хату, третий давно не получал писем от жены или, случалось, получал такое, что свет становился не мил.

Как-то Батманов рассказал мне:

— Заглянул сегодня утром на огневую позицию артиллеристов, в расчет Свиридова, и сразу почувствовал: что-то с сержантом неладно. Спрашиваю: кого-нибудь ранило, убило? Свиридов отвечает: нет. Тогда, говорю, что-то все-таки случилось? Достал сержант из кармана гимнастерки свернутый лист бумаги, расправил, показал в письме нужные строки и молча протянул его мне. А там написано: «Я полюбила его и вышла за него замуж. Так что больше я не твоя».

— Горе? — продолжал Батманов. — Еще какое! Тут, чтобы помочь человеку, слова нужны особенные. Ну, как и Свиридов, я молчу, подбираю про себя эти слова. Потом осторожно говорю: «Семен Петрович, понимаю, в одночасье беду свою не забудешь, но все же подумай-ка, чего стоит женщина, изменившая именно в такое время?»

А потом постепенно перевел разговор на другую тему, сказал о заявлении Свиридова о приеме в партию, которое он вручил мне вчера и в котором сам же написал, что обязуется стойко преодолевать все трудности и препятствия. Говорю ему: «Ясно, ты имел в виду другие трудности, фронтовые, но ведь...» И знаете, товарищ бригадный комиссар, сержант не дал мне договорить, заверил: лишь бы коммунисты уважили его просьбу, приняли в свои ряды, а уж он их в бою не подведет...

Здесь уместно сказать, что в приеме в партию, как, впрочем, и во всей организационно-партийной работе, мы столкнулись в то время с определенными трудностями. Дело в том, что прием в ВКП(б) был обусловлен правилами, непригодными для фронтовой обстановки. Каждый желавший стать коммунистом должен был представить три рекомендации товарищей, имевших не менее трех лет партийного стажа и знавших рекомендуемого не менее года по совместной работе или армейской службе. А война есть война. Люди выходили из строя, постоянно обновлялся личный состав, где уж тут искать рекомендующих с нужным партийным стажем и временем совместной службы! Поэтому, не-

редко получая заявления примерно такого содержания: «Иду в бой. Если погибну, то считайте меня коммунистом», мы имели моральное право считать написавших их товарищей членами нашей великой ленинской партии.

Была у нас и еще одна сложность. Заключалась она в том, что вновь прибывшего в войска коммуниста мы могли принять только на временный учет. И лишь после того, как в Главном управлении политпропаганды Красной Армии данные о нем сверялись с учетными карточками, мы приобретали право поставить коммуниста на постоянный учет. А до того он не имел решающего голоса на собраниях, не мог быть выдвинут на партийную работу, не мог давать рекомендации.

Как же конкретно преодолевались эти трудности?

В июле, в самый разгар напряженных боев за Смоленск, к нам прибыло пополнение. Это были добровольцы из Владимирской, Воронежской, Горьковской и Ивановской областей. Среди них имелось немало участников гражданской войны с солидным партийным стажем. А у нас ощущался как раз недостаток командно-политического состава, секретарей партийных и комсомольских организаций. Вновь прибывшие могли бы восполнить убыль, но — директива об учете... Ждать подтверждения сверки данных из тыла? Получим в лучшем случае через две-три недели, а боевая обстановка не отпускала нам этого времени. Так, батальон коммунистов, присланных Горьковской парторганизацией, с ходу пошел в бой и понес невосполнимые потери. Значит, требовалось оперативное решение вопросов. И мы выдвинули 89 человек политруками рот, многие стали секретарями партийных и комсомольских бюро, инструкторами отделов политпропаганды соединений.

Не ошибочной ли оказалась наша инициатива, не поспешили мы? Нет! Все выдвиненцы, за редким исключением, умело организовывали в частях партполитработу, показывали себя прекрасными бойцами, дисциплинированными и исполнительными, служили примером стойкости и храбрости. Один из них — коммунист Е. М. Орлов. Метким огнем из винтовки он уничтожил вражеского снайпера, а когда гитлеровские автоматчики окружили группу наших бойцов, забросал фашистов гранатами. Отважный воин был ранен, но остался в строю и лишь после успешно законченного боя по приказу командира отправился в госпиталь. Так же смело сражались коммунисты А. И. Еременко, К. И. Шепель и многие-многие другие. Личный пример коммунистов был одной из основ партийно-политической работы в войсках.

В ту суровую пору очень часто можно было видеть среди бойцов нашего командарма генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Лукина. Умел он запросто побеседовать с красноармейцами, поднять у них настроение. А иногда (я уже рассказывал, что он был отличным стрелком) возьмет у бойца винтовку и скажет:

— Давай-ка, браток, подкараулим врага.

Случалось, подкарауливали. Тогда незамедлительно раздавался выстрел — и одним гитлеровцем на земле становилось меньше. А по окопам разговоры: сам генерал был у нас, фрица уложил! Тут уж и винтовка делалась подлинной реликвией. И росло стремление бойцов вести огонь так же метко, как и командарм.

Вскоре враг ощутил это на себе. В одном из боев под Смоленском среди документов убитого немецкого офицера 29-й моторизованной дивизии было обнаружено письмо, которое он не успел отправить домой. В нем имелось такое признание: «Русские очень стойко защищаются, а стреляют — словно все снайперы. Я уже так много пережил, так многих потерял. Наши солдаты стреляют как попало, русские же — прямо в голову. Совсем нет настроения писать, так как не знаешь, что с тобой будет завтра, не возьмут ли на мушку. Если возьмут, не промахнутся...»

Трудная фронтовая обстановка все сильнее сплывала наш командный и политический состав с рядовыми бойцами. Придешь, например, на командный пункт 152-й стрелковой дивизии, спросишь:

— Где бригадный комиссар Рязанов?

В ответ чаще всего услышишь:

— Вместе с комдивом на передовой.

Большую часть времени проводили в войсках пришедший в отдел политпропаганды армии батальонный комиссар И. И. Панченко, замполит 480-го стрелкового полка Н. В. Ляпунов, ставший к тому времени старшим батальонным комиссаром, да и другие политработники. Этого требовала боевая обстановка. Смоленское сражение полно примеров, свидетельствующих о том, что в самую тяжелую минуту на самых трудных участках политработники личным примером увлекали бойцов в атаку.

Скажем, тот же Иван Иванович Панченко. О его сметке и отваге в бою сослуживцы неизменно отзывались с восхищением. Впоследствии он стал комиссаром 1-й танковой дивизии, вошедшей в состав 16-й армии. Погиб Панченко, когда, заменив вышедшего из строя командира, повел в атаку танкистов. Смертью храбрых пали наши славные боевые

друзья батальонный комиссар С. И. Поскребышев, старший политрук А. И. Батманов. Только за несколько дней ожесточенных схваток мы потеряли 108 политработников. Многие из них наверняка знали, что идут на почти верную смерть, — так складывались тогда обстоятельства, знали, однако, не колеблясь, принимали с фашистами неравный бой.

Следуя примеру командиров и политработников, коммунистов, красноармейцы проявляли невиданную стойкость, неслыханное бесстрашие. Не случайно гитлеровский генерал Гальдер сетовал на то, что русские сражаются с фанатическим упорством. Об этом же в подобранном нашими войнами письме писал своим родным и убитый под Смоленском обер-лейтенант родом из Потсдама: «Русские будут стоять там, где их поставили, пока не уадут...»

В беседах с бойцами, в дивизионных газетах и боевых листках мы настойчиво поднимали, как принято выражаться, на щит славы мужество и отвагу воинов. И в то же время предостерегали от неоправданного риска, от бездумной храбрости, снова и снова напоминали, что пуля любит нерасчетливых людей. Чтобы не быть голословными (анализ показал, что имелись у нас потери и неоправданные), называли имена тех, кто и сам погибал бессмысленно, и своему подразделению никакой пользы не приносил. Да, добрый пример всегда находит последователей, но, что греха таить, и дурной пример бывает заразителен. Иные командиры и политработники, по меткому выражению Лестева, без ума сунув голову черту в зубы, на то же подталкивали и своих подчиненных. Помню, одернул я одного такого храбреца, а он в ответ:

— Простите, товарищ бригадный комиссар, вы что же, требуете, чтобы я отсиживался в укромном местечке, уклонялся от боя? Могу же я распорядиться своей жизнью?

— Можете, но при этом знайте, что ваша жизнь принадлежит прежде всего партии, народу, нашей армии и вы не имеете права погибать безрассудно. Уж если умирать, то так, чтобы за вашу гибель враг заплатил втридорога.

Этот разговор я привел в беседе с политсоставом частей армии о героизме и безрассудстве, мужестве и трусости. Получился очень откровенный и, надеюсь, полезный разговор. Заклучая его, член Военного совета дивизионный комиссар Лобачев сказал:

— Мы должны думать не только о сегодняшних делах, но и о грядущих боях. А впереди нас ждут нелегкие испы-

тания. Нам нужно беречь наши силы, наши кадры. Если противник выбьет командиров и политработников, то кто же доведет до победы красноармейцев? Вот о чем мы должны всегда помнить!

3

Много у нас было неотложных забот. И все они подчинялись одному: помочь личному составу быстрее отрешиться от благодушия мирного времени — ведь с начала войны не прошло и месяца и не все люди в полной мере представляли нависшую над Родной величайшую опасность. Нужно было воспитать у воинов ту ненависть к врагу, которая рождает непреклонную стойкость, умножает силу, а в конечном счете способствует победе.

— Все так, без ненависти серьезного врага не одолеть, — согласился генерал Лукин, когда я поделился с ним своими соображениями относительно этой стороны воспитательной работы. — Только ничего сами, Константин Леонтьевич, не выдумывайте и не отвлеченными разговорами прививайте ее бойцам, ненависть-то, а показывайте предметно. Оно и доходчивее будет, и нагляднее. Предметности же и наглядности, к нашему великому несчастью, ох как много...

Конечно же командарм имел в виду огромную территорию, оставленную нами, и дикое зверство, чинимые на ней фашистам. И мы стали проводить во всех частях и подразделениях встречи со свидетелями этих зверств. На одной из них в стрелковом батальоне я побывал вместе с редактором «Боевой тревоги» батальонным комиссаром Б. П. Павловым. Слово предоставили там старику колхознику, пробравшемуся к нам из захваченного гитлеровцами района.

— Над нашим народом зверствуют эти живодеры, как только хотят, — рассказывал он, и слезы текли по его морщинистым щекам. — Входят в хату хозяевами, молоко им давай, яйца, шпек — все давай. В сундуках роются, вещички отбирают... Скотину, птицу начисто забрали. Повели у соседки корову со двора, а у Степановны полна изба детишек, как им без молока? Уцепилась за коровенку: «Не дам!» А они, изверги, Степановну-то прикладом по голове, а потом заперли в избе и сожгли вместе с детишками...

— Сожгли? — недоверчиво переспросил молодой боец. — Это как же так, людей жечь?!

— А ты у немцев спроси, сынок, — сказал старик, — потому как и я своим умом не могу постичь такого зверства.

Посуди-ка, от деревни нашей одни головешки остались. А люди? Уцелели, кто успел в лес захорониться...

Рассказ колхозника произвел на всех огромное впечатление. Естественно, я порекомендовал Павлову дать об этой встрече подробный отчет в газете. И вообще, материалы, направленные на воспитание ненависти к врагу, печатались в ней из номера в номер. Здесь нам хорошо помогало Совинформбюро. Так, через день или два после опубликования отчета о встрече в стрелковом батальоне с живым свидетелем вандализма оккупантов «Боевая тревога», а также дивизионные многотиражки поместили вечернее сообщение Совинформбюро от 16 июля, выделив жирным шрифтом следующее место:

«Посланные Гитлером на восточный фронт штурмовые фашистские отряды выполняют роль палачей. Поймав группу колхозников сельхозартели «Свободный труд», гитлеровские людоеды подвергли их зверскому избиению плетьюми из стальной проволоки со свинцовыми наконечниками. Потерявшие сознание колхозники были свалены в кучу, облиты керосином и подожжены. В нескольких километрах от колхоза фашисты захватили полевой лазарет, в котором находились 23 тяжело раненных красноармейца. Штурмовики начали допрашивать красноармейцев, пытаясь получить сведения о расположении и огневой мощи частей советской армии. Не добившись своего, озверелые фашисты в течение двух часов издевались над ранеными, сорвали повязки с ран, а затем раненых бойцов повесили на телеграфных столбах вдоль улицы села»¹.

Помещались на страницах газет и попадавшие в наши руки письма захватчиков, в которых они хвастались своими убийствами, мародерством. Один немецкий ефрейтор приложил к письму список награбленного им: чепчики детские — два, сорочки женские — три, варежки шерстяные — одни... Список большой. Не знаю, успел ли этот мародер отправить домой украденное, но свое он получил — был убит под Смоленском.

Подобные письма, как и другие материалы о бесчинствах оккупантов, оказывали сильное воздействие на красноармейцев. С каждым днем все более жгучей ненавистью проникались они к врагу, который представлял перед ними во всем своем зверином обличье.

Надо сказать, что гитлеровцы пытались оказывать идеологическое воздействие на наших воинов. Их самолеты за-

¹ Сообщения Советского информбюро. Т. 1, С. 59.

брасывали в районы обороны соединений армии множество листовок, обещая перебежчикам райскую жизнь. Однако «софетски зольдатеи», наскоро прочитав, а то и вовсе не заглядывая в них, употребляли листовки на весьма прозаические нужды, хотя, конечно, на отдельных людей они определенное воздействие оказывали. Но и эти идейные слабаки, как выразился однажды Лобачев, довольно быстро начинали понимать лживость и гнилость геббельсовской пропаганды. Причин тому много, но главное, думаю, мероприятия, проводимые партполитработниками в порядке профилактики.

Одно такое мероприятие стало широко практиковаться после встречи с замполитом 480-го стрелкового полка Ляпуновым. Он поведал мне:

— Иду нынче по окопам и вижу, боец что-то мудрит с немецкой листовкой. Остановился, заинтересовался: что там? «Обычная брехня, — отвечает, — в плен зовут, золотые горы сулят». «Ну и как же?» — «Да вот сочиняю Гитлеру ответ на его приглашение». На обороте листовки боец изобразил здоровенную дулю. Смотрю, другие красноармейцы тоже упражняются — кто в живописи, кто в поэзии, а кто и в прозе, далекой от того, чтобы воспроизвести ее в печати...

После ухода Ляпунова я пригласил редактора многотиражки 152-й стрелковой дивизии «Красное знамя» батальонного комиссара Ф. А. Корнелюка, посоветовал ему заинтересоваться этим красноармейским творчеством и поместить кое-что в газету. Но только из того, чтобы бумага не краснела.

— Так я уже собираю, подборку хочу дать, — заверил Корнелюк.

Подборка получилась интересная, острая, примеру «Красного знамени» последовали другие наши многотиражки.

Бесхитростное, однако же острое творчество, рожденное в самой красноармейской массе, било точно в цель: вызывало ненависть к не просто жестокому, а еще и очень коварному противнику, который с первого же дня войны засылал в наши войска всякого рода провокаторов, шпионов, диверсантов.

Разумеется, мы и в мирное время призывали красноармейцев к бдительности, но они не видели перед собой натурального, так сказать, врага, и потому наши призывы посили для них порой отвлеченный характер. Так, во время следования соединений армии на запад страны мы преду-

преждали воинов, чтобы они на остановках не открывали дверей, не разговаривали. Эти меры предосторожности были, конечно, понятны бойцам: незачем знать каждому о передвижении войск, и в то же время вдали от фронта не каждый мог по-настоящему прочувствовать, а значит, и воспринять их. Теперь же, в боевых условиях, призыв к бдительности обрел реальную основу: противник провоцировал, высматривал, вынюхивал, указывал своим летчикам цели, нарушал связь, поджигал, сеял панику. Вот он, враг! И мы показывали личному составу выловленных шпионов, диверсантов, одетых в советскую военную форму, с документами, удостоверявшими их принадлежность к Красной Армии. Порой у лазутчиков имелись даже партийные билеты. Но и обмундирование, и документы были взяты у наших же товарищей, убитых фашистами...

— Будьте постоянно начеку, смотрите в оба! — призывали воинов политработники, сотрудники особого отдела, юристы.

Это уже были не отвлеченные призывы, а конкретный разговор, исходивший из действительных фактов. Потому и давал он свои результаты. Так, в донесении от 11 июля я сообщил в управление политпропаганды фронта: лейтенант Фролов задержал троих диверсантов, следовавших на велосипедах. Младший лейтенант Попов поймал в Смоленске шпиона. За короткий срок бойцы и командиры своими силами или при помощи местных жителей обезвредили в районе действий армии более ста вражеских лазутчиков.

4

В те трудные дни нам приходилось решать и еще одну важную задачу. Через линию фронта в районы обороны соединений 16-й армии одиночками и группами выходили так называемые окруженцы. Это были люди тех частей и подразделений, которые в ходе наступления немецко-фашистских войск оказались во вражеском тылу. Некоторые из них были морально подавлены и приходилось вести с ними серьезную работу — доверительные беседы, рассказы о героических подвигах их же однопольчан, чтобы они снова поверили в силу нашей Красной Армии, нашего оружия, в неизбежную победу над агрессорами. Тем более, будем откровенны, что в начальный период войны бывали случаи, когда при одном слове «Окружили!», брошенном трусом или

провокатором, боеспособное подразделение охватывала паника. Но, подчеркну, подобные случаи были редкостью. Зато имелось сколько угодно примеров подлинного героизма целых частей и соединений, окруженных противником. Приведу лишь один.

Гитлеровцы взяли в кольцо батальон 544-го стрелкового полка 152-й стрелковой дивизии. Произошло это под селом Красное. Погиб командир, пали в бою многие красноармейцы. Что делать? Численный перевес-то на стороне фашистов многократный. Сдаться? Нет, воины еще крепче стиснули в руках оружие. Возглавил батальон командир роты старший лейтенант Ш. Р. Ахундов. Умело использовав лесистую местность, он организовал круговую оборону, и воины целые сутки вели бой с яростно наседавшими оккупантами.

— Эй, рус, сдавайс, а то всем капут! — кричали гитлеровцы.

Наши бойцы отвечали:

— А ты попробуй взять нас, гадина! Мы тебе насыпали и еще насыпем горяченького! Завертисься!

Вот так не дрогнула и вся 16-я армия, когда враг, прорвавшись танковыми клиньями, захватил Ельню, Дорогобуж, Ярцево и замкнул кольцо окружения. Ничего не вышло из его попытки посеять среди наших воинов панику. Чем объяснить это? Во-первых, изумительной стойкостью, мужеством, героизмом бойцов, командиров, политработников, их безграничной любовью к Советской Родине, беззаветной преданностью Коммунистической партии. Во-вторых, умело организованной партийно-политической работой, ее целеустремленностью. Проводя, скажем, политинформации и беседы, зачитывая сбрасываемые с наших самолетов листовки и другие издания (для войск, действовавших в окружении, газета Западного фронта «Красноармейская правда» выпускала, например, бюллетень «На фронте за день»), выступая на собраниях и совещаниях, политработники страстно призывали не падать духом, не опускать рук. Нужно, убеждали они, соблюдать строжайшую дисциплинированность и организованность, всячески поддерживать боеспособность своего подразделения, своей части, непреклонно стремиться к прорыву вражеского кольца, беспощадно уничтожать шпионов, диверсантов, провокаторов.

А шпионов, диверсантов, провокаторов хватало. Редкий день проходил без того, чтобы противник не засылал в войска армии хотя бы двоих или троих лазутчиков. Сразу распознать их было не всегда просто, ибо принимали они различные, порою весьма неожиданные личности.

Однажды к группе наших командиров подошел человек со знаками различия батальонного комиссара. Поздоровался, предложил табачку, затем отрывисто спросил:

— Как, товарищи, сдаваться будем или стреляться?

Кто-то тихонько ругнулся, но незнакомец не отреагировал на это, подошел к другой группе и повторил вопрос. Командирам показалось странным подобное поведение «комиссара». Его задержали и доставили к контрразведчикам. Он оказался переодетым вражеским агентом.

Запомнилось мне и такое. Среди бойцов, вышедших из окружения, обратил на себя внимание красноармеец, призванный в армию в Воронеже. Был он тих, незаметен, в общие разговоры не вступал, но о чем-то пошептался с одним из бойцов и получил оплеуху. Вмешался батальонный комиссар Поскребышев:

— В чем дело?

— А вы спросите этого гада, в чем дело. Про силу фашистских танков и самолетов брешет, ничем, мол, их не взять...

Словом, парнем занялись контрразведчики. Выяснилась в общем-то довольно заурядная для того времени история. Этот человек вместе с группой других красноармейцев попал в плен. Фашисты стали вербовать из их числа согласных шпионить в советском тылу. Но среди пленных предателей не нашлось, а этот решил «обмануть» гитлеровцев: согласился на вербовку, дал подписку, чтобы, дескать, вырваться из плена и оккупантам не служить.

— А когда дал подписку, — рассказывал задержанный, — фашисты вывели меня на улицу, дали ручной пулемет и приказали стрелять по сараю. Я отказывался, знал, что там люди. Но обер-лейтенант сказал, что все равно всех их расстреляют. Ну я и начал стрелять, а обер меня фотографировал. Потом вытащили из сарая трупы и опять меня фотографировали с убитыми и предупредили, что если вздумаю провести немцев, то они отошлют мою подписку вместе с фотографиями в НКВД и там с меня с живого сдерут шкуру...

Думаю, после этой истории читателю нетрудно сделать вывод, что мы ни на минуту не забывали о поддержании в частях и соединениях армии строжайшей бдительности. Это диктовалось самой военной необходимостью, заботой о сохранении высокого боевого духа личного состава, об исключении возможности проникновения в его ряды провокаторов и шпионов, паникеров и трусов. Разумеется, требования высочайшей бдительности не давали основания огуль-

по не доверять всем окруженцам. Генерал-лейтенант Лукин говорил по этому поводу:

— Люди побывали в огне и лиха хватили через край, пока к нам пробивались. Тот, кто дрожит за свою шкуру, попытается отсидеться в какой-нибудь норе, не станет рисковать головой, искать к нам дорогу. Значит, у тех, кто пришел к нам, не иссяк заряд патриотизма. В подавляющем большинстве своем они настоящие воины, им можно верить. А если среди них и попадаются враги, то наша задача как можно быстрее выявить их и обезвредить.

Доводы командарма были резонны. Вышла к нам группа, человек сорок, во главе с капитаном, за точность фамилии которого не ручаюсь, но, сдается мне, Гусев. Обмундирование на бойцах потрепано, но почищено, сами побриты. Все с оружием, у многих немецкие автоматы, а у одного даже пулемет. Вид у людей, правда, очень усталый, изможденный.

Спрашиваю капитана:

— Что за группа?

Капитан доложил, что в неравном бою poleg почти весь личный состав полка, здесь его остатки, и сказал:

— У нас, товарищ бригадный комиссар, у всех одно желание — драться с фашистами, Родину защищать! Просим дать нам рубеж обороны.

— Сперва отдохните, а потом решим, как с вами быть, — ответил я.

— Бойцы вас не поймут, товарищ бригадный комиссар, — резко, даже, как мне показалось, со злостью возразил капитан. — О каком отдыхе может идти разговор, когда враг нашу землю кровью советских людей заливает! — И он кивнул головой в ту сторону, откуда доносился грохот боя.

— А как вы считаете? — обратился я к красноармейцам, стоявшим в строгом строю.

Вперед выступил пулеметчик:

— Разрешите ответить, товарищ бригадный комиссар? Товарищ капитан доложил наше общее мнение и желание...

И все же мы дали этим бойцам, сформированным в роту, отдых. Накормили их, обмундировали заново, перевооружили и лишь тогда определили им боевой участок. Позже, при прорыве второго кольца окружения в районе Соловьевой переправы, воины капитана Гусева проявили подлинный героизм, прокладывая путь гранатой, прикладом, штыком.

11 июля я доложил в управление политпропаганды фронта о том, что накануне вечером в 480-м стрелковом полку 152-й стрелковой дивизии при налете фашистской авиации было убито четыре человека, ранено два. Причина гибели людей — плохая маскировка.

Сегодня к этому докладу могу добавить: мы несли потери при бомбежках еще и из-за неорганизованности. И касалось это в первую очередь бойцов из новых пополнений, то есть еще не обстрелянных, не прошедших фронтовой школы. Вместо того чтобы воспользоваться щелями, укрыться в окопах, они при налетах разбегались, сами по самолетам не стреляли. Надежды этих воинов возлагались на средства противовоздушной обороны, но их было мало. А фашистские летчики, пользуясь безнаказанностью, сначала сбрасывали бомбы, а затем снижались до минимальной высоты и вели огонь из бортового оружия.

Все это обязывало нас усилить борьбу с самолетобоязнью. Политработники снова пошли по подразделениям, по окопам, провели с бойцами обстоятельные беседы о роли маскировки, организованности при налетах вражеской авиации. Само собою, многое сделали командиры. Они, в частности, стали строже следить за тем, чтобы их подчиненные глубже зарывались в землю, без нужды из окопов не выходили. И уже 15 июля, докладывая управлению политпропаганды фронта, что утром противник подверг сильной бомбежке и пулеметному обстрелу леса и дороги, прилегающие к Смоленску, я с удовольствием констатировал: потерь в войсках нет.

Однако мало было укрыться от авиационных налетов. Да это, кстати, и не всегда представлялось возможным. Требовалось самим проявлять активность, наносить удары по воздушным пиратам теми средствами, которыми располагали войска. На это мы и нацеливали личный состав. И вот 16 июля сержант Телешов, командир отделения 640-го стрелкового полка, сбил из станкового пулемета фашистский бомбардировщик. А разве нельзя было достичь того же, если вести групповой и залповый огонь из другого стрелкового оружия? Наверняка можно.

Короче, взялись за это дело по-настоящему. Нашлись энтузиасты, в основном, конечно, из командного состава, но были и политработники, один из них — батальонный комиссар Панченко.

— Иван Иванович, — спросил я его, — а получится, не оскандалишься?

И услышал ответ, который в общем-то предвидел заранее:

— Если честно, Константин Леонтьевич, немножко волнуясь. Но надо же, чтобы бойцы чаще видели: комиссары умеют не только призывать, а и дело делать.

Панченко немедленно отправился в 480-й стрелковый полк и помог организовать там обучение личного состава залповому огню по воздушным целям.

Очередного палета врага ждать здесь долго не пришлось. Но лишь только крестатый самолет снизился для бомбометания, прозвучала команда и бойцы открыли дружный огонь. Фашистский стервятник задымил, потянул к земле и упал на опушке леса. К небу взметнулся огромный столб пламени, самолет подорвался на своих же бомбах, не успев обрушить их на наши боевые порядки.

Залповый огонь стал прививаться и в других частях. Теперь красноармейцы не только хорошо маскировались и умело укрывались от бомбовых ударов противника, но и встречали фашистские самолеты слаженным, метким огнем из всех видов оружия.

Немалую работу пришлось нам провести и в связи с тактической обстановкой. Правда, вонпы полков и дивизий 16-й армии не были поражены ею в той степени, какая наблюдалась, по свидетельству Лестева, во время встречи с ним в управлении политпропаганды Западного фронта, в некоторых других частях и соединениях. Передо мной — наши донесения фронту.

13 июля:

«Мужество и стойкость проявляют бойцы и командиры 57-й танковой дивизии. Обороняясь в районе села Мартыхино, танкисты 115-го танкового полка уничтожили 6 танков противника, захватили один средний танк вместе с офицером»¹.

14 июля:

«Артиллеристы 57-го гаубичного артполка, поддерживая наступление пехоты, нанесли противнику большой урон. Лейтенант Митрохин огнем своих орудий уничтожил 4 танка противника»².

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 29, л. 229—230.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 29, л. 300—301.

Но все же случилось и так, что при подходе вражеских стальных громад к нашим позициям у некоторых бойцов не выдерживали нервы. Нужно было помочь красноармейцам преодолеть эту робость, научить их поражать танки противника.

По приказу генерала Лукина в тылу армии оборудовали полигон, или, как мы говорили, учебный городок. Конечно, был он весьма примитивен, сделан на скорую руку, ибо войска постоянно передвигались — до капитального ли тут строительства! Однако мы были довольны и таким городком. Сначала здесь воины, отличившиеся в метании гранат и бутылок с горючей смесью по вражеским машинам в бою, показывали свое умение необстрелянным товарищам на макетах и подбитых танках противника. Затем отрыли окопы полного профиля и решили обкатать в них людей танками.

На полигон прискал командарм. Подошел к строю подразделения:

— Кто смелый — в окоп под танк!

Людей охватило замешательство. Кто-то сказал:

— Лучше прикажите, товарищ генерал!

— Приказать? — с ноткой укора переспросил Лукин. — Ну и ну! Если б я считал это необходимым, то так бы и сделал. Но в данном случае рассчитывал на добровольцев. Приказывать не буду.

Командующий прыгнул в окоп, за ним следом три или четыре пехотинца, но генерал выпроводил их:

— В строй, смотреть! — И повернулся к командиру танка: — Вперед, на меня!

Тот опешил, а Лукин рассердился:

— Разве вы не слышали? Вперед, на меня!

Танк, взревя мотором и лязгая гусеницами, устремился на окоп, где укрылся командарм. Право, при виде этой картины у меня запыло сердце. Но вот машина перевалила через окоп. В нем тотчас поднялся генерал и метнул бутылку. Она ударилась о броню, брызнули осколки стекла. Командир танка приказал механику-водителю остановить машину и наполовину высунулся из башни — бледный, растерянный. Мне показалось, что и Лукин будто изменился в лице. Но, вероятно, только показалось, поскольку он тут же, усмехнувшись, задорно крикнул:

— Ну что, танкист, взял? Кабы не пустая бутылка, гореть бы тебе синим пламенем! Давай-ка еще раз, только не проскакивай, а поутюжь!

Атака повторилась. Танк крутнулся над окопом и лишь только миновал его, вдогонку снова полетела бутылка.

— Как раз в моторную группу угодил! — радостно сказал Лукин. — Опять победа за мной, танкист!

Он выбрался из окопа, отряхнулся и обратился к стоявшим в строю воинам:

— Так что, орлы? Не так страшен черт, как его малюют?

А пехотинцы завороженно смотрели на своего командарма. Наглядно он показал, что нечего бояться танков, их можно уничтожать даже бутылками с горючкой!

Молчание нарушил пожилой старшина. Ответил за всех:

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант, не так страшен! Теперь разрешите нам в окоп?

— Давайте. А мы с комиссаром посмотрим.

Вот так начиналось излечение от танкобоязни. Рота за ротой выходили на полигон, где их обкатывали танками. Разумеется, каждому бойцу было известно — об этом позаботились агитаторы и политработники, армейская и дивизионные газеты, — что первым в окоп, под танк, пошел сам командарм. А это ли не пример для подражания! И все же сперва необстрелянные бойцы с опаской смотрели на такого рода занятия. Да и у кого не дрогнет сердце при виде стальной махины, которая с ревом и лязгом мчится на тебя?! Но все обходилось благополучно, пехотинцы все увереннее метали болванки гранат и бутылки, добываясь высокой меткости. И уже сами просили экипажи машин:

— А ну, ребята, давайте-ка еще разок! Проутюжьте!

Мы стали создавать группы истребителей танков. Не по приказу, а только из добровольцев, среди которых было много политработников, что в общем-то вполне естественно и закономерно. Ведь парторги, политруки, комиссары, как видел выше читатель, никогда и нигде, ни при каких обстоятельствах не оставались в стороне от насущных задач. Они постоянно прививали сослуживцам морально-психологические качества, необходимые для успешного ведения боевых действий, зная, что их главное оружие — слово, проникнутое ленинской коммунистической идейностью. Но это слово, о чем тоже всегда помнили, могло стать действительно оружием лишь в том случае, если оно подкреплялось личным примером. Поэтому политработники, умело используя в повседневной деятельности различные формы и методы, стремились непосредственно влиять на людей и своими поступками, всем своим поведением. А раз так, то неизменно находились там, где труднее, где они были нужнее.

Держа равнение на старших товарищей, бойцы все дружнее и охотнее шли в группы истребителей танков. И вскоре

я докладывал в управление политпропаганды фронта: «В частях 152-й стрелковой дивизии развернута учеба личного состава по борьбе с танками противника. Созданы группы истребителей. В эти группы бойцы и командиры идут с большим желанием. Частями дивизии собрано более трех тысяч бутылок для горючей жидкости...»¹.

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 29, л. 300—301.

Глава четвертая

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

1

События на смоленском направлении принимали все более грозный оборот. На правом фланге нашей армии немецкая танковая группа генерала Гота вновь захватила город Демидов. На левом фланге обстановка тоже усложнилась. По сообщениям партизан, подтвержденным показаниями пленных, кроме 29-й моторизованной дивизии и дивизии СС «Рейх» Гудериан дополнительно нацелил на Смоленск 18-ю моторизованную и 17-ю танковую дивизии.

Необходимы были незамедлительные и действенные контрмеры. И командарм 16-й Лукин для усиления прикрытия левого фланга направил мотострелковый полк, который сражался бок о бок со 115-м танковым полком нашей 57-й танковой дивизии, находившейся в оперативном подчинении 20-й армии генерала П. А. Курочкина. Туда же двинулся 3-й батальон 544-го полка 152-й стрелковой дивизии. К сожалению, это все, что можно было выделить для противодействия превосходящим силам врага в тот период. И когда подполковник Бунышин сообщил с левого фланга, что гитлеровцы наседают все яростнее и его отряд несет

большие потери, помочь ему было нечем. Резервов армия не имела, все ее войска вели тяжелые бои.

— Держаться! — приказывал Лукин. — Любой ценой держаться! За нами Москва!

И воины держались. В ночь на 15 июля мотострелки совместно со 115-м танковым полком, отрядом Буняшина, а также батальоном смоленских ополченцев нанесли противнику весьма чувствительный удар. Они освободили Хохлово, уничтожив две роты 29-й моторизованной дивизии. Утром 16-го взбешенные гитлеровцы повели наступление сразу с двух направлений — от Краснинского большака и Киевского шоссе — и после ожесточенной схватки отбросили наши поредевшие части. К полудню немецкий моторизованный полк под прикрытием сильного артиллерийского огня ворвался на южную окраину Смоленска.

Надо полагать, враг торжествовал. А быть может, пытался сделать хорошую мину при плохой игре? Был ли у него особый повод для торжества? Тогда мы еще точно не знали, а теперь известно, что на направлениях своих главных ударов, то есть и там, где сражались соединения 16-й армии, противник имел трехкратное и даже пятикратное превосходство в силах и средствах. Общее же соотношение сил и средств к началу Смоленского сражения на рубеже Западная Двина, Днепр выглядело следующим образом. В людях гитлеровцы превосходили наши войска почти в 2 раза, в орудиях и минометах — в 2,4 раза, в самолетах — в 4 раза, и лишь в танках (с учетом всех типов) он несколько уступал нам (1 : 1,3)¹.

Это-то общее превосходство и помогало захватчикам теснить советские войска. Однако оно постепенно таяло — и не только под Смоленском, но и на других участках фронта. Как известно, если до середины июля вторгшийся враг терял в среднем четыре тысячи — четыре тысячи двести человек в день, то во второй половине июля — более семи тысяч, а к концу третьего месяца войны общие потери гитлеровцев превысили полмиллиона солдат и офицеров. Для сравнения напомним, что до нападения на СССР фашистская армия, завоевавшая почти всю Европу, потеряла всего лишь около трехсот тысяч человек.

Как на подступах к Смоленску, так и в самом городе воины 16-й армии сражались с беспримерным мужеством, устлая землю трупами ненавистных оккупантов. Здесь хочу

¹ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. 3-е изд., испр. и доп. М., 1984. С. 69.

снова обратиться к выпискам из наших донесений политуправлению Западного фронта. Делаю это, будучи твердо уверенным, что никакое другое свидетельство не может быть более убедительным, чем строгие, беспристрастные документы тех дней.

24 июля:

«В течение дня части 16-й армии продолжали вести упорные бои по овладению северной частью г. Смоленска, одновременно закрепляя занятые позиции и уничтожая очаги сопротивления противника, расположенные в домах. К 3 часам части армии занимали следующее положение:

152 сд, продолжая очистку захваченной северо-западной части города от мелких групп противника, вышла: 48 сп (без одного батальона) к р. Днепр, 544 сп (без одного батальона) вышел к р. Днепр — левый фланг у старого моста, 288 сп одним батальоном подошел к госпиталю...

Политико-моральное состояние частей армии здоровое. Об этом свидетельствует упорство и настойчивость частей в выполнении боевой задачи. Многочисленные примеры беззаветной преданности бойцов и командиров Родине, партии Ленина дает каждый час боевых действий. Коммунисты и комсомольцы в боях проявляют подлинно авангардную роль»¹.

25—26 июля:

«Части 16-й армии, закрепив за собой занятые у противника позиции, произвели перегруппировку и продолжали дальнейшее наступление с задачей к исходу 26 июля с. г. овладеть Смоленском. В течение 26 июля продолжались упорные бои против свежих сил противника, переброшенных в район Смоленска в ночь на 25 июля в составе трех пехотных и одного артиллерийского полков 137 пд. Дивизия сформирована главным образом из австрийцев и прибыла из Минска.

Несмотря на упорное сопротивление и сплошную завесу огня, на важнейших участках наши части продолжали тестить противника, нанося ему большие потери. Славные артиллеристы 126 кап подавили 4 батареи противника, 8-я батарея уничтожила противотанковое орудие, 1-я и 2-я батареи подавили пулеметные гнезда на переднем крае.

129 сд, получив пополнение за счет коммунистических рот, прибывших из Московской, Ивановской и Горьковской областей в количестве 975 человек, очистила от противника опорный пункт...»²

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 28, л. 304—307.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 28, л. 383—385.

27 июля:

«В течение 27 июля части 16-й армии продолжали упорные бои за овладение г. Смоленском. Несмотря на упорное сопротивление противника в районе Смоленска, наши части продолжали теснить и наносить ему тяжелые потери.

1-й батальон 343 сн вышел в район города южнее церкви 500 м, в результате боя противник на северном направлении Смоленска оставил убитыми 240 человек, 4 орудия, 9 ручных пулеметов, 7 автоматов, 1 мотоцикл и 9 пленных. Наши части на этом направлении потеряли убитыми — 3, ранено — 11.

В восточной части города части 46 сд встретили проволочное заграждение и большое количество огневых точек. Несмотря на упорное сопротивление, наши части продолжали теснить противника, отвоевывая у него метр за метром советскую территорию.

В боях за Смоленск проявляют мужество и отвагу бойцы, командиры и политработники. Особенно хорошо действуют коммунистические роты, прибывшие из Московской, Ивановской, Горьковской и Воронежской областей...

Начальник политотдела 16-й армии бригадный комиссар Сорокин¹.

Да, отныне свою должность я указывал так: начальник политотдела. В описываемые мною дни, а конкретнее — 16 июля 1941 года управления и отделы политической пропаганды Красной Армии были преобразованы в политические управления и отделы. Естественно, реорганизация коснулась и Главного управления политпропаганды РККА — оно стало Главным политическим управлением Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Во всех полках и дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной Армии был введен институт военных комиссаров, а в ротах, батареях, эскадронах — институт политических руководителей.

Чем же было продиктовано введение института военных комиссаров? Тем, что навязанная гитлеровской Германией нашей стране война в корне изменила условия работы в Красной Армии: неизмеримо расширился объем политической деятельности в войсках и усложнились обязанности командиров. Кроме того, в части и соединения пришло множество людей из запаса, не имевших опыта командной и партийно-политической работы в боевой обстановке. Отныне политработники должны были оказывать помощь команди-

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 28, л. 387.

рам в области не только идеологической, но и военной деятельности. Всемерно укрепляя авторитет командиров, организуя и проводя партполитработу, военные комиссары обязаны были насаждать в войсках революционный порядок, немедленно устранять недостатки, постоянно руководить политорганами, партийными и комсомольскими организациями. Им же, военным комиссарам, надлежало поощрять и популяризировать лучших бойцов и командиров, воспитывать у личного состава отвагу и смелость, инициативу и сметку, презрение к смерти и готовность биться до победного конца против немецко-фашистских оккупантов. В то время, как никогда, необходимы были воля к победе, идейная сплоченность, железная дисциплина, организованность, беспощадная борьба с предателями и изменниками, с благодушием и беспечностью, с трусами, паникерами и дезертирами, величайшая самоотверженность, готовность идти на любые жертвы во имя победы над врагом.

Решение партии о введении института военных комиссаров и преобразовании управлений и отделов политической пропаганды в политические управления и отделы имело чрезвычайно важное значение. Оживилась и ускорила перестройка партийно-политической работы в войсках в соответствии с требованиями войны. Значительно расширились права и обязанности политработников. Если раньше моя деятельность, например, в основном должна была сосредоточиваться на политпропаганде, то сейчас она охватывала всю боевую жизнь соединений, частей, подразделений. Вот одно из многих тому доказательств: отныне я, начальник политотдела, принимал участие в выработке боевых приказов, чего прежде не было, наравне с командующим армией нес полную ответственность за проведение боевых операций.

А теперь снова вернемся к тому дню, когда превосходящим силам противника удалось ворваться на южную окраину Смоленска. Полагая, что главное сделано, дальше все пойдет как по маслу и город через несколько часов будет полностью в их руках, гитлеровцы почувствовали себя здесь полными хозяевами. Вскоре я услышал — нас разделяли две-три сотни метров, — как они загорлачили:

Дойчланд, дойчланд, юбер аллес...

— Вот именно, убирайтесь, — переиначил по-своему слова фашистской песни подполковник Буяшиц. Кинув на меня быстрый взгляд, он приказал артиллеристам:

— Огонь!

Залп орудий потряс воздух. Песня оборвалась, и вместо

нее послышался надрывный стон раненых и контуженых. А Буняшин с перекошенным от ярости лицом снова и снова командовал:

— Огонь!.. Огонь!.. Огонь!..

Гитлеровцы заметались, очистили одно здание, второе, а затем и целый квартал. Они были крепко озадачены тем, что советские войны с невиданным и неслыханным упорством защищают не только каждую улицу, но и каждый дом, этаж, ведут стрельбу с крыш, чердаков, из подвалов. Нет, к такому они не были готовы, ибо в завоеванных ими странах Западной Европы привыкли к легким и быстрым победам. А тут совсем не то. Рядом с красноармейцами, плечом к плечу, сражались и мирные горожане, причем среди них можно было увидеть и седобородых стариков, и безусых мальчишек, и девчуток, которые, наверное, только-только начали примеряться к взрослым платьям...

Бой между тем принимал все более ожесточенный характер. Противник подтягивал свежие силы, но и подразделения отряда подполковника Буняшина тоже получили внушительное подкрепление. На помощь им пришли батальоны милиции и ополченцев добровольческой бригады смолян. Командовал ими военный комендант города полковник П. Ф. Малышев — человек смелый, решительный, инициативный.

Моя первая встреча с Малышевым была непродолжительной, вести пространную беседу не позволяла исключительно напряженная обстановка в Смоленске. Поэтому я сразу начал разговор о главном: расстановке коммунистов в батальонах.

— Примите, — говорил Малышеву, — немедленные меры к тому, чтобы в каждой роте, взводе, отделении были коммунисты. А самим коммунистам напомните: их долг — быть примером другим, их место — на острие атаки.

— Там же, где и мое, — вставил Малышев. — Я ведь не только командир бригады. Я еще и коммунист!

Помню, не столько сами слова, сколько тон, которым они были произнесены, вселили твердую уверенность: на этого человека можно положиться. Последующие события подтвердили, что я не ошибся. Смоленск в лице коммуниста Малышева нашел безгранично преданного, несгибаемого и самоотверженного защитника. Бойцы добровольческой бригады не давали фашистам и минуты покоя, заставляли их дорого расплачиваться за каждого погибшего смолянина, за каждый сожженный и превращенный в руины дом.

Еще тогда, при первой нашей встрече, Малышев сказал:

— Будем воевать и ночью! Посмотрим, как они...

Выяснилось, что они, то есть гитлеровцы, ночью воюют гораздо хуже, чем днем. Сначала их вышибли из одного квартала, а к утру из другого. Тут сказались, конечно, помимо мужества и отваги наших бойцов их хорошая обученность ведению боя в населенных пунктах.

Много дел было у работников политотдела. И я сам, и другие товарищи, разойдясь по подразделениям, проводили, чаще всего прямо в окопах, короткие беседы, организовывали коллективные читки напечатанных в многотиражных газетах памяток о том, как действовать в бою на улицах и площадях города. «Эти памятки, — писал мне уже после войны бывший редактор газеты 152-й стрелковой дивизии Ф. А. Корнелюк, — были буквально нарасхват. Мотоциклисты прямо с печатной машины забирали их и увозили в роты, батальоны, полки. А там памятки моментально оказывались в руках политработников. Причем последние не ограничивались чткой и разъяснением памяток, а смело и умело применяли их советы на деле. Подкреплю свои слова такими примерами.

Комбат Сукасян и старший политрук Ковган на рассвете возглавили уличный бой у спиртоводочного завода. Фашисты очутились в ловушке: сзади Днепр, а слева и справа наши перекрыли улицу. Гитлеровцы, как ошалелые, как табун диких лошадей, носились из конца в конец улицы, а выхода уже не было.

— Бей их, гадов! — крикнул старший политрук Ковган и первым настиг группу удиравших врагов. Ловко орудуя винтовкой, одного оглушил прикладом, другого пронзил штыком. По его примеру так же смело и решительно действовали красноармейцы. За полчаса улица была очищена.

В этом бою погиб наш Ковган, скромный, всегда уравновешенный, внимательный, добрый товарищ. Я нашел его тело в подъезде полуразрушенного дома, недалеко от Днепра. Голова вся разбита и грудь изрешечена... Из карманов гимнастерки извлек партбилет и удостоверение личности. Они были окровавлены и пробиты осколками. Пробит и портсигар. Я горестно открыл его и на внутренней стороне крышки прочел гравировку: «От Лены. С днем рождения!»

Позже я собрал все личные вещи друга и через полевую почту послал в Харьков, его жене Лене Ковган. Письмо писали коллективно работники редакции. Получилось

опо длинное: подробно рассказали о подвиге нашего товарища и о клятве отомстить за него врагу. Узнав о гибели мужа, такую же клятву дала и Лена, уходя в партизанский отряд...

В районе кирпичного завода я пробрался по горевшему полю к позициям 544-го стрелкового полка. В подвале разрушенного до основания дома нашел командный пункт. Там были комиссар полка Поскребышев и несколько связистов. Сверху над головами рвался мины, сотрясая весь подвал и осыпая всех песком. Связисты, плотно прижимая телефонные трубки, надрывно кричали и снова крутили ручки аппаратов. Несколько раненых сидело в углу подвала, внимательно слушая Поскребышева, который негромко говорил:

— Держаться, товарищи. Любой ценой держаться...

Шатаясь, вошел политрук Назаров. Его гимнастерка была в крови. Кровь сочилась и из разодранного осколком сапога...»

Дорогой, невероятно дорогой ценой давалась защита Смоленска. Но наши воины держались. Падал один, его место в бою тотчас занимал другой. Оказывался товарищ в беде, незамедлительно бросались на выручку, если даже смельчакам грозила смерть. Так случилось, когда тяжело раненого командира добровольческого батальона Н. А. Сулова окружили гитлеровцы. Молодой паренек с забинтованной головой крикнул:

— Ребята! Выручим комбата!

Несколько человек мгновенно подхватили:

— В штыки!

Оккупанты не выдержали штыкового удара, отступили. Бойцы подняли своего командира на руки, вынесли из-под огня.

А вот, к несчастью, начальника межобластной школы милиции Ф. Н. Михайлова спасти не удалось. Он тоже командовал батальоном, сформированным из недавних курсантов его школы. Увлекая за собою подчиненных, на одной из улиц города Михайлов атаковал значительно превосходившие его батальон силы противника. Разгорелась короткая, но яростная схватка. Гитлеровцы решили во что бы то ни стало взять Михайлова в плен. Не вышло. Прежде чем сомкнули кольцо, он погиб...

Погибли тогда многие. Обескровленные батальоны и отряд подполковника Буяшина, продолжая сдерживать натиск врага, отошли за Днепр, в северную часть Смоленска. Вскоре после этого по приказу командира доброволь-

ческой бригады полковника П. Ф. Малышева оба днепровских моста были взорваны. Фашисты застряли на противоположном берегу.

Взрыв мостов явился своевременной и необходимой мерой. Иначе противник, хотя и понес бы большие потери, мог со своими танками и мотопехотой с ходу ворваться в северную часть города. Кажется, все ясно и понятно. Однако во взрыве мостов кто-то усмотрел трусость и даже чуть ли не предательство Малышева. Его арестовали. Но мы-то знали Малышева как исключительно храброго, разумного и дальновидного командира, истинного патриота Родины.

— Его не наказывать, его наградить бы надо, — узнав о случившемся, сказал Лобачев. — Если уж кто герой сражений за Смоленск, так это он!

Такого же мнения были и остальные члены Военного совета армии. Все мы единодушно взяли полковника Малышева под защиту. Он был оправдан и освобожден из-под ареста.

Тем временем между боями наступила передышка. Противник приводил себя в порядок, подтягивал резервы и переправочные средства. Не было сомнения в том, что в скором времени он предпримет новую попытку захватить северную часть Смоленска. И каждый из нас был озабочен: чем и как оборонять ее, какими силами парировать неизбежные удары противника? Снимать войска с других боевых участков? Такое исключено. Значит, оставить город? Но ведь есть приказ Государственного Комитета Обороны о том, чтобы за Смоленск драться до последнего. В этом приказе четко сказано: без специального разрешения Ставки Смоленск врагу не сдавать. Так что же делать?

Иока Лукин, Шалин, Лобачев ломали головы над неразрешимым, казалось бы, вопросом, на командном пункте появился незнакомый генерал. Был он высок, строец, подтянут. Четко доложил:

— Генерал-майор Городнянский, командир 129-й стрелковой дивизии!

Командарм удивленно поглядел на А. М. Городнянского: такой, мол, фамилии что-то не припомню. А тот продолжал доклад:

— Отхожу из-под Витебска. Прошу принять в оперативное подчинение вверенной вам 16-й армии!

— Охотно принимаю, — оживился Лукин, но тут же невесело усмехнулся: — Генерал без войска?

Авксентий Михайлович чуть повел плечами:

— Почему же без войска?

— А где оно?

— Вон в том лесочке. Два стрелковых полка и два полка артиллерии. Правда, потрепаны, но, полагаю, вполне боеспособны.

— Вот как! — теперь уж не скрывая радости, воскликнул Лукин.

Городнянский сообщил, что его дивизия входила в 19-ю армию, соединения которой отступают. В заключение сказал:

— Я вывел свои полки к Смоленску и надеюсь, что при защите города они сыграют надлежащую роль.

Мы воспрянули духом. В той обстановке получить дивизию, пусть и неполного состава, ослабленную, было поистине чудом. Ей тут же, не теряя времени, командарм поставил боевую задачу: оборонять центр северной части Смоленска. И когда 17 июля противник попробовал форсировать Днепр и ворваться в эти кварталы города, то получил решительный отпор.

В последующем, с 18 по 22 июля, фашисты неоднократно пытались занять северную часть Смоленска, но всякий раз отбрасывались назад. Более того, 16-я армия сама повела атаки с целью отбить у врага южные районы города. Однако у нее не хватило для этого сил и средств, особенно артиллерии. Правда, позднее в армию вошли 127-я и 158-я стрелковые дивизии 34-го стрелкового корпуса 19-й армии, но они имели менее трети штатного состава. Гитлеровцы же сосредоточили на смоленском направлении три танковые дивизии — 7, 17 и 18-ю, части танковой дивизии СС «Рейх» и, кроме того, 20-ю и 29-ю моторизованные дивизии. Неравенство сил было видно, как говорится, и невооруженным глазом.

2

Борьба за Смоленск — это практически первые в начальный период войны крупные уличные бои в большом городе, как бы пролог к грандиозному Сталинградскому сражению, которое развернулось год спустя. И мне хочется обратить внимание на следующее обстоятельство.

В первом и втором изданиях книги «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история» (1965 г., с. 74 и 1970 г., с. 75), а также в четвертом

томе «Истории второй мировой войны 1939—1945» (1975 г., с. 501) утверждалось, что противник захватил город 16 июля. Не навеемо ли было это утверждение выводами комиссии, которая в те дни выясняла причины отхода наших войск из южной части Смоленска? Да, такая комиссия, созданная по распоряжению командования фронта, действительно работала, когда шли напряженные бои за северную часть города, и она поспешила свернуть свою деятельность, записав, что Смоленск оставлен нашими войсками 16 июля, а заодно и обвинила полковника Малышева в якобы преждевременном взрыве днепровских мостов. Но ведь это же ошибочные выводы! К моей огромной радости и радости всех участников Смоленского сражения, правда о времени оставления города восстановлена. И сделано это в третьем издании «Великой Отечественной войны 1941—1945», выпущенном в свет Воениздатом в 1984 году. Там сказано: «16 июля противник ворвался в южную часть города и в результате последующих почти двухнедельных боев овладел им»¹.

Именно так и было: после 16 июля в Смоленске шли бои почти еще две недели. И пусть читатели, которые о Смоленском сражении судят по четвертому тому «Истории второй мировой войны» и по первым, а не по последнему изданию «Великой Отечественной...», знают: 16 июля нами была оставлена лишь южная часть города. В тот день гитлеровцы даже не пытались форсировать Днепр. Первую попытку они сделали 17 июля, затем, правда, о чем я уже говорил, с 18 по 22 июля предпринимали их по нескольку раз ежедневно, со все большей настойчивостью, но безуспешно.

Приведу чуть более поздний эпизод, свидетелем которого я был лично и который, считаю, достаточно убедительно характеризует действительную обстановку.

27 июля, когда мы с Лукиным только что вернулись с КП 129-й стрелковой дивизии в штаб армии, раздался телефонный звонок. Командование Западного фронта запрашивало: в чьих руках находится Смоленск?

— Как и прежде, — ответил Михаил Федорович, — в южной части — немцы, в северной — мы.

Командарму объяснили, чем вызван столь неожиданный запрос. Оказывается, британский премьер-министр У. Черчилль заявил, что русские по-прежнему в Смоленске и нем-

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. С. 71.

цы не могут его взять. Но только что по радио выступал Гитлер и посоветовал британскому премьеру справиться у генерала Лукина, в чьих руках теперь Смоленск.

— Вам все понятно? — спросил маршал Тимошенко.

— Да!

Лукин тотчас же позвонил на командный пункт генерала Городнянского:

— Вы где сейчас находитесь, Авксентий Михайлович?

Городнянский, наверное, изумился вопросу ничуть не меньше, чем командарм — запросу из штаба фронта. Лукин нахмурился:

— Что молчите?

— Нахожусь там, где вы только что у меня были: в подвале большого углового дома, на своем командном пункте... А в чем дело?

Командарм кратко объяснил и приказал:

— Напомните-ка Гитлеру, в чьих руках Смоленск. Да погромче, Авксентий Михайлович, не стесняйтесь, чтобы в Берлине было слышно!

И вскоре залпы артиллерии, минометов, пулеметная и ружейная трескотня разорвали зыбкую тишину над городом. Это генерал Городнянский «докладывал» Гитлеру, в чьих руках находится Смоленск.

За битвой под древним русским городом с заганенным дыханием следила вся страна. Совинформбюро изо дня в день сообщало об ожесточенности этого сражения, в котором были разгромлены несколько дивизий врага. Одну из них, 137-ю пехотную, разбила наша 452-я стрелковая дивизия под командованием полковника И. И. Чернышева. На поле боя враг оставил сотни трупов солдат и офицеров, значительное количество гитлеровцев было взято в плен. Однако фашистское командование по-прежнему не считалось со всевозрастающими потерями. Стремясь окружить смоленскую группировку войск Западного фронта, оно стало продвигать 3-ю и 2-ю танковые группы все дальше на восток — на Духовщину, Ярцево и Ельню.

У меня хранится рукопись М. Ф. Лукина, в которой, рассказывая о сражении за Смоленск, Михаил Федорович пишет: «Командарм 20-й Курочкин и я, а также члены Военных советов наших армий встретились (эта встреча произошла в Жуково. — К. С.), чтобы решить, что делать дальше. Мы знали, что против нас действуют новые силы, подошедшие с запада, и противник будет сжимать кольцо окружения... Но даже в такое, очень тяжелое, время для армий ни один из нас не произнес: «Надо отступить и про-

рываться на восток». Мы сказали: «Будем продолжать драться за Смоленск».

И войска дрались. Храбро, самоотверженно, не отдавая без боя ни одной улицы, ни одного дома. Верно, после 22 июля противник потеснил наши части на северной окраине города. Но и тогда воины 16-й не ушли из него, стойко обороняли завод имени М. И. Калинина и другие объекты, а затем полностью выбили гитлеровцев из всей северной части Смоленска. Нет, не удалось фашистам с ходу взять город, его защитники стояли насмерть.

3

27 июля — в тот же день, когда нам звонил маршал Тимошенко и спрашивал, в чьих руках находится Смоленск, — гитлеровцы овладели переправами в районе Кардымова, Ярцева и замкнули кольцо вокруг 16-й и 20-й армий. Снабжение шло только по воздуху. Самолеты доставляли боеприпасы и продовольствие, но спасти положение это уже не могло. 29 июля по приказу командования Западного фронта наши войска оставили Смоленск и начали отход к переправам у Соловьева и Радчина. Уходили они из города с душевной болью. Я видел, как плакали бойцы добровольческих батальонов и наших дивизий, как, прощаясь, брали с собой горсти смоленской земли, начиненной осколками от бомб, снарядов, мен и полетой кровью ее защитников.

Мы знали, что окружение произошло, но не дрогнули, не пали духом. Наники в войсках не было.

— А это для нас в настоящий момент ценнее любой победы, — убежденно проговорил Лукян, окидывая прощальным взглядом оставшийся позади Смоленск.

— Совершенно верно, — согласился Лобачев. И, обменявшись с командармом еще двумя-тремя фразами, распорядился: — Прямито, Константин Леонтьевич, меры к тому, чтобы полнотработники незамедлительно довели до каждого бойца содержание радиোগрам командования фронта.

Радиোগрам было несколько. Одна из них разъясняла, что окруженные части и подразделения должны сохранять свою боеспособность и впредь поступать строго по уставам Красной Армии. Другая призывала воинов к мужеству, стойкости, требовала повышенной активностью сковывать действия гитлеровцев. Кроме того, получили мы и радостную для всех нас радиогранию, в которой Маршал Совет-

ского Союза С. К. Тимошенко, члены Военного совета Западного фронта Н. А. Булганин и Д. А. Лестев сообщали, что на выручку окруженным спешат войска генерала К. К. Рокоссовского.

Политработники довели до всех воинов текст радиogramм. Это способствовало обеспечению высокой дисциплины в войсках, организованного их отхода.

По левую сторону шоссе Минск — Москва двигались соединения 16-й армии, по правую — 20-й. Отход прикрывался сильными аррьергардами. Да, мы не просто выходили из окружения. Одна из упомянутых выше радиogramм требовала повышенной активностью сковывать действия противника. Эту задачу войска выполнили с честью. В 16-ю и 20-ю армии входило, если считать по численному составу, наличию артиллерии и другой боевой техники, менее четырех дивизий. А враг бросил против нас двенадцать полнокровных кадровых дивизий, среди которых было пять танковых и моторизованных. Казалось бы, о каком противоборстве могла идти речь? Между тем бои не прекращались ни днем ни ночью. Авангардные части прокладывали дорогу, аррьергардные же сдерживали гитлеровцев и сами переходили в контратаки. Если фашистские автоматчики просачивались, их уничтожали отряды бокового охранения. Налетали самолеты — бойцы встречали их залповым огнем.

При всех трудностях отхода я не слышал ропота, жалоб, не видел страха на лицах воинов. Иное дело, было нестерпимо горько смотреть в глаза женщин, стариков, детишек, молчаливо провожавших нас на восток. Но мы были убеждены в том, что вернемся, и шли согретые этой верой. И не просто шли, а вели бои. Повседневной нормой поведения были мужество, отвага каждого командира и политработника, каждого бойца. Это они в Смоленском сражении не дали возможности противнику развить успех и двинуться, как призывал Гитлер, для захвата «всей территории России до самого Урала». Это они при отходе, отвлекая боями крупные силы врага, помогли командованию выиграть драгоценное время для развергивания наших свежих сил восточнее Смоленска.

И они же, герои Смоленска, вели ожесточенную борьбу за днепровские переправы. До них оставалось еще несколько километров, когда противнику удалось перерезать пути нашего отхода. Таким образом, 16-я и 20-я армии оказались в двойном окружении. Однако и это не устрало воинов. Своими ударами они разгромили заслоны врага и вышли к

Днепру. В то же время войска, шедшие по приказу командования Западного фронта навстречу нам, разорвали и внешнее кольцо окружения.

Тут настала пора сказать доброе слово о наших саперах, которыми руководил начальник инженерной службы армии полковник Г. П. Ясинский. В боях за Смоленск они постоянно были вместе с пехотой. Возводили укрепления, создавали минные поля и ловушки, устанавливали фугасы. В одну из заминированных ловушек попала целая колонна вражеских танков и автомашин. Не менее трудную задачу предстояло решать саперам и сейчас — под огнем противника наводить переправы на Днепре, в том числе в районе деревни Радчино. Для проверки хода работ и оказания помощи полковнику Ясинскому была послана группа штабных командиров во главе с начальником оперативного отдела полковником Роциным. К сожалению, она угодила в засаду противника, многие погибли, тяжелораненые попали в плен.

На другой день, когда стало известно о судьбе группы Роцина, Военный совет направил на переправу меня. Со мной — шесть человек из штаба и политотдела. Двигались ночью, в одном месте нас обстреляли автоматчики, но мы не стали ввязываться в бой, обошли засаду и берегом Днепра выбрались к броду, где намечалась переправа. Однако здесь мы никого не нашли. Тревога заползла в сердце: неужели фашисты успели похозяйничать и тут? Но, как выяснилось вскоре, тревога была напрасной. Просто саперы сооружали переправу метрах в ста пятидесяти ниже брода.

— В чем дело, товарищ полковник? — спросил я Ясинского. — Почему переправу делаете не в указанном месте? Взгляните на карту: выход к ней перекрыт болотом.

— Жара высушила болото, так что оно проходимо и для пехоты, и для обоза, и для пушек. А на броду немец не дает наводить переправу. Знали бы, что там делается. Вот мы и схитрили.

Действительно, враг обстреливал брод из орудий и минометов, взрывы поднимали столбы воды и ила. Я одобрил инициативу начальника инженерной службы. Тем более что болото, как и доложил он, продвижению наших войск препятствовать не могло. Все последние дни было невыносимо знойно, и раскаленный суховей высушил топь.

Самоотверженно трудились саперы. От усталости валялись с ног, но работу не прерывали ни на минуту. К утру 3 августа мост был готов. И как раз вовремя, потому что

действовавшую ранее Соловьеву переправу гитлеровцы разбомбили.

Главная трудность, наведение моста, казалось бы, преодолена, теперь осталось менее сложное — перебросить войска на противоположный берег Днепра. На деле же все было иначе. Еще в самом начале, когда я прибыл в район переправы, увидел, что на подступах к ней длиннющей вереницей выстроились автомашины, тягачи, повозки, а слева и справа от них — толпы неорганизованных, большей частью безоружных людей, готовых сломя голову сразу же ринуться на мост, едва он будет готов. Чем это грозило, представить нетрудно: непременно началась бы давка, а затем, не исключено, и паника. Чтобы такого не случилось, я немедленно принял меры к охране переправы — ее сначала оцепил один ряд бойцов, потом второй и, наконец, третий.

Иной читатель может спросить: а зачем нужно было выставлять сразу три цепи охраны, разве не хватило бы одной? Нет! Ведь речь шла о переправе не сотен, даже не тысяч, а нескольких десятков тысяч людей!

Как только порядок был обеспечен, я по мегафону отдал приказ:

— На восточный берег ни одного человека без оружия не пропускать! Нам не нужны такие войны, которые бросили свое оружие. — И жестко добавил: — Это трусы и паникеры!

Напавшая на переправу толпа дрогнула, начала быстро рассасываться. Тем временем я снова сказал через мегафон:

— Главное, товарищи бойцы и командиры, спокойствие! Спокойствие и выдержка! Начинаем переправу!..

Было около четырех утра. Над рекой висел плотный туман. Люди, машины, пушки виделись расплывчатыми силуэтами. Первыми на мост пропустили автомобили и повозки с ранеными. За ними двинулись артиллерийские подразделения, которые, переправившись на противоположный берег, тотчас же заняли огневые позиции и открыли огонь по наседавшему противнику. Руководил стрельбой лично генерал-майор Иван Павлович Прохоров — он заметил погибшего начальника артиллерии армии Т. Л. Власова.

Подразделения шли и шли, и переправа действовала безотказно. Лишь одних раненых из нашей, 16-й, и соседних армий проследовало более тринадцати тысяч. Но когда поднялось солнце и рассеялся туман, появились «юнкеры» под прикрытием «мессершмиттов». Первый их на-

лет наши зенитчики отразили, отбили и второй, третий. Однако ближе к вечеру фашистам удалось-таки разрушить переправу — в нее угодили сначала одна, а затем еще три стокилограммовые бомбы. Положение создалось — хуже не придумаешь. И тогда, обращаясь к саперам, я подаю команду, к которой прибегал в самой трудной, самой сложной обстановке.

— Коммунисты, ко мне!

Через некоторое время восстановление моста шло полным ходом. То были воистину неустрашимые люди, каждый из них — подлинный герой, ибо работали-то они под непрерывным огнем противника. Над рекою вздымались тяжелые столбы воды, свистели осколки мип, завывали снаряды, бомбы. Саперы несли потери, но продолжали трудиться — ничего удивительного, это были коммунисты.

Дважды разбивали фашисты мост, и оба раза саперы в считанные часы восстанавливали его. Когда приехал командарм со штабом, войска двигались через переправу непрерывным потоком. Михаил Федорович пожал мне руку и сказал:

— Спасибо, Константин Леоптьевич, вам и саперам!

— И вам спасибо, Михаил Федорович, за добрые слова!

Наш едва начавшийся разговор прервали внезапный треск автоматов и пулеметов, глухо разрывы гранат. Оказалось: в лесок, что тянулся неподалеку от переправы, просочились гитлеровцы. Движение по мосту застопорилось. Как быть? Раздумывать не приходилось, дорога была каждая секунда. Взяв комендантскую роту, командир которой за несколько минут до этого был убит, я командовал:

— За мной!

Зайдя противнику в тыл, мы неожиданно атаковали его. Вражеские автоматчики были полностью уничтожены.

Трое с половиной суток, с двух часов ночи 3 августа до двух часов дня 6 августа, не уходил я с переправы. Когда спал? Не знаю, должно быть, на ходу. Чем и как питался? Тоже не скажу — подбросит кто-нибудь сухарь, тем и сыт. Зато отлично помню другое: моими неизменными, верными и надежными помощниками были политотдельцы старший батальонный комиссар Дмитрий Фомич Ромапов, старший политрук Иван Иванович Свирилин, многие коммунисты частей и подразделений. Они постоянно находились там, где было особенно трудно, где требовалось воодушевить людей на подвиг, повести их за собой.

В течение трех дней — 3, 4 и 5 августа — 16-я армия

переправилась через Днепр и сосредоточилась в Кучерово, Самойлово, Березня и других населенных пунктах. Войны стали приводить себя в порядок, и тут-то стало видно, как при отходе, сопровождавшемся непрерывными боями, переделали их ряды. Поклялись мстить, беспощадно мстить врагу за погибших товарищей.

В те дни в донесениях в политуправление фронта я неизменно повторял одну и ту же фразу: «Политико-моральное состояние частей и подразделений здоровое». Я ничуть не кривил душой. Эта короткая фраза вобрала в себя высокий дух воинов, их храбрость, стойкость. Да, храбрость, стойкость являлись нормой поведения каждого бойца, каждого командира и полнотработника в том героическом походе. Словом, наши войны закалялись в боях, в борьбе с трудностями. Изменился и противник, только совсем иначе. Куда девались его еще недавние спесь, бахвальство, надменность.

Помню, в начале боев под Смоленском привели ко мне пленного. Здоровенный такой обер-фельдфебель. Захватившие его красноармейцы рассказывали, что стрелял он из пулемета до последней возможности, пока не был оглушен ударом приклада по голове.

Я поинтересовался: что заставило обер-фельдфебеля проливать чужую кровь в чужой стране с таким остервенением? Он пренебрежительно посмотрел на меня и выпалил заученно:

— Россия капут, хайль Гитлер!

А совсем немного времени спустя, когда 16-я армия вышла из окружения и снова втянулась в бой, наши воины взяли в плен большую группу гитлеровцев. Спужу под деревом, разговариваю с ними. Неожиданно в район, где мы находились, прорвались вражеские танки. Мне, признаться, было уже не до пленных. Разгорелся бой. Лишь когда он закончился, спохватился: а где же пленные? Смотрю, все тут как тут, только распластались на земле, чтобы, значит, шальная пуля не задела. Ни один из них даже не попытался бежать. Спрашиваю, почему же они не ушли к своим, ведь такая возможность была: охранявшему их конвою тоже пришлось отражать танковую атаку. И слышу ответ пожилого ефрейтора:

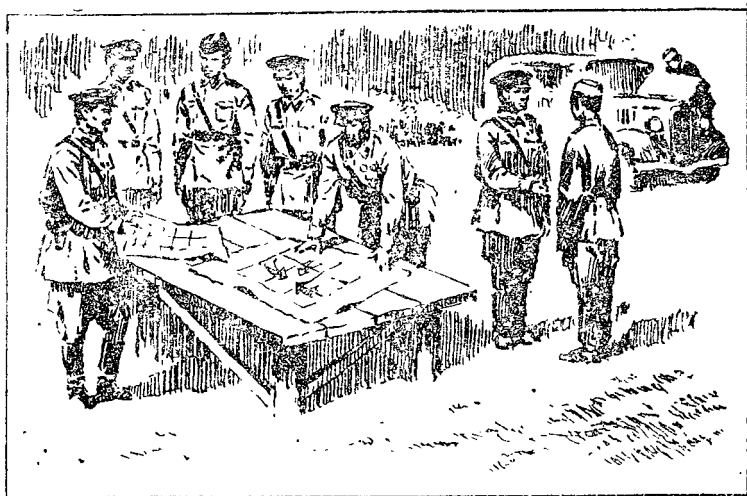
— Стену лбом не прошибешь, пусть этим занимается фюрер. А для нас война кончилась.

Небезынтересен будет читателю документ о состоянии войск противника, отправленный мною тогда же па имя Лестева. Привожу его с некоторыми сокращениями: «У уби-

того немецкого офицера обнаружено письмо, в котором он признавался своему другу Краусу: «Уже десять дней мы не высовываем носа из окопов. Противник давит нас огнем из всех видов оружия. Я рад бы был выбраться из этого ада. Мы небритые, невытые и грязные сверху донизу, мы только ночью можем выйти из наших ям, в одной из которых и пишу это письмо. Это начинает действовать на нервы, кроме того, это срывает общий ход наших действий...»

Военнопленный из 7-го пехотного полка 28-й дивизии показал на допросе, что больше всего немцы боятся нашей артиллерии. То же самое заявил и его сослуживец, а затем добавил: «Но самое страшное для нас — русский штык».

Надо не забывать: шел сорок первый год, гитлеровская армия была способна нанести и наносила мощные удары, не отказавшись от планов захвата Москвы. Однако письма убитых, показания пленных уже свидетельствовали об определенном надломе морального духа захватчиков. Этот надлом был прямым следствием возросшей силы сопротивления Красной Армии, об этом красноречиво говорило и снижение темпа продвижения оккупантов на восток. Если до Смоленского сражения он составлял в среднем 25—30 километров в сутки, то после него в 5—6 раз меньше.

Глава пятая

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

1

Таким образом, в боях за Смоленск, о чем я уже говорил, противник имел огромное преимущество в живой силе, а по самолетам превосходил нас в четыре раза. Его авиация господствовала в воздухе. Враг был уверен в легкой победе, рвался вперед, подхлестываемый приказами и крикливыми призывами Гитлера. Но легкой победы он не получил. И вообще победы у вермахта в Смоленском сражении не было, хотя мы и оставили город. Советские воины отошли от Смоленска непобежденными.

Вспоминается примечательный для тех дней эпизод. Августовским вечером, когда 16-я армия, выйдя из окружения, отдыхала, набиралась сил для новых боев, направился я в 152-ю стрелковую дивизию. В дубовой роще, расположилась группа красноармейцев, о чем-то беседуют. Я хотел пройти мимо, но тут услышал заинтересовавший меня разговор:

— Много могил мы оставили на Смоленщине, — с тяжелым вздохом сказал один, сосредоточенно скручивая цыгарку.

— Но и немцы немало понатыкали там березовых крестов! — горячо возразил другой.

И тут раздался хрипловатый басок, который показался мне знакомым. Такой характерный голос был у парторга стрелковой роты старшего сержанта Ф. Х. Долгова. Присмотрелся, и правда он.

— На войне всякое бывает, — сказал Долгов спокойно. — Бывает, приходится и отступать. Вот, к примеру, в Отечественную войну 1812 года. Тогда после Бородинского сражения Кутузов увел свои войска и сдал Наполеону Москву...

— Ты что же это, друг, — перебили Долгова сразу несколько человек, — тоже хочешь Москву Гитлеру сдать?

— Ну насчет Москвы, братцы, погодите малость. Я о другом. Вот, значит, Кутузов сдал Москву, а Наполеон получил победу? Да? Шиша два получил! А теперь о Смоленске. Оставили мы, значит, город, отступили, а победы немец не получил! Давайте-ка прикинем, сколько полегло наших, а сколько мы их уложили? Где отборные кадровые дивизии Гитлера? Те самые, которые маршировали по улицам Брюсселя, Варшавы, Парижа и других европейских столиц?

— В земле Смоленщины, вот где они, под березовыми крестами! — снова подал голос тот боец, который чуть раньше возражал своему товарищу с цигаркой.

— Точно, под березовыми крестами, — подтвердил Долгов. — Это — раз. А два — пока враг крутился в Смоленске, время-то шло? За этот срок наши войска успели свое дело сделать, пообрубали клешни-то фашистам и в других местах. Это тоже чего-нибудь стоит! Ведь мы весь блицкриг им изломали. Короче говоря, если все прибростить, то по гитлеровской бухгалтерии дебит с кредитом сошелся, а вагон масла пропал, то бишь дивизии пропали!

— Бухгалтером, что ли был? — спросил Долгова его сосед, кряжистый старшина с забинтованной шеей.

— Ага, как раз бухгалтером, ружья в руки не брал. А генерь вот снайпером в полку.

— Ну и какой же у тебя актив?

— Пока четырнадцать фрицев... А насчет Москвы я так скажу: не видать ее Гитлеру, как, извиняюсь, борову своего хвостика.

Красноармейцы дружно засмеялись. Потом снова стали внимательно слушать Долгова. Признаюсь, меня это искренне порадовало. Бывший бухгалтер достаточно полно и образно излагал обстановку. К его доводам хочу теперь добавить лишь одно: мы ушли из Смоленска, хорошо познав науку борьбы и ненависти. Бились с лютым врагом совет-

ские бойцы не на жизнь, а насмерть. Примеров тому нет числа. Вот один из них.

Воевал в нашей 16-й командир танка младший лейтенант Иван Колосов, которого я знал еще по службе в Забайкалье. Смелости ему было не занимать, опыта тоже — боевой путь начал на Халхин-Голе. Столь же умелыми, отважными были и члены экипажа: механик-водитель Павел Рудов, заряжающий Василий Орлов. Они крушили фашистов огнем, давили гусеницами. Но, оказавшись в окружении, танк получил повреждение. Колосов был контужен, Рудов убит. Казалось, все, нет больше боевой единицы, но Колосов с Орловым решили иначе. Они сумели исправить двигатель, собрали с других подбитых танков снаряды, затем, выжидая в лесу удобного момента, стали внезапно нападать на обозы гитлеровцев. А однажды, развив предельную скорость, врезались в их колонну. Это была настоящая мясорубка.

Погиб Иван Сидорович Колосов после почти двухнедельных боев в тылу врага. О том, как это произошло, он рассказал в предсмертном письме своей невесте Варе Журавлевой. Письмо это нашли уже после войны в поржавевшем, наполовину ушедшем в заболоченную землю танке. Колосов сообщал Варе, что, когда они громили еще одну гитлеровскую колонну, фашистский снаряд пробил боковую броню танка и разорвался внутри. Василия убило, а Колосова тяжело ранило. Так из трех танкистов он остался один. Превозмогая боль, в сумерках въехал в лес. Ночь провел в муках, истекая кровью. Письмо Колосов заканчивал словами, которые нельзя читать без глубочайшего волнения. Пройдет, писал он, время, люди залечат раны, построят новые города, вырастят сады. Наступит другая жизнь, другие песни будут петь. Но никогда не забывайте песню про нас, про трех танкистов...

У одной из дорог Смоленщины ныне возвышается на постаменте советский танк с бортовым номером 12. На нем воевал экипаж машины боевой — Иван Колосов, Павел Рудов, Василий Орлов, воевал так, как умели сражаться защитники древнего русского города на Днепре — до последнего вздоха.

2

Оставив Смоленск, 16-я армия отошла на восток и встала на Ярцевских высотах. Фронт ее обороны протянулся на пятьдесят километров, в большей своей части по реке Вопь,

от которой начинались Хотеновские леса. Река не очень широкая, зато достаточно глубокая. Берега болотистые, поросшие лозняком и ивой. Восточный берег господствовал над западным, низменным, где на холмах занял оборону противник, — он был обескровлен и утратил наступательный порыв.

Геббельсовская пропаганда безостановочно трубила, что, дескать, из немецкого кольца вырвались только отдельные, незначительные группы 16-й и 20-й армий. Обычное хвастовство! На самом-то деле обе армии вышли из окружения организованно, с оружием и техникой, с обозами. Да, в жестоких боях они были ослаблены, но ведь как раз по этой же причине и вражеские войска не могли вести дальнейшее наступление!

В сражении наступила пауза. Мы воспользовались ею для приведения армии в порядок. Военный совет делегировал меня в штаб фронта.

— Доложите там, Константин Леонтьевич, — напутствовали Лукин с Лобачевым, — как можно обстоятельнее о наших нуждах.

А нам многого не хватало. Войска необходимо было снабдить оружием, особенно артиллерией, которой крайне недоставало. Нам нужен был транспорт, требовались продукты питания. В июльских боях и при изнурительном отходе сильно износились обмундирование, обувь личного состава. Самое же главное, конечно, было в том, чтобы пополнить поредевшие ряды бойцов, командиров, полутработников. В первую очередь — командиров и политработников. Когда бывало трудно в бою, именно они шли впереди атакующих, показывая пример мужества и бесстрашия. И первыми падали, сраженные вражеским огнем. Потери были значительные. Скажем, в 675-м стрелковом полку 127-й стрелковой дивизии из всего состава партийного бюро, в котором насчитывалось двенадцать человек, в строю остался только один. А в ротам — ни одного парторга...

Начальник политуправления Западного фронта Дмитрий Александрович Лестев с полным пониманием выслушал мой доклад, все подробно записал. Чувствовалось, искренне хотел помочь нам. Так и сказал:

— Дралась 16-я хорошо, врага била крепко. Что ни защитник Смоленска — то герой. Как таким не помочь!

Между тем наши просьбы удовлетворить в полном объеме было не просто. В стране еще не завершилась перестройка промышленности на военный лад, многие промышленные районы были оккупированы врагом, а эвакуиро-

ванные в глубокий тыл предприятия лишь развертывались и набирали силу на новых местах. В общем Красная Армия испытывала серьезные трудности и в вооружении, и в экипировке войск. Тем не менее мы получили многое из того, что просили. Очень обрадовало нас подкрепление артиллерией. Позже мы организовали сбор оружия на местах прежних боев. Специально созданные отряды совершали рейды во вражеский тыл и доставляли боеприпасы, винтовки, пулеметы и даже 37-миллиметровые пушки. Это оружие мы вручали в основном воинам, вышедшим из окружения.

Но особенно ценной помощью было то, что нам прислали 58 рот коммунистического пополнения — более трети того, что получил весь Западный фронт. В этом ярко проявились заботы Военного совета фронта о 16-й армии.

Более восьмисот человек из нового пополнения мы выдвинули на командные должности и на политработу. Многие стали секретарями партийных бюро полков, батальонов и парторганами рот, агитаторами и редакторами боевых листовок. За счет этого же пополнения укрепили и сильно поредевший аппарат политотделов соединений, редакций армейской газеты и дивизионных многотиражек...

Я несколько опередил события, поэтому вновь вернусь к своей миссии в штаб фронта.

После моего официального доклада Дмитрий Александрович в личной беседе спросил меня:

— Тяжело, Константин Леонтьевич?

— Нелегко, что и говорить.

— Да-а!.. А помнишь, как некоторые наши товарищи по академии, к счастью, таких было всего несколько человек, помнишь, как они представляли себе войну? Что-то вроде прогулки. Теперь-то наверняка убедился: война — далеко не прогулка.

— И академию, Дмитрий Александрович, помню, и наш разговор с тобою под сосной, тогда, в конце июня, не забыл.

— Пригодился?

— Еще как! Особенно в борьбе с танкобоязнью...

Я рассказал, как мы излечивались от «болезней» первых дней войны. Лестев слушал внимательно, заинтересованно, переспрашивал, уточнял и по своему обыкновению все брал на карандаш.

— Молодец, Лукин! Это же надо — первым под танк!

— Первым! Потом, правда, признался: все же страшно было.

— Представляю... Зато его личный пример — пример

командарма! — сыграл очень важную роль. Да и настойчивость, с какой он добивался организации залповой и групповой стрельбы по вражеским самолетам, трудно переоценить. Кстати, Константин Леонтьевич, говоришь, что все эти примеры умело использовали в своей деятельности политработники? Думаю, тебе следует обобщить опыт партийно-политической работы в боевой обстановке. Как на это смотришь?

— Положительно, конечно.

— Договорились! Подумай, подведи итоги у себя, а потом мы поставим твой доклад на фронтовом совещании политработников. И вот еще что. У вас серьезная убыль в командно-политическом составе, а фронтовые резервы ограничены.

— К великому сожалению, Дмитрий Александрович. Взводами и даже ротами у нас порой командуют сержанты.

— Ничего не попишешь. Смелее выдвигайте на командные должности и политработу бойцов из коммунистического пополнения.

— Мы так и делаем.

— Правильно делаете. Но у меня мысль: а если для них организовать в армии краткосрочные командные курсы или нечто вроде школы? Подумайте-ка над этим! — Неожиданно спросил: — А какие у вас отношения с особым отделом, с его начальником подполковником Шилкиным?

— Вполне нормальные, деловые. Нареканий нет... Но, Дмитрий Александрович, если, конечно, не секрет, почему возник этот вопрос?

— Почему? Да потому, Константин Леонтьевич, что мы не должны упускать из поля зрения и этот участок. Положение сейчас трудное, и работы у особистов хватает. Но чтобы не случилось у нас, как по пословице «Лес рубят — щепки летят». Не нравится она мне, эта пословица, не по нутру как-то. Понятно, предателям, изменникам пощады быть не может. Но чтобы вместе с ними не пострадал ни один невинный человек. Как, не перегибает Шилкин палку? Власть-то у него огромная.

— К счастью, Дмитрий Александрович, нет, не перегибает.

Ничего, кроме хорошего, сказать о Василии Степановиче Шилкине я не мог. Начальником особого отдела нашей 16-й он был назначен еще в октябре сорокового года. Очень скоро все мы, командиры и политработники, убедились: человек он строгий, требовательный, в необходимых случаях очень жесткий, но одновременно внимательный и чуткий.

И чекист отменный, что объяснялось как его природными способностями, так и богатым опытом работы: в органах государственной безопасности находился тринадцать лет.

Под Смоленском наши военные контрразведчики под руководством В. С. Шилкина трудились умело и напряженно. Чистили тылы армии от вражеских лазутчиков, работали с выходящими из окружения, проводили беседы в войсках, нередко в сложных условиях принимали на себя командование, вели роты и батальоны в бой. Обо всем этом я поведал Лестеву, а в заключение сказал:

— Многие наши особысты погибли. Трудно теперь оставшимся, мало их, а работы — по горло. Шпионы, диверсанты, лазутчики не только по лесам рыскают, но и в войска проникают...

— И об этом, Константин Леоптьевич, слышан. Фронтовое начальство особого отдела попросило выделить для пополнения их рядов толковых политработников.

— Выделили, Дмитрий Александрович?

— Разумеется.

— Но ведь у политработников нет чекистского опыта! — невольно вырвалось у меня.

— Научатся, война заставит!

...Армия набиралась сил, готовилась к новым сражениям. Поредевшие в непрерывных боях соединения были отведены в тыл для переформирования, пополнения и довооружения. Правда, наши славные 46-я и 129-я стрелковые дивизии убыли в другие армии Западного фронта, зато 152-я вернулась в состав 16-й. Кроме того, в нее вошла сильная подвижная группа войск К. К. Рокоссовского. Эта группа была создана по решению Ставки и командования Западного фронта с целью — активными наступательными действиями при поддержке сражавшихся на днепровском рубеже частей добиться резкого улучшения оперативной обстановки и, таким образом, удержать Смоленск. Мы получили некоторое подкрепление артиллерией, начальником которой стал генерал В. И. Казаков. Армия пополнилась также частями связи, инженерных войск. Одним словом, она снова представляла собой внушительную силу.

3

В первой половине августа нам позвонил командарм 20-й. Трубку взял Лобачев,

— Слушаю,

— Говорит Курочкин. Прошу, Алексей Андреевич, вас и Михаила Федоровича ко мне на командный пункт. Упреждаю ваш возможный вопрос — таково распоряжение Военного совета фронта.

— И что все это значит? — проговорил Лукин, когда Лобачев передал ему свой разговор с Курочкиным. — Не чай же распивать нас приглашают.

Генерал был не в духе. Несколько дней назад, при переправе через Днепр, налетели «юнкерсы», посыпались бомбы. На мосту образовалась пробка. Лукин стал наводить порядок, и в этот момент его ранило в ногу. Сам ходить Михаил Федорович не мог, его на руках перенесли сейчас же в машину, и та помчалась к деревне Васильки, в районе которой находился КП генерала П. А. Курочкина.

Я с нетерпением ожидал возвращения Лукина с Лобачевым, полагая, что Военный совет фронта вызвал их для решения какого-то сложного и ответственного вопроса.

— Что, Константин Леонтьевич, хочется узнать, есть ли новости? — улыбаясь, спросил Лобачев, выбравшись из своей эмки после поездки. — Есть, да еще какие! Сейчас выложу все...

И Алексей Андреевич, стараясь ничего не упустить, рассказал о поездке с командармом в Васильки. Их машина остановилась возле палатки Курочкина. И здесь же, около палатки, у бревенчатого, наскоро сбитого стола Лукин с Лобачевым увидели высокого голубоглазого генерала. Он сразу привлек внимание собранностью, подтянутостью, поблескивающими на груди наградами: орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, медалью «XX лет РККА». Когда Курочкин познакомил приехавших с генералом, оказалось, что это К. К. Рокоссовский. Михаил Федорович горячо поблагодарил Константина Константиновича за помощь нашим частям. Тот ответил радушной улыбкой, крепким рукопожатием. В это время к палатке подошла еще группа военных. Среди них — командующий Западным фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, член Военного совета фронта генерал-лейтенант Д. А. Лестев. Они еще ничего не знали о происшествии с Лукиным, стали расспрашивать, как это случилось, как самочувствие, пожелали скорейшего выздоровления.

— А потом, Константин Леонтьевич, — продолжал Лобачев, — маршал Тимошенко поздравил Курочкина, Лукина и других с награждением орденом Красного Знамени и что, по-твоему, сказал? Что мы совершенно расстроили наступление противника! Понимаешь? Что семь — восемь дейст-

вующих против нас танковых и моторизованных, две — три пехотные дивизии понесли огромные потери и лишены наступательной способности минимум на полторы-две недели. И что, наконец, действия Курочкина и Лукина против столь крупных вражеских сил, яростно наступавших с целью окружения и уничтожения наших войск, заслуживают самой высокой оценки.

После вручения награжденным орденов командующий фронтом сообщил об изменениях в руководстве. П. А. Курочкина отзывала в свое распоряжение Ставка Верховного Главнокомандования. На 20-ю армию был назначен М. Ф. Лукин, а командармом 16-й стал К. К. Рокоссовский. Тут же Тимошенко поинтересовался: быть может, у кого имеются просьбы? Лукин сказал, что хотел бы перевести в 20-ю армию ряд работников. Рокоссовский в свою очередь попросил назначить в 16-ю начальником штаба полковника М. С. Малинина, с которым хорошо сработался раньше. Тимошенко согласился...

Лобачев помолчал, потом с заметной грустью заключил: — Вот такие-то дела!..

Да, нам жаль было расставаться с Лукиным — этим талантливым, волевым генералом. И ему, по всему чувствовалось, тоже было не очень радостно. При прощании он шутил, посмеивался, но мы-то, работавшие с ним рука об руку с самого начала формирования 16-й и достаточно его знавшие, видели: нелегко уходить из армии, которой отдаю столько труда, сил, времени.

Мы крепко обнялись.

— Мало, к сожалению, вместе повоевали, — сказал как-то сразу охрипшим голосом Михаил Федорович, — а лиха хлебнули много и науку прошли большую. Желаю вам, дорогой мой товарищ, боевых успехов!..

В дни войны это была моя последняя встреча с М. Ф. Лукиным. Трудно сложилась его дальнейшая судьба. Во время октябрьского прорыва немцев у Вязьмы 19-ю армию, которой в то время командовал Лукин, постигла неудача. Михаил Федорович был тяжело ранен и в бессознательном состоянии захвачен в плен в Сычевских лесах. Встретились мы с ним уже после Великой Отечественной, в Москве.

— Очнулся я тогда в госпитале, — вспоминал Михаил Федорович, — как выяснилось, в селе Семлево. Госпиталь размещался в школе. Слышу немецкую речь. Так и обожгла мысль — в плену... Подходит оберст, эсэсовец, с несколькими офицерами. Посмотрел документы, сказал насмешливо:

— А-а, генерал Лукин! А мы вас еще в Смоленске ждали!

Тут же, в госпитале, мне по колено ампутировали ногу. Сперва немцы досаждали, пытались склонить на измену, потом Гитлер с Геббельсом Власова подослали, и тот подполк взялся за меня — надо, мол, России послужить. А я ему: «Я всю жизнь служил России, как мог и как умел, а ты ее, Власов, предал». Выгнал его, извещите, ядреными русскими словцами и не сдержался, запустил вдогонку сапогом...

В плену Лукин вел себя достойно, как подобает настоящему советскому человеку. После освобождения из фашистского концлагеря в 1945 году Михаил Федорович вернулся в Москву. Его восстановили в партии, вернули генеральское звание и государственные награды: орден Ленина, пять орденов Красного Знамени, ордена Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медали. Тогда же с ним снова встретился наш великий писатель Михаил Александрович Шолохов¹, который сказал, что в романе «Они сражались за Родину» Михаил Федорович станет одним из братьев Стрельцовых. Лукин заинтересовался: а почему он выйдет к читателям не под своей фамилией? Писатель ответил, что генерала Лукина, человека подлинно героической судьбы, все равно узнают сразу все...

Итак, новым командующим 16-й стал генерал-майор Константин Константинович Рокоссовский. Прежде мне не приходилось с ним встречаться, но наслышан о нем я был достаточно, особенно при отходе из-под Смоленска. Тогда в радиোগрамме Военного совета Западного фронта перечислялись генералы, войска которых шли нам навстречу. Первым среди них было названо имя Рокоссовского.

— Войска Рокоссовского? — подивился Лукин. — Но он же где-то на Украине должен быть со своим мехкорпусом.

— Так ведь мы, — сказал Лобачев, — тоже должны были прибыть в район Шепетовки, а оказались под Смоленском...

Именно ударом своих войск Рокоссовский разорвал внешнее кольцо окружения наших армий и открыл им дорогу на восток. И вот теперь состоялось наше знакомство. Стройный, аккуратный; несколько продолговатое лицо от-

¹ Первая встреча М. А. Шолохова с М. Ф. Лукиным произошла в июле 1941 года. Для сбора материала о защитниках Смоленска на КП командующего 16-й армией Михаил Александрович прибыл в тот раз вместе с писателями Е. П. Петровым и А. А. Фадеевым.

крыто, приветливо и улыбочиво. Всем своим видом он сразу же располагал к себе.

Представился я новому командующему. Он пожал руку, сказал:

— Надеюсь, мы найдем общий язык в работе.

По лицу его скользнула улыбка, как мне показалось, несколько смущенная. Генерал был человеком наблюдательным и чутким, я бы сказал, тонким психологом, и он не мог, конечно, не заметить то, как каждый из нас с нескрываемой грустью прощался с Лукиным.

Мне сравнительно недолго пришлось быть вместе с Рокоссовским, но тем не менее и из короткого общения с ним успел многое вынести и принять, так сказать, па собственное вооружение. Прежде всего его глубокое понимание сложной психологии бойца. Мне понравилось, что работу в 16-й он начал с того, что отправился в окопы, на передний край обороны войск. Помнится, вернулся довольный, несколько возбужденный: дисциплина, моральный дух воинов, умелое использование ими местности для обороны, содержание оружия — все ему понравилось. Охотно поделился впечатлениями:

— Замечательные люди в нашей армии! В окопах сопровождал меня красноармеец, немолодой уже, как выяснилось, учитель.

— Видимо, из коммунистического пополнения, — предположил я, — политбоец.

— Верно, коммунист. Так он, думаете, прежде всего о сапогах да о харчах беспокоится? Нет, его, понимаете ли, в первую очередь волнует то, что бойцы из нового пополнения не приучены бросать связки грапат и бутылки с горючей смесью по вражеским танкам!

Я рассказал об учебном городке, который был у нас под Смоленском.

— А здесь?

— Здесь еще не успели, Константин Константинович.

— Пока в боях пауза, надо этим заняться, «полечить» войска от танкобоязни, у нас хватает необстрелянного пополнения. И еще задача: среди коммунистического пополнения много грамотных, толковых людей. Надо готовить из них командиров взводов, да и рот. Специальные курсы организовать.

— Начальник политуправления фронта, Константин Константинович, три дня назад мне о том же говорил.

— Вот видите, в одну дуду дудим! Значит, дело стоящее.

Впоследствии такие курсы были созданы. Армия получила хорошее пополнение командиров среднего звена. Началась подготовка и ротных политработников.

Не припомню случая, когда бы Константин Константинович произнес непотребное слово, обругал командира, накричал на бойца. Он умел подбирать кадры и ценил своих помощников. Недаром, например, с начальником штаба М. С. Малининым и начальником артиллерии В. И. Казаковым прошел локоть к локтю чуть ли не через всю войну. Рокоссовский не связывал инициативу своих помощников, а если у кого из командиров что не ладится, опять же не обругает, не накричит, скажет спокойно:

— Взгляните-ка, — и поведет карандашом по карте, — куда ваша дивизия движется?

— Так ведь планом так предусмотрено, товарищ командующий.

— Планом немисливо все предусмотреть. План — это вы, ваш ум военачальника, ваша инициатива. Посмотрите-ка: а что, если взять немного правее и в этом месте ударить? Ведь полегче станет дивизии, и потеря меньше будет.

И все — без крика, без шума и ненужных нотаций, уважительно, деловито и твердо.

Импонировала нам и личная храбрость Рокоссовского. Не безрассудная бравада, чем грешили иные командиры, а храбрость расчетливая, та, что особенно ценится в бою. Известен случай в районе Ярцева, когда командующий остановил отступление одной из частей, где он как раз находился. Фашисты неожиданно ударили превосходящими силами и потеснили наши подразделения. Рокоссовский вышел навстречу отходившим. Он не закричал на них, не стал приказывать им наступать, а только спросил:

— Это куда же вы, орлы, направляетесь? От пемца бежите?

И пошел вперед. Пехотинцы — за ним. А тут на выручку подоспели артиллеристы, ударили прямой наводкой по вражеским танкам...

Один случай. А сколько их было во фронтовой жизни нашего командующего! Однажды мы направились с Рокоссовским в 38-ю стрелковую дивизию и попали под сильный минометный обстрел. Проскочили благополучно. Константин Константинович шуточно заметил командиру дивизии полковнику М. Г. Кириллову:

— Вот вы как встречаете командующего — минами! Хлебосольно. А я-то хотел посмотреть, где и как проводите досуг между боями.

— Извините, товарищ командующий, — всерьез оправдывался комдив, — все было спокойно, а сегодня фашист прямо с цепи сорвался.

— На то он и фашист, — засмеялся Рокоссовский. — Ладно, ведите в клуб.

Дивизионный клуб был оборудован под землей, подобно тому, как это мы устраивали в Забайкалье. Пол деревянный, стены тесом обшиты, над головой накат в несколько рядов бревен. На столах — газеты, журналы, книги. Было радио, и даже пишанино откуда-то привезли. Правда, немного душно, но зато тут в спокойной обстановке можно лекцию послушать, посмотреть кинофильм, побывать на концерте не только художественной самодеятельности, но и профессиональных артистов, которые нас не забывали, частенько приезжали из Москвы. Клубом Рокоссовский остался доволен.

— Хорошо, товарищи, очень хорошо! Уместе вы драться, и отдыхать уместе. Но учтите, долго отдыхать не придется...

Командующий не сказал о предстоящем августовском наступлении, но каждый из присутствующих понял, что он имел в виду.

Допоздна пробыли мы в дивизии, побывали и на переднем крае. Все дотошно осмотрел Константин Константинович, дал дельные советы и по обороне, и по организации культурного досуга личного состава. Обрато ехали в его машине. Света не включали — фронт. В темноте сблизись с пути и парвались на противника. Нас обстреляли из пулемета, но все обошлось благополучно. Во все время этого происшествия командующий оставался совершенно спокойным, будто ничего не происходило и опасность нам не угрожала.

Мы выехали на свою дорогу. У меня как-то само собой вырвалось:

— Не бережетесь вы, Константин Константинович. Прошлый раз под бомбежку попали. Истом под обстрелом оказались, но с наблюдательного пункта артиллеристов не ушли. И сейчас — будто немцы не в вас из пулемета велили, а в воздух.

— В таких случаях, — ответил со сдержанным смешком Рокоссовский, — один мой приятель отделялся словицей: живы будем — не умрем.

Он помолчал, взглядываясь в темноту, со всех сторон окутавшую нас. Было тихо, лишь кое-где громыхнет оружейный выстрел, разорвет беспокойную фронтовую тишину пулеметная строчка, да позади вспыхнет в небе ракета, освеще-

щая бледным дрожащим светом лес и холмы. Все ближе приютившееся в низине Ярцево, куда идет наша машина.

— Про пословицу-то, — вновь заговорил командующий, и в голосе его угадывалось откровение война и жизнелюба, — про нее я просто так сказал, в шутку. Не люблю браваду! У каждого человека одна жизнь, и у меня их тоже не две. Так что и мне не хочется без времени, и особенно попусту, потерять свою жизнь. Конечно, мы — солдаты, в мирное время учимся, а в войну воюем. Такова наша профессия, в том и долг паш — с оружием в руках защищать родную землю. Только умирать-то кому же охота? Но все дело в том, чтобы суметь взять себя за шиворот и наперекор всему одолеть в себе страх. Вы знаете, за страхом начинается ужас, и тогда человек теряет себя...

Рокоссовский снова помолчал, потом вдруг спросил, круто повернув разговор:

— А вы что же, Константин Леонтьевич, и пастушонком были?

— Пришлось, — сказал я, немало удивленный тем, что новому командующему уже известно мое далекое прошлое. — И скотину пас, и в батраках ходил. И не один я. Отец Леонтий Лукьянович, мать Феодосия Капитоновна тоже на богатеев спину гнули. Нужда заставляла. В семье-то восемь душ было...

— Вон ведь как! Ну, скажу вам, и меня жизнь не очень-то баловала. Тоже с детских лет к труду приучен. В империалистическую войну пороку вдоволь понюхал, затем в Красной Армии всю гражданскую прошел. В двадцать девятом году на Китайско-Восточной железной дороге под огнем пришлось побывать.

Закончил разговор Константин Константинович тем, с чего и начал:

— Война... Страдания, кровь, смерть. Все это, конечно, страшно. Но войну-то не мы начали, а гитлеровцы. Пусть на себя и пеняют. Дорого она им обойдется, очень дорого!

Генерал Рокоссовский беззаветно верил в нашу победу и, преодолевая все трудности, все невзгоды, настойчиво и целеустремленно вел к ней войска,

Местами наши окопы сближались с немецкими чуть ли не на бросок гранаты. Противник укреплял свои позиции. Холмы на противоположной стороне реки Вопа были изры-

ты траншеями. Там же — минные поля и проволочные заграждения. Днем разгорались артиллерийская и минометная дуэли, ружейная и пулеметная перестрелка. Налетала вражеская авиация, и тогда воздух рвали винтовочные залпы. Однажды была сбита «рама» — двухфюзеляжный разведывательный самолет «Фокке-Вульф-189». Воздушный стрелок сторел в самолете, а летчик выбросился с парашютом и был захвачен в плен. На допросе он держался сперва довольно пахально:

— Нам тесно стало в своих границах, а на востоке много жизненного пространства. Фюрер сказал, что оно должно принадлежать Германии!

— А вы сами как думаете? Так же?

Пленный замялся, отвел глаза в сторону:

— Я думаю, что фюрер все же в чем-то ошибся. Он обещал легкую победу, но победы не видно. Мы завязли в этой войне, и вряд ли нам удастся благополучно закончить ее.

— Вы ответили не на заданный еще вопрос, и ответили правильно. А как же все-таки с жизненным пространством на востоке?

— Эта не наша территория, и русские не собираются нам ее отдавать...

Мы предложили летчику выступить перед немецкими солдатами по радио. Отказался: у него в Германии семья, родственники. Но многие пленные охотно принимали наше предложение, и их выступления мы передавали на немецкую сторону через громкоговорящую установку...

Обычно вечером, когда затихал огневой бой, из окопов противника раздавались голоса:

— Эй, рус, дафай «Синий платочек»!

Мы выполняли просьбу «публики», прокручивали песенку, которая так полюбилась всем. А затем по радио начинал говорить один из пленных. Помню, однажды по собственному желанию к микрофону подошел награжденный Железным крестом лейтенант. Свое выступление он начал так:

— Здравствуйте, соотечественники! Это говорю я, ваш бывший однополчанин. Меня подстрелили русские и взяли в плен. Вы, наверное, думали, что мне кадут? Честно вам скажу: и я так думал. А русские подобрали меня, отправили в госпиталь, и я лежал вместе с их ранеными. Вы не поверите, если я вам скажу: русские врачи были так же заботливы и внимательны ко мне, как и к своим. Я бы в это тоже не поверил, но испытал на себе сам. И вот я — живой, поправившийся. На ноги меня подняли русские...

Голос пленного лейтенанта далеко разносили мощные динамики. Но внезапно его заглушили разрывы мив. Надо было менять место расположения установки. Такую возможность мы предусмотрели заранее, устроили запасные блиндажи для ее укрытия. И вот уже опять из динамика слышится речь пленного лейтенанта:

— Как же получается, ребята? Вы не хотите узнать правду? Или вам ее не дают узнать, минометами затыкают вам уши? Но правду ничем не заглушить, знайте. А правда в том, что обманул нас фюрер, бросил в болото, из которого Германии не выбраться, если мы сами этого не захотим...

Из немецких окопов закричали:

— Рус, хватит агитации, дафай «Синий платочек»!

— А может, «катюшу» сыграть?

В ту пору за грозными реактивными минометами только еще закреплялось ласковое имя «катюша». Гитлеровцы же называли наши эрсы «чертова пушка» и «огненная смерть». Но песенку про «катюшу» они очень уважали, просили:

— Дафай «катюшу», рус!

— Подождите до утра. Утром услышите.

И правда, едва миновала ночь, воздух разорвали режущие звуки. Небо пронзили огненные трассы. В районе обороны противника реактивные снаряды с оглушающим грохотом вздымали столбы пламени и дыма. После такого проигрывания «чертовой пушки» фашисты долго не могли прийти в себя.

В нашей 16-й армии была всего лишь одна батарея — четыре машины — реактивных минометов. Расчеты умело и быстро перебрасывали их с позиции на позицию, производили залп и мчались к следующей точке. Создавалось впечатление, что у нас далеко не единственная батарея «катюш».

Бои не прекращались. Правда, они чаще ограничивались огневой дуэлью. Впрочем, нами предпринимались и наступательные действия, но главным образом с разведывательными целями — для засечки огневых точек противника, захвата «языков». «Языки» давали ценные показания и очень жаловались на действия партизан, которые беспощадно уничтожали врага на захваченной им смоленской земле.

С партизанами мы по-прежнему поддерживали самые тесные связи. И по-прежнему они снабжали нас ценной разведывательной информацией о противнике. Тут, пожалуй, в немалой степени сказывалось то, что среди народных мстителей находились и бывшие воины 16-й. Многие ее бой-

цы и командиры, оказавшись в полном окружении, не сложили оружие, а включились в партизанскую борьбу. Мы и сегодня можем гордиться тем, что, например, из рядов 152-й стрелковой дивизии вышли прославленные на Смоленщине командиры партизанских бригад Иван Шлапаков и Гуржав Очилов, командиры отрядов Николай Лемешко и Александр Туровский, сотни рядовых бойцов-партизан. Так вот, доставляемые народными мстителями сведения об оккупантах были очень важны для ведения боевых действий. Хотя особого продвижения добиться нам не удалось, тем не менее 16-я армия сковала крупные силы врага, облегчив соседям на левом фланге проведение Ельнинской операции.

5

Ельнинская группировка противника была ликвидирована, как известно, 8 сентября. Гитлеровцы потеряли более пятидесяти тысяч солдат и офицеров, большое количество танков, другой боевой техники и вооружения. И именно разгромом ельнинской группировки захватчиков завершилось Смоленское сражение, огромное по своему размаху и напряжению.

Если говорить о военно-политических итогах этого грандиозного сражения первого периода Великой Отечественной войны, то прежде всего надо признать, и этого не отрицают даже буржуазные историки, что на полях Смоленщины Красная Армия уложила, по словам Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, четверть состава самой мощной на советско-германском фронте группы армий «Центр», нацеленной на Москву. Это были отборные дивизии — танковые, моторизованные и пехотные, с богатейшим боевым опытом. Советские войска остановили рвавшихся фашистов на восток на два с лишним месяца. Они опрокинули расчеты германского командования на безостановочное продвижение к Москве. Итоги Смоленского сражения знаменовали собой очередной важный этап провала гитлеровского плана «молниеносной войны». Мы измотали и обескровили врага, подорвав его наступательный порыв, нанеся и крупное моральное поражение.

Об этом свидетельствуют генералы вермахта в своих дневниковых записях периода войны и в послевоенных мемуарах. Но особенно показательны письма вражеских солдат и офицеров. Я уже приводил некоторые из них, хочется сослаться еще на два письма.

Убитый восточнее Смоленска фашистский офицер 37-го полка 161-й пехотной дивизии в августе 1941 года писал: «Кошмарный день. Русские ведут огонь из каждой щели. Уже 13 часов в нас непрерывно летят снаряды и гранаты. Во время атаки 3-й батальон потерял до 40 процентов своего состава убитыми и пропавшими без вести. Когда же все это кончится?.. Снова посыпались русские снаряды. Весь фронт грохочет и клокочет. С ума можно сойти!..»

Вот выдержка из письма другого гитлеровца: «Русские располагают большим количеством артиллерии и другим современным вооружением, которое они используют с каждым днем во все более растущих размерах. На один выстрел нашей артиллерии русские отвечают десятью — двадцатью. Снаряды ложатся довольно точно...»

У страха, как говорится, глаза велики. И артиллерии у нас было все же недостаточно, гораздо меньше, чем утверждают авторы писем, и в боеприпасах мы испытывали нужду. Все дело в самоотверженности советских воинов, в их выучке, умении. «Ни одного снаряда мимо цели!» — таков был девиз наших артиллеристов. И они неуклонно ему следовали: тщательно разведывали цели и готовили данные, мастерски действовали у орудий, потому-то снаряды и ложились «довольно точно». Здесь я могу повторить то, что отмечал ранее: если вера немецкого солдата в победу непрерывно таяла, то моральный дух красноармейца становился все крепче. Отсюда и всевозраставшая сила сопротивления врагу.

Таким образом, военно-политические итоги Смоленского сражения определенно склонялись в пользу Красной Армии, и это был тот фундамент, на котором мы строили свою работу в войсках, подчиняя ее главному — достижению победы над сильным и коварным противником. Наука была суровой, писана кровью наших славных комиссаров, политруков, коммунистов и комсомольцев.

Не забывал я и указания начальника политуправления фронта Лестева насчет обобщения опыта партийно-политической работы в войсках. Доклад получался обширным. А тут как раз в затишье между боями — затишье, конечно, относительном — мы собрались на армейское совещание. Подводили итоги, обменивались опытом, короче, поговорить нам было о чем.

Взять, скажем, вопрос о настроениях мирного времени, с которыми мы вступали в войну. Я уже рассказывал читателям: в первые недели многие бойцы еще не имели полного представления о зверином облике врага, его разбой-

ничьих планах, что порождало благодушие и беспечность, снижало бдительность и боевую активность. Следовало решительно покончить с подобными явлениями, воспитать в каждом красноармейце ненависть к оккупантам. Это было одно из главных направлений партийно-политической работы. Конкретность же пропаганды, ее доходчивость обеспечивались тем, что строилась она на живых фактах. Их было более чем достаточно. И я, и другие участники совещания приводили примеры зверств гитлеровцев. Так, в деревне Колоковичи Ярцевского района фашисты выгнали жителей на улицу и потребовали назвать виновных в гибели четырех своих солдат. Крестьяне молчали. Тогда фашисты вытолкнули из толпы двенадцать человек и тут же расстреляли их.

Взволнованным получился на совещании разговор о сбережении оружия. Сама по себе эта проблема далеко не новая, мы и в мирное время постоянно учили красноармейцев беречь свою винтовку, пулемет, орудие. Но война совершенно по-иному поставила перед нами вопрос о сохранении оружия. Мало содержать его в чистоте, бой есть бой, тут бывают и убитые, раненые, и их оружие не должно доставаться противнику. В ту трудную пору для нас винтовка, снаряд, граната были особенно дороги.

С чего лучше начать борьбу за сохранность оружия? Ответ подсказал своим примером пулеметчик 152-й стрелковой дивизии Александр Придворный. В бою он был тяжело ранен. Санитары начали выносить его из-под огня, и красноармеец сразу поставил им условие: он покинет поле боя только со своим пулеметом. И пока товарищи волокли Придворного на плащ-палатке, тот не выпускал из ослабевших рук оружие, отдал его потом только командиру.

Такая воистину кровная привязанность была у комсомольца Придворного к оружию, которое ему вручила Родина. Он знал, чего стоило рабочим людям изготовить этот ручной пулемет, и за время боевой учебы и фронтовой жизни в совершенстве овладел им. И вот тема бесед агитаторов: «Люби свое оружие, как Александр Придворный!» От пулеметчиков подобная тема «перекочевала» к стрелкам, артиллеристам, саперам, связистам. И могу засвидетельствовать, что добрый пример красноармейца, ставший достоинством войск армии, сыграл далеко не маловажную роль. Стало правилом: раненый, как ему ни было трудно, не бросал своего оружия; если же боец, к сожалению, погибал, товарищи доставляли его оружие командиру. Наши воины научились ценить и лопату, без которой никак не обойтись в

бою — ни самому окопаться, ни оборудовать окоп для пулемета, миномета, орудия.

И еще пример. От метких выстрелов снайпера молодого коммуниста Жарданова нашли свою могилу десятки вражеских солдат и офицеров. Не теряя времени, агитаторы понесли в окопы призывное слово: «Стрелять, как красноармеец Жарданов!»

Надо сказать, что наши политработники, партийные организации, агитаторы постоянно разъясняли пехотинцам, что винтовка, штык, граната в умелых руках — могучее оружие. Организовывались соревнования в меткости стрельбы. Накануне боя проводили короткие митинги, собрания коммунистов и комсомольцев, беседы с бойцами. «Смело иди в атаку, — говорили красноармейцу, — продвигайся вперед, и тебя поддержат другие бойцы, весь взвод. Нет возможности идти — немедленно зарывайся в землю. Не бойся вражеских танков, умело действуй связками гранат, бутылками с горючей смесью».

Личному составу рассказывали о войнах, взорвавших не один фашистский танк, объясняли еще и еще раз приемы борьбы с танками, с автоматчиками. Такая подготовка к бою всегда приносила пользу. Примеры храбрости, находчивости, инициативы брались на вооружение многими войнами.

После боя в частях и подразделениях, как правило, с личным составом обсуждались итоги действий. В каждом бою рождались новые герои, и все войны должны были знать, кто из их товарищей отличился.

Не ограничиваясь этим, в ряде частей посылали письма родным героя-красноармейца, на завод, в колхоз, учреждение, учебное заведение, где он работал или учился до службы в Красной Армии. Причем такое письмо предварительно читалось среди бойцов. В некоторых частях выпускались фотовитрины. В результате бойцы-храбрецы находили множество подражателей.

За время боев в подразделениях расширился актив, усилилось стремление воинов вступить в партию, комсомол. Особенно отрадно, что значительно выросли ряды партийных организаций стрелковых полков, где потери были наиболее значительными. Например, в одной из частей за две недели было принято в ВКП(б) семьдесят пять человек. Заметно оживилась партийно-политическая работа в ротах. Поэтому во многом способствовало пополнение частей коммунистами Москвы и других городов.

Рост ротных парторганизаций усложнил работу парторгов. Приходилось учитывать, что в большинстве своем парторгам были рядовые красноармейцы, некоторые из них не имели достаточной политической подготовки. В связи с этим политруки и партийные бюро частей регулярно инструктировали парторгов, внимательно вникали в их работу. Особое внимание уделялось воспитанию молодых коммунистов.

Получая повседневную помощь, крепили, набирались сил партийные организации рот и других подразделений. Так, коллектив коммунистов во главе с членом ВКП(б) Булычевым за короткое время завоевал непререкаемый авторитет среди всего личного состава. Парторг Булычев сумел сплотить партийный актив, в который входили отличившиеся в боях примерные красноармейцы Зорин, Пономаренко, Куколов и другие. Коммунистов, имеющих фронтовой опыт, поставили здесь на самые решающие участки. И закономерно, что это подразделение исключительно слаженно вело бой с фашистами.

Однако в работе с ротными партийными организациями, в воспитании там молодых коммунистов делалось еще не все, что можно было. Поэтому мы ориентировали политорганы соединений на улучшение этой деятельности. Требовалось энергичнее вовлекать молодых коммунистов в активную партийную жизнь, давать им конкретные задания, политически просвещать их.

В боевой обстановке часто нельзя провести беседу, политинформацию для большой аудитории. На первый план в таких условиях выходит работа с небольшими группами и, так сказать, один на один. Вот почему особое значение приобретает деятельность агитаторов. Они имелись у нас во всех взводах, и многие из них не упускали ни одной свободной минуты, чтобы не прочитать бойцам газетное сообщение о последних событиях на фронте, в стране, за рубежом, побеседовать с товарищами. Например, в одной из стрелковых рот агитаторы Трофимов, Михайлов, Ласточкин провели беседы «О взаимной выручке в бою», «Воин Красной Армии в плен не сдается», «Так бороться с танками противника», «Не забывай о противохимической защите» и другие.

Политорганы делали все, чтобы войны переднего края своевременно получали газеты. Сообщения Совинформбюро, передаваемые по радио, политруки записывали и разносили либо на машинках, либо от руки. Инструктор политотдела армии Новиков добился того, что к 9 часам все

бойцы части на передовых позициях уже знали утреннюю сводку.

Большое место в партийно-политической работе отводилось воспитанию у личного состава любви к своей части. Известно, что в годы гражданской войны бойцы Чапаевской дивизии с гордостью произносили: «Мы — чапаевцы!» Славные конники Котовского говорили: «Мы — котовцы!» Это сплачивало людей, прибавляло им сил. Такое оружие никогда не устареет, его можно и нужно было использовать и спустя два десятилетия, в новой войне. Поэтому политработники знакомили молодых бойцов с историей своей части, рассказывали о героях-командирах. И вот в подразделениях все чаще можно было услышать, как уже сами красноармейцы говорили друг другу о подвигах своих командиров, о их храбрости и находчивости в бою. Раненые, временно вышедшие из строя, стремились непременно возвратиться в свою часть, просили товарищей сообщить, что нового в ней, здоров ли командир.

В общем работа была проделана серьезная, опыт мы приобрели немалый, могли поделиться им с другими. Потому, видимо, 25 сентября меня вызвали в политуправление Западного фронта. Там проводилось совещание начальников политотделов армий. Первое слово предоставили мне. Виду старался не показывать, но, конечно же, волновался — как-то участники совещания воспримут мой доклад «Партийно-политическая работа в боях за Смоленск»? Сколько этой работе отдано энергии, силы, времени, сколько проведено бессонных ночей!

Сейчас приятно вспомнить: доклад поправился. Вечером Д. А. Лестев, разговаривая по телефону с Главпуrom, сказал об этом, там, видимо, заинтересовались, потому что последовало распоряжение о моем вызове.

27 сентября я был в Москве. На следующий день встретился с заместителем начальника Главного политуправления Красной Армии Ф. Ф. Кузнецовым. Он сказал:

— Надо, Константин Леонтьевич, выступить перед нашими работниками. Сегодня же!

— Хорошо, Федор Федотович.

О чем я говорил? Разумеется, прежде всего о том, что мы приобрели за три месяца боевой деятельности. Но немало времени уделил и тому, что мешало нам в организационно-партийной работе: о порядке приема в партию и учете вновь прибывших на фронт коммунистов. Подчеркнул: в 16-й армии на временном учете коммунистов в шесть с лишним раз больше, чем на постоянном! И если строго

следовать директивам, то эти товарищи некоторое время должны быть практически отрешены от активного участия в партийной жизни своих частей и подразделений. Правда, сообщил я, мы из последнего коммунистического пополнения выдвинули на командные должности, а также на партийную и политическую работу более восьмисот человек.

Присутствовавший на докладе Ф. Ф. Кузнецов спросил:

— Много ошибок допустили при выдвижении?

— Ошибок не было.

— А если мы устроим проверку?

— Проверка даст те же результаты, о которых я сообщил: все выдвинутые товарищи из коммунистического пополнения и из состоящих на временном учете достойны только похвалы!

Кузнецов улыбнулся:

— Ну что ж, примем к сведению. А замечания ваши справедливы, мы слышали их и от других политработников действующей армии. В ближайшее время сложившийся порядок учета вновь прибывающих коммунистов в войска будет изменен в интересах боевой деятельности — так же, как был изменен порядок приема в партию.

Вспомнилось, как чуть более месяца назад я с большой радостью прочитал Постановление ЦК ВКП(б) от 19 августа 1941 года, где было сказано: «Установить, что красноармейцы и начальствующий состав действующей Красной Армии, особо отличившиеся в боях, показавшие образцы героизма и изъявившие желание вступить в партию, могут представлять рекомендации трех членов партии с годичным партийным стажем, знающих их по совместной работе и менее одного года. В этом случае вступающие в партию представляют боевую характеристику политического руководителя подразделения или комиссара части».

О том, какое благотворное влияние на рост рядов коммунистов оказало это постановление, красноречиво свидетельствуют такие цифры: с 5 по 25 июля в члены партии в 152-й стрелковой дивизии было принято шесть человек, а с 20 по 30 августа уже около восьмидесяти.

Но вернусь к рассказу о пребывании в столице. Моим докладом об опыте партийно-политической работы в сражающихся войсках заинтересовалось командование Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Меня попросили выступить перед ее слушателями. Я охотно принял предложение, ведь это была моя родная академия. Правда, в 1937 году, когда я ее окончил, она находилась в Ленинграде, а теперь — в Москве. Многих преподавате-

лей уже не было, мои однокашники воевали на фронтах, некоторые из них пали в борьбе с фашизмом...

Честно признаться, с очевидной робостью поднялся я на трибуну, понимая всю ответственность, которую принял на себя. Я должен поделиться опытом с теми, кому предстояло завтра идти на фронт, нести в красноармейские массы слово ленинской партии. И прямо поведал, с какими невероятными трудностями пришлось столкнуться с первых же дней войны, как эти трудности легли прежде всего на плечи командиров, политработников, а также рядовых коммунистов — на тех, кто поднимает бойцов в атаку на врага. Примеров у меня было множество.

...Коммунисты Тихомиров и Шавловский с группой бойцов в пять человек скрытно и быстро приблизились к врагу численностью до роты и открыли огонь, пустили в ход гранаты. Потеряв убитыми до тридцати человек, гитлеровцы в панике бежали, поливаемые губительным огнем наших семерых храбрецов. Герои-коммунисты захватили много трофейного оружия и проложили путь к железнодорожной станции.

Отважный разведчик кандидат в члены партии Боков по заданию командования пробрался в тыл противника, добыл ценные сведения и из-под носа у фашистов угнал автомобиль, в кузове которого были немецкие винтовки, боеприпасы и обмундирование.

Прославил себя в боях за Родину политрук Тульчиков. Однажды подразделение оказалось в окружении. Политрук первым поднялся в атаку. В ожесточенной схватке воины разорвали вражеское кольцо, штыками пробili себе путь и вышли из окружения.

В другом бою, когда на горстку наших воинов со всех сторон навалились гитлеровцы, за станковый пулемет лег комиссар 544-го стрелкового полка батальонный комиссар С. И. Поскребышев. Метким огнем он уничтожил не один десяток фашистов. В этом бою комиссар был убит. Его заменил работник политотдела армии А. И. Батманов. В критическую минуту он поднял бойцов, увлек их за собой в атаку и тоже пал смертью героя. Политрук из 152-й стрелковой дивизии Тимченко, будучи тяжело раненым, попал в плен. Гитлеровцы пытались получить от него сведения о наших частях, но Тимченко не проронил ни слова. Тогда палачи отрезали ему бритвой губы, а затем расстреляли.

...После того как я назвал имена павших героев, слушатели, находившиеся в аудитории, встали и застыли в скорбном молчании...

Доклад мой затягивался — так много отложилось на сердце за эти месяцы войны и так много хотелось сказать! Пора было закругляться, а меня попросили рассказать еще о партийно-политической работе в роте, батальоне, полку. И я поделился тем, как перенесли мы все наши усилия в окопы. Меня спрашивали об агитаторах, и я рассказывал, как борются они за сохранность оружия, знакомят сослуживцев со сводками Совинформбюро. Меня спрашивали об окруженцах, и я рассказывал, как мы формировали из них подразделения и как крепко они били фашистов.

Не скажу, чтобы я был искусным оратором, но слова шли от сердца и слушали меня внимательно. Думается, людей подкунала та суровая правда, с которой я пришел к ним из огня жестоких сражений. Правда, впитавшая кровь моих отважных однополчан, рождавшая непоколебимую уверенность в победе над фашистскими агрессорами.

На основе этого доклада я написал статью, которая была напечатана 28 сентября 1941 года в газете нашей 16-й армии «Боевая тревога». Я бережно храню ее вместе с другими, очень дорогими для меня документами той далекой тяжелой военной поры.

6

...Уже после того как была закончена работа над рукописью этой книги, я прочитал роман Ивана Стадника «Война», многие страницы которого посвящены Смоленскому сражению. Мне роман понравился очень. Понравился прежде всего тем, что автор использовал в нем богатейший фактический материал, то есть рассказал правду, а она, воистину героическая, не нуждается ни в каких прикрасах. Понравился тем, что писатель с искренней любовью и восхищением поведал и о рядовых защитниках Смоленска, и о выдающихся военачальниках и политработниках Красной Армии, с которыми мне посчастливилось тогда встречаться и вместе сражаться, в частности о Михаиле Федоровиче Лукине, Федоре Федотовиче Кузнецове, Дмитрие Александровиче Лестеве, Константине Константиновиче Рокоссовском, Семене Константиновиче Тимошенко... Увы, время безжалостно, и никого из них уже нет в живых. Но если бы они сейчас жили, то, уверен, прочтав «Войну», не задумываясь и не колеблясь, сказали бы: «Да, так было!»

На чем основывается моя уверенность? На том, что П. А. Курочкин и М. Ф. Лукин, К. К. Рокоссовский и

С. К. Тимошенко, другие герои Смоленского сражения оставили бесценные воспоминания, в которых поведали только истинную правду, хотя порою она была безмерно тяжела и невыносимо горька. Причем, рассказывая о стойкости, мужестве, героизме бойцов, командиров и политработников, ни один из них не забыл особо указать на тот огромный вклад, который внесло в борьбу с врагом местное население. Воин и труженик тыла — они находились в одном строю, защищали Родину плечом к плечу, и вела их на борьбу с врагом одна и та же могучая сила — Коммунистическая партия. С первого дня войны она стала вдохновителем и организатором разгрома войск фашистской Германии, еще теснее сплотила наш народ и нашу армию, превратила страну в единый боевой лагерь, несокрушимый духом.

Всю идеологическую деятельность в соединениях 16-й летом сорок первого мы неуказательно подчиняли выводу В. И. Ленина о том, что «во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь»¹, постоянно помнили, какое огромное значение придавал Владимир Ильич политработе. Там, говорил В. И. Ленин, где она проводится наиболее заботливо, «там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед»².

Бои на Смоленщине, которые запомнились как одно сложное, не прекращающееся ни на минуту сражение, убедительно подтвердили силу и правоту ленинских слов. Здесь, в древнем русском городе на Днепре, народ и армия совершили великий подвиг. Здесь во многом предопределилась радость тех дней, когда затем под Москвой Красная Армия вырвала у врага инициативу наступательных действий и заставила его перейти к стратегической обороне на всем советско-германском фронте.

Но, подчеркну особо, все это было потом, ближе к концу трудного сорок первого. И я очень далек от мысли представить дело таким образом, что в последующем разгромах гитлеровских войск под Москвой все решило именно Смоленское сражение. Подобное утверждение выглядело бы по меньшей мере несерьезным, ироничным. Ведь хорошо известно, что в первые же дни, недели и месяцы войны ожесточенная борьба развернулась на огромном пространстве между Балтийским и Черным морями, где наступали главные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 124.

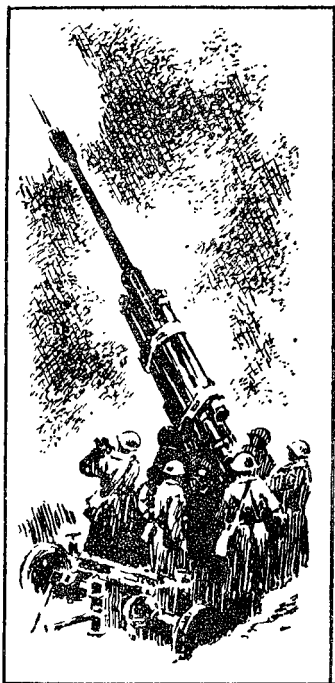
² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 53.

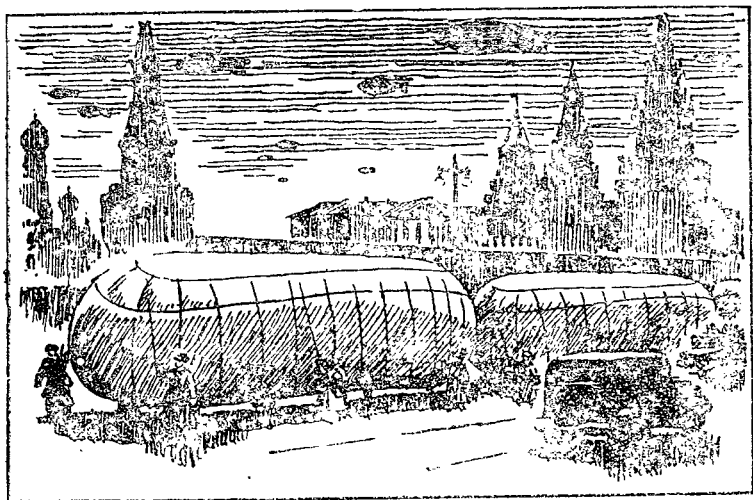
силы противника. И редкий населенный пункт в этой многокилометровой огненной полосе наши воины отдавали фашистам без боя. Несмотря на сложившиеся в ту пору чрезвычайно тяжелые и невыгодные для нас условия, они не только оказывали агрессору упорное сопротивление, но и наносили весьма чувствительные удары.

Примеров тому, воистину, нет числа. Невиданную дотоле стойкость и героизм проявили бойцы, командиры, политработники в боях за Лиепаяу, Раву-Русскую и Перемышль, при обороне Брестской крепости, ставшей символом непреклонного мужества вооруженных защитников Советской Родины. А танковое сражение под Луцком, Бродами и Ровно, а героическая оборона военно-морской базы на полуострове Ханко и города Ленина на Неве, а многие и многие другие значительные вехи памятного 1941 года! Складываясь в единое целое, эти битвы, в том числе и битва на Смоленщине, явились предтечей первого серьезного поражения гитлеровской армии на подступах к столице нашего Отечества — Москве.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Тульское НАПРАВЛЕНИЕ

Глава первая
1-й ГВАРДЕЙСКИЙ

1

...Я все еще находился в столице, куда, как, очевидно, помнит читатель, был вызван Главным политуправлением РККА с докладом о накопленном в 16-й армии опыте партийно-политической работы в боях за Смоленск. Впереди у меня было два свободных дня. Не припомню что-то, чтобы за три месяца, минувшие после того, как наша армия начала боевые действия, хоть денек выпал «для себя». Чтобы не было оглушительных разрывов бомб, снарядов и мин, не было боли по друзьям-товарищам, павшим в борьбе с врагом, — словом, не было всего того, что именуется кратким и емким словом «война». А тут целых два свободных дня — такая роскошь и редкостная удача для фронтовика!

Я ходил и ездил по Москве с приподнятым настроением. После моего выступления перед слушателями Военно-политической академии имени В. И. Ленина ее начальник бригадный комиссар П. С. Дунаев вручил мне диплом об окончании этого славного военно-учебного заведения. Дело в том, что в 1937 году, когда я покидал стены академии, получив назначение в Забайкалье, дипломы нам не вручали. Теперь же общевузовская система дипломирования выпускников

была введена и в ВПА. Причем моя деятельность на посту начальника политотдела 16-й армии в боевых условиях была засчитана как дипломная работа.

Все это давало основание думать, что знания, полученные в академии, обернулись мне на пользу, что я успел кое-что сделать для политического воспитания воинов. А июльские и августовские дни Смоленского сражения, тяжелые и кровавые, потребовали огромного напряжения всех духовных и, само собою, физических сил от его участников, в том числе, разумеется, и от меня. Командиры и политработники, весь личный состав 16-й с честью выдержал испытание на стойкость и мужество.

Обо всем этом думал я, когда ходил и ездил по столице, которая стала прифронтовым городом. Площадь Коммуны, где находилась гостиница Центрального Дома Красной Армии, была изрыта, в канопирах укрылись зенитные орудия, уставив в небо свои зеленые хоботы. Пушки и прожекторные установки на Комсомольской площади, у Большого театра... На крышах некоторых больших зданий — счетверенные зенитные пулеметы. У чердачных слуховых окон дежурят женщины и подростки. Они вооружены пистолетами с длинными ручками, какими пользуются кузнецы, и ломатами: приготовились гасить фашистские «зажигалки». Москвичи зорко, день и ночь оберегали от пожаров свои жилища, свои заводы и фабрики. Над головами, слабо покачиваясь на осеннем ветру, висели аэростаты воздушного ограждения.

Я и сейчас, многие годы спустя, помню чувства, которые испытывал тогда. Были они сложные, в чем-то даже противоречивые. С одной стороны, терзала и душила невыносимая боль оттого, что за какие-то три месяца война довольно близко подкатила к сердцу нашей Родины — Москве. Такое просто не укладывалось в голову. С другой стороны, я отлично сознавал, что Москва могла оказаться в еще более трудном, более страшном положении, если бы не герои Смоленского сражения. Черемалыгая живую силу и технику врага, войска нашей 16, 19 и 20-й армий заслонили собою любимую столицу, не дали фашистам выйти на ближние подступы к ней в первые же недели Великой Отечественной...

Ночью меня разбудил грохот зенитных пушек — они вели огонь по немецким самолетам. Чуть приоткрыл штору, выглянул из окна. Вспышки орудийных залпов на миг выхватывали из тьмы силуэты домов, пустынные улицы, деревья сквера, сбрасывавшие осенний лист. Небо полосовали лучи прожекторов.

Утром Совинформбюро сообщило: налет фашистской авиации на Москву отражен, сбито несколько бомбардировщиков.

Днем снова пошел побродить по городу. Все как и вчера. Решил навестить своего старого знакомого, который жил на улице Горького. У закрытого подъезда меня встретила немолодая женщина с противогазной сумкой через плечо. Спросила:

— Вам кого, товарищ командир?

— А разве без спроса нельзя?

— Нельзя!

Объяснил. Женщина наморщила лоб, видимо перебирая в памяти жильцов дома, и сообщила:

— Квартира закрыта. Хозяин на фронте, а семья в эвакуации...

Женщина строга, деловита, даже, кажется мне, неприступна, подозрительно осматривала меня с головы до ног. Я улыбнулся, приложил руку к козырьку:

— Удачного вам дежурства!

Едва отошел от подъезда — патруль:

— Ваши документы.

Кобура пистолета старшего наряда, замечаю, расстегнута, двое красноармейцев предельно собраны, настороже. Правильно, готовы к возможным неожиданностям, которые, рассказывали мне, случались. Несмотря на жесткие меры, в город все же просачивались вражеские лазутчики, да и воровские элементы кое-где повывезли из своих щелей в поисках легкой добычи. Пока я размышлял таким образом, старший наряда, лейтенант, внимательно прочитал мои документы и, возвращая удостоверение, проговорил:

— Вам надо запастись пропуском. В Москве сейчас без пропусков нельзя.

Погромыхивают трамваи, с шелестом катят по асфальту троллейбусы, автобусы, легковые машины. Торопливо идут прохожие, но пет обычной для столицы суеты, и шумы города будто приглушены. Строга Москва в эти осенние дни сорок первого года, сурова и напряженна ее жизнь. Только залы и платформы станции метро выглядят как обычно, в огнях, и поезда мчатся с прежними скоростями и шумом.

Время от времени отдельным вражеским самолетам все же удавалось прорваться к столице. Однако разрушений не видно. Если же, как было, скажем, недалеко от Кузнецкого моста, какое-то здание пострадает, его без промедления отремонтируют, приведут в порядок.

Вечером 1 октября меня вызвал к себе заместитель начальника Главного политического управления Красной Армии корпусной комиссар Ф. Ф. Кузнецов. У Федора Федотовича мне не раз приходилось бывать. Прекрасный это был человек! Неизменно внимателен, уважителен, корректен и прост. Мог, конечно, Федор Федотович и поругать, коли заслужил того, но и помочь всегда был готов.

На этот раз Кузнецов выглядел утомленным, был хмур, озабочен. Кратко осведомившись о самочувствии, сообщил:

— Противник начал новое наступление на Москву. Обозначились сильные удары с севера и юга, в обход столицы. Одновременно он активизировался и против центра Западного фронта. Обстановка складывается, я бы сказал, не просто тяжелая — угрожающая.

Он вышел из-за стола, прошелся по кабинету, затем остановился передо мной, доверительно положил руку на плечо.

— Думал дать вам, товарищ Сорокин, немножко передохнуть после Смоленска, а потом поручить одно важное дело, но не пришлось. Сейчас самое важное дело там, где решается судьба Москвы. Бросаем на фронт все, что имеем и что можем. Вы назначаетесь комиссаром 1-го гвардейского стрелкового корпуса резерва Ставки Верховного Главнокомандования. Это назначение — не понижение вас в должности. Прошу правильно понять: в эти тяжкие дни вы с вашим боевым опытом и знаниями очень нужны корпусу. Вы поняли?

— Да, Федор Федотович.

— Хорошо. Ваш корпус будет действовать на южном крыле московской зоны обороны и войдет в оперативное подчинение Брянскому фронту. Командиром корпуса назначен генерал-майор Дмитрий Данилович Лелюшенко. Командир думающий и твердый. Вы незнакомы с ним?

— Слышал, но лично встречаться не приходилось.

— Ничего, — первый раз за время нашей беседы улыбнулся Кузнецов, — как пуд соли вместе съедите, так и узнаете друг друга. Я думаю, найдете с ним общий язык.

— Когда прикажете отправляться, товарищ корпусной комиссар?

— Не медля ни минуты. Генерала Лелюшенко вы найдете в Автобронетанковом управлении. Он сейчас там подбирает людей для штаба корпуса.

— Разрешите идти?

— Погодите. Ваша семья в Забайкалье?

— Да.

— Что пишут? Как они там, в чем нуждаются?

— Живут, как все... Впрочем, писем давно не получал.

— А по телефону не связывались?

— Сейчас, Федор Федотович, связистам не до частных переговоров граждан. Полдня на переговорном пункте Центрального телеграфа просидел, только время зря потерял.

Кузнецов вызвал адъютанта, приказал:

— Срочно соединитесь с Читой по ВЧ, к аппарату пригласите Сорокину Анну Алексеевну. Она работает в редакции окружной газеты.

Правду сказать, я несколько удивился: корпусной комиссар, обремененный огромной и ответственной работой, знает имя и отчество жены в общем-то не столь уж близкого ему человека, и даже место, где она трудится. Но именно таким был заместитель начальника Главного политического управления. Он считал, что командир, политработник должен все знать о своих подчиненных, чтобы уметь вовремя прийти на помощь, ободрить, вместе разделить и радость, и горе.

И вот адъютант доложил, что Чита на проводе. Редакция находилась рядом со штабом округа, и на приглашение Анны Алексеевны к телефону потребовалось не больше трех-четырех минут. Причем прибежала жена не одна, успела прихватить и детей — дочку Галю и сынишку Юру. Федор Федотович показал глазами на аппарат и вышел из кабинета.

Разговор с женой шел и радостный, и сдержанный. У нас в семье не было принято жаловаться на неудобства, на недостатки и неустроенность. Армейская жизнь, известно, кочевая. За годы воинской службы я с семьей, кажется, всю страну исколесил вдоль и поперек. Бывало, жили в удобных и благоустроенных квартирах, а случалось, и в землянках или в палатках ютились; порой по месяцу и даже дольше не виделись — различные сборы, учения, командировки... Всего было вволю. Поэтому и говорили сейчас в самых спокойных тонах: мол, беспокоиться нечего, все идет нормально. Другое дело — детишки. Они еще не научились сдерживать истинных чувств, не могли побороть столь естественного волнения. И я слышал, как на другом конце провода, за тысячи и тысячи километров, сдавленно всхлипывала Галя:

— Папа, папа, береги себя, папа! Мы ждем тебя!..

А девятилетний Юра не просил — требовал:

— Бей фашистов! Хорошенько бей гадов, папа!..

Когда разговор закончился, в кабинет вошел Федор Федотович.

— Боевых удач вам, товарищ Сорокин! — сказал он на прощание. — Информировать о делах, потребуется моя помощь — прошу без стеснения. Но немца... немца остановить и разбить! Разумеется, общими усилиями.

От Кузнецова я отправился в Автобронетанковое управление, где и встретился с генералом Лелюшенко. Был он крепкого телосложения, с довольно крупными чертами лица, со скупыми жестами и спокойной, неторопливой речью. В общем весь его облик и манера держаться свидетельствовали: человек оп обстоятельный, надежный, думающий. «Пожалуй, — решил я тут же и, к счастью, не ошибся, — сработаемся мы с ним быстро».

Лелюшенко окинул меня острым взглядом, спросил с заметным украинским акцентом:

— Как звать-величать?

Я ответил.

— Ага, запомнил. Вместе, значит, Константин Леонтьевич, в одной упряжке потянем воз?

— Получается так, Дмитрий Данилович. Война свела.

— Ладно, более подробно будем знакомиться позже, но вот что решим сразу. Зачем нам выкаты, коли воевать бок о бок, а? Согласен? Отлично! Немедля и перейдем на ты. — Засмеялся, довольный. — Где твои вещи, комиссар?

— В гостинице.

— Забирай и догоняй нас. В дороге расскажу, что к чему и какой разговор был с Верховным. Дела нам с тобой, Константин Леонтьевич, предстоят жаркие!

3

Первая октябрьская ночь была тихой и не по-осеннему теплой. Тучи ползли низко, изредка брызгали мелким дождем. Наша эмка выбралась на шоссе Москва — Тула, и замелькали одна за другою деревни, села. Они здесь часты. Темные провалы улиц были безлюдны и неприветливы. Война погасила огни, заглушила веселые песенные хороводы...

Жестокая действительность вновь и вновь возвращала к тому, что осталось там, на многострадальной земле Смоленщины, и что ждало теперь впереди.

Не доезжая Серпухова, мы с батальонным комиссаром Н. Н. Дубышкиным обогнали мотоциклетный полк подпол-

ковника Т. И. Танасчишина. Это была одна из частей нашего гвардейского корпуса. Командир полка получил приказ генерала Лелюшенко двигаться на Мценск и произвести боевую разведку в сторону Орла.

Светало. Тучи в небе рассеялись. Гасли звезды. На востоке из-за холмов показался багровый край солнца, первые лучи его позолотили вершины сосен.

Вскоре мы уже были в Серпухове. Здесь встретились с группой командиров нашего корпуса. На обочине дороги стоял Лелюшенко, он поджидал нас.

— Как ехалось, Константин Леонтьевич? Не подремал?

— До того ли, Дмитрий Данилович!

— Вот и мне не дремлет. — Кивнул на свою машину: — Поедем вместе, поговорить треба.

Когда немного отъехали, генерал сказал, усмехнувшись: — Кругом тишина, как в погребу, а мне все кажется, что пушки палят. А це ж у меня у голови стреляе: недоспал. — И посерьезнел: — Ладно, потом посним, как время будет. Обстановка тебе знакома?

— В общих чертах.

— Нам с тобой, комиссар, теперь в общих чертах нельзя, нам все надо знать до тонкостей. — Мешая по привычке русскую речь с украинской, продолжал: — Знаешь, что сказал мне сам Верховный? А вот что: 30 сентября танки Гудериана прорвали оборону Брянского фронта на левом фланге 13-й армии и вчера захватили Севск. 24-й танковый корпус гитлеровцев развивает наступление на Орел. Бойсь, что мы не поспеем, и фашисты войдут в город. Наш корпус выдвигается навстречу прорвавшемуся противнику. Понимаешь?

Я наклонил голову — как не понять. Вслух же проговорил:

— Гудериан знаком мне по Смоленску.

— Ха, выходит, уже сталкивались?

— Пришлось.

— Ну и как он, Гудериан?

— Противник серьезный, но полагаю, что бить вполне можно. Во всяком случае, под Смоленском у нас получилось.

— А ты, видать, оптимист, Константин Леонтьевич! — легонько стукнул меня по колену Лелюшенко. — Люблю!

— Пессимизм нам, Дмитрий Данилович, вреден, может сыграть как раз на руку Гудериану.

— Верно! Сто раз верно! А насчет Гудериана мне то ж самое сказал товарищ Сталин. Верховный так и казав: бить

надо Гудериана! А он наипервейшим танковым богом у Гитлера числится. Ну, мы тоже не лыком шиты, имеем понятие о танках! Между прочим Верховный Главнокомандующий сам отчеркнул красным карандашом линию на карте — аккуратно по Мценску. Вот, говорит, линия вашего корпуса, а дальше — ни шагу!

— Понятно. Только чем начнем бить Гудериана?

Генерал вскинул голову:

— Силы-то у нас будут большие. Подчеркиваю: будут! В корпус включены 5-я и 6-я гвардейские стрелковые дивизии, 4-я и 11-я танковые бригады, воздушные десантники, кавалеристы, мотоциклисты, по меньшей мере два полка артиллерии, зенитно-артиллерийский дивизион, два дивизиона гвардейских минометов. Как?

— Подходяще! Но ведь их нет пока?

Вспомнилось, с чем мы начинали под Смоленском: с одной стрелковой дивизией и артполками. Таковы были силы нашей 16-й армии...

— Да-а, действительно, пока войск нема, вернее, есть, по мало. В этом и загвоздка. Однако коль ты оптимист, то и я такой. Выкрутимся! В Туле находится оружейно-техническое училище, может, еще что по дороге подберем. Понимаю, такими силами контрудара по моторизованным соединениям противника не нанесешь. Значит, будем все-таки рассчитывать на главные силы корпуса, они на пути к Мценску. Лишь бы успели, лишь бы Гудериан в Севске задержался... А не задержится, может занять Орел. Тогда, боюсь, и в Орле не засидится, и не будет ждать, когда развернется наш корпус под Мценском. Есть данные: враг на Тулу нацелился...

В первой половине дня 2 октября мы были в Туле. Командир корпуса поехал поднимать по тревоге оружейно-техническое училище, а я отправился в обком партии. Принял меня первый секретарь Василий Гаврилович Жаворонков. В кабинете — ничего лишнего, только то, что требовалось для работы и короткого отдыха. На письменном столе несколько телефонных аппаратов, у стола для заседаний — десяток стульев. В углу за ширмой железная койка. Одет был Жаворонков в военную форму, но без знаков различия.

— Времени в обрез, — говорил он, — так что работать приходится день и ночь. Но не это главное, главное другое: если противник подойдет к Туле, то не застанет нас врасплох.

Я и сам понимал, что у секретаря обкома каждая минута на счету, поэтому долго задерживаться не собирался. Не

Василий Гаврилович решил иначе. Раз нам предстояло вместе, общими усилиями защищать Тулу от фашистов — а все шло к этому, — то считал необходимым лично ввести меня в курс того, что делалось в городе и области. И он подробно рассказал о работе партийных и советских организаций по демонтажу и эвакуации в глубь страны промышленных предприятий, вывозке хлеба с элеваторов, отправке ценного имущества, отгоне скота...

Было, разумеется, что сообщить и мне. Когда, например, речь зашла о создании истребительных отрядов для борьбы с мелкими вражескими десантными группами, забрасываемыми с целью поджогов и иных диверсий, я поведал о смоленском опыте организации партизанского движения, о действиях наших разведчиков в тылу противника.

— Ну что ж, мы рассчитываем на ваше участие, товарищ Сорокин! — сказал Жаворонок, выслушав меня очень внимательно.

— Обязательно! Тем более, — улыбнулся я, — и вы, надеюсь, в долгу не останетесь.

— Конечно нет. Любую помощь, какая потребуется, окажем. — Василий Гаврилович в свою очередь тоже улыбнулся, заключил: — И уже оказываем.

Да, нам, воинам, население Тулы помогало много и все стороны. Так, на Новотульском машиностроительном заводе были созданы инициативные группы рабочих по сбору и монтажу оборудования, оставшегося от эвакуации. На оружейном заводе действовала мастерская, где сначала ремонтировалось стрелковое оружие, затем началось производство минометов, а еще спустя некоторое время стали изготавливаться бронешитки и пулеметные бронебашни. Туляки же и ремонтировали автомашины, бронеавтомобили, танки, артиллерийские орудия, все больше выпускали в своих цехах гранат, мин, ломов, топоров, саперных лопат. Трудники предприятий «Швейсоюз» обеспечивали воинов, защитников города, обмундированием, бельем, маскировочными каплатами, рукавицами. Настоящий трудовой подвиг совершили рабочие и служащие паровозного депо станции Тула-1. В кратчайший срок, за сентябрь — октябрь, они построили бронепоезд, от меткого огня которого полегло немало фашистских солдат и офицеров на подступах к Туле. Кстати, в те дни, о которых рассказываю, жители города еще не знали, что гитлеровцы прорвали оборону Брянского фронта и движутся на Орел, но заранее готовились к возможному нашествию захватчиков.

Начальник связи корпуса подполковник А. Н. Остренко доложил Д. Д. Лелюшенко и мне о получении радиограммы из Ставки Верховного Главнокомандования. В ней сообщалось, что противник перешел в наступление и на центральном участке Западного фронта в районе Вязьмы. Наступление немецкой группы армий «Центр» на Москву приобретало все более злобещий вид. Теперь нам было совершенно ясно, что 2-я танковая армия Гудериана не будет отсиживаться в Орле, заняв его. Ее дивизии двинутся на Тулу.

Мы с Лелюшенко поспешили в Мценск.

4

Утром 3 октября штаб корпуса развернулся в Мценске, небольшом городке, расположенном на берегу реки Зуша. Нас встретил начальник политотдела корпуса Иван Михайлович Богданов. Он прибыл сюда немного раньше и с группой политотдельцев успел побывать в нескольких подразделениях, беседовал с коммунистами и комсомольцами, красноармейцами. Настроение личного состава, как доложил Богданов, боевое.

В тот же день мы с Лелюшенко навестили секретаря горкома партии Ивана Григорьевича Суверина, рассказали ему об обстановке и своих намерениях.

— Всем хватает забот и хлопот, — выслушав нас, проговорил Иван Григорьевич. — И у меня их сейчас тоже предостаточно. Особенно трудно с эвакуацией. Не хватает людей, транспорта...

— Подойдут войска — дадим то и другое, — пообещал Лелюшенко. Глянул на часы, заторопился: — Константин Леонтьевич, потолкуй хорошенько, чем мы можем помочь товарищам, а чем они нам, чтоб у нас все было в контакте. А я поеду в 36-й мотоциклетный полк. Посмотрю, все ли там в порядке...

Оставшись с Сувериним вдвоем, мы прикидывали и так и этак — как общими усилиями нашего корпуса и жителей города задержать противника, не дать ему продвинуться к Туле, захватив которую, он открыл бы себе прямую дорогу на Москву. Кстати, в ту пору в городе создавался партизанский отряд, и разговор, естественно, шел и о нем.

— Люди, особенно старые коммунисты, идут туда с огромным желанием, и тут никакой проблемы, — рассказывал Иван Григорьевич. — Проблема в другом: нет пока ни оружия, ни боеприпасов. Потом, со временем, побывав в боях,

партизаны, не сомневаюсь, добудут у врага и то и другое. А пока, увы...

Помня наказ командира корпуса помочь товарищам, я заверил Суверина: поделмся с отрядом всем, чем только можем. И действительно, позже мы довольно прилично его вооружили — в основном трофейными автоматами и пулеметами, патронами и гранатами. Народные мстители в долгу не остались. Успешно действуя в тылу противника, они регулярно снабжали нас ценной информацией.

...В штаб корпуса Лелюшенко вернулся довольный, даже, пожалуй, радостный.

— Нашего войска прибыло, комиссар! Встретил я по дороге колонну. «Что за люди?» — спрашиваю. В ответ слышу: «132-й пограничный полк. Следуем согласно предписанию в город Орел. Докладывает командир полка подполковник Пияшев!» Объясняю ему, что в Орел уже теперь не пробиться. Снова спрашиваю: «Хотите воевать?» «Само собой, хотим!» «Ну вот что, дорогие товарищи, говорю им, — слушайте же меня. Я командир 1-го гвардейского корпуса и подчиняю вас себе. Боевая задача полку: оседлать шоссе и быть готовым встретить врага». Видал бы ты, Константин Леонтьевич, как обрадовались моему решению эти пограничники! А ребята на подбор, один к одному. Пока подкрепим полк оружием-техническим училищем, а подойдут войска, еще усилим.

Обстановка продолжала осложняться. 24-й танковый корпус противника занял Орел и, как и предполагал Лелюшенко, не стал засиживаться в городе, сразу двинулся на Мценск. Захваченные в плен шесть немецких солдат и два унтер-офицера на допросе показали: в Орле остались лишь части 4-й моторизованной дивизии.

— Ничего не скажешь, ситуация! — произнес Дмитрий Данилович.

Позади нас до Тулы никаких войск не было. Фашисты начали наступление в тот момент, когда основные силы нашего корпуса находились еще на пути к месту сосредоточения. Выходит, отойти, открыть врагу дорогу? Ни в коем случае! В бой вступили два полка и оружием-техническое училище, занимавшие оборону на Орловском шоссе. Сейчас уж и не помню каким образом, но мы ухитрились-таки перед тем боем выкроить несколько минут для митинга. Обращаясь к бойцам, командирам, политработникам, я изложил задачу, поставленную нашему корпусу: остановить прорвавшуюся группу танков противника, разгромить и дальше Мценска не пускать. В заключение сказал:

Ф. Ф. Кузнецов

П. Н. Чернышев

Подразделение занимает оборону

И. И. Свирилин, А. И. Масленов, Д. Ф. Романов (слева направо)

По противнику — огонь!

П. П. Максимов

А. А. Серболин

Е. Е. Сухорученко

П. П. Лисяк

В. М. Машункин

В. С. Шилкин

В разведке

Д. Д. Лелюшенко

А. Н. Ермаков

И. В. Болдин

А. В. Куркин

В. Г. Жаворонков, И. В. Болдин, К. Л. Сорокин (слева направо)
на заседании Военного совета 50-й армии

И. А. Кузовков

Я. С. Фоканов

И. Н. Шкадов

А. Л. Гетман

С. А. Иванов

Н. П. Власенко

К. Н. Леселидзе (слева) и В. Н. Бородин

А. Д. Терешков

И. М. Богданов

К. В. Соловцев

Ф. Д. Панков

К. П. Трубников

А. К. Кесаев

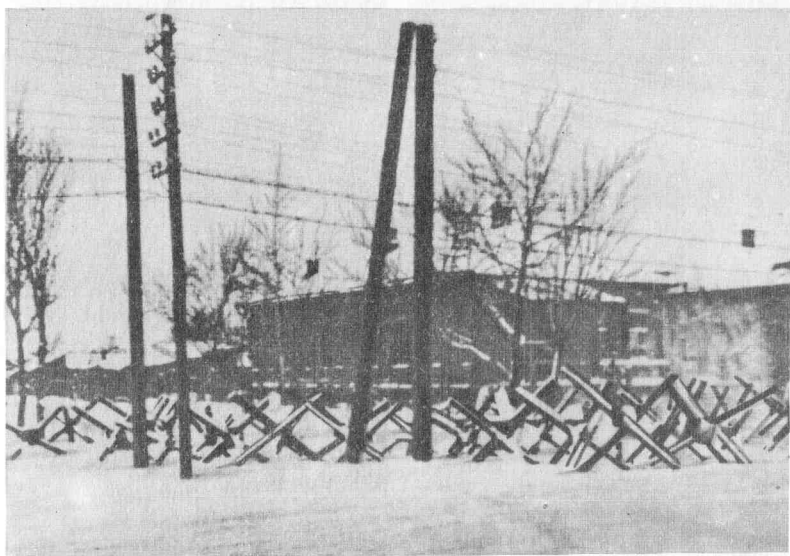
Н. В. Рякин

И. С. Хохлов

Заграждения на улицах Тулы

Г. О. Мартиросян

И. Ф. Серегин

К. В. Иванов

А. А. Чурсин

М. А. Сязов

М. Х. Данилов

И. Ф. Будник

Ф. А. Якушенко

Н. Г. Бочаров

Н. Н. Дубышкин

И. А. Химин

Б. П. Тонкошуров

М. Д. Максимцов с хлебом-солью от трудящихся Калуги

Почетные граждане Щекино
В. М. Ноздрюхин, И. И. Ющук,
К. Л. Сорокин (слева направо)
среди пионеров

— Пусть же не знают страха ваши сердца! Пусть, напося удары по ненавистным фашистам, не дрогнут ваши руки! Пусть беззаветная любовь к Советской Родине удесятит ваши силы!

Да, как ни тяжело было нам в те трудные дни сорок первого, а для политико-воспитательной работы время непременно находили. И вести ее стремились, руководствуясь ленинским принципом: активно, с огоньком, сосредоточивая главные усилия на решении основной, первостепенной задачи. Такой задачей для нашего корпуса, сколачиваемого из разрозненных частей и подразделений, было укрепление дисциплины, повышение организованности. Этому, к слову сказать, нас обязывала и директива Главного политуправления, изданная еще 15 июля. В ней говорилось: «Всему политическому аппарату, партийным и комсомольским организациям повести решительную борьбу с паникерами, трусами, шкурниками и пораженцами невзирая на лица». Месяц спустя после этого, 16 августа, аналогичную директиву издала и Ставка Верховного Главнокомандования.

— Добейтесь, — потребовал я от И. М. Богданова, — чтобы с содержанием директив был подробно ознакомлен каждый боец. Не запугивая, разъяснить закон о каре за измену Родине.

— Да, — согласился Иван Михайлович, — это головной участок нашей работы. В основном-то, конечно, люди в корпус вливаются настоящие, мужественные и преданные народу, однако встречаются и совершенно неустойчивые.

Вопросы укрепления дисциплины и организованности, повышения боеготовности и боеспособности решали все без исключения политработники. Там, где позволила обстановка, прошли совещания коммунистов, комсомольцев, агитаторов, собрания личного состава с повесткой дня «Будь верен присяге и воинскому долгу». Где такой возможности не имелось, политработники провели индивидуальные беседы.

Вечером приехал в Мценск полковник Владимир Алексеевич Глуздовский, назначенный начальником штаба корпуса. Он привез долгожданную весть: ночью будем встречать 4-ю танковую бригаду, а через день-два с Ленинградского фронта придут 5-я и 6-я гвардейские стрелковые дивизии. На сердце стало легче. Однако это не снимало нависшей опасности, и мы решили послать в Тулу своих представителей.

— Расскажите, — напутствовал их Лелюшенко, — расскажите городским и областным властям об обстановке, помогите им в организации самообороны.

Навсегда останется в моей памяти тот октябрьский вечер. Мы сидели с Дмитрием Даниловичем в маленькой затемненной комнате у телефонных аппаратов, напряженно ожидая сообщения с железнодорожной станции. Минуты казались вечностью. Но вот вошел работник отдела военных сообщений и доложил:

— Товарищ генерал! Товарищ комиссар! Прибыл первый эшелон!

— Идем!

На затемненных улицах Мценска в двух шагах ничего не было видно. Лица секли холодные струйки дождя, под ногами хлюпала грязная жижа. Но мы ничего не замечали, торопились к танкистам.

Командира бригады полковника М. Е. Катукова еще не было, он следовал с другими частями. Лелюшенко приказал его заместителю подполковнику П. А. Рябову немедленно направить два отряда танков для разведки сил противника в Орле. Действительно ли, как показали пленные, там остались лишь части 4-й моторизованной дивизии? Один отряд возглавил капитан В. Гусев, второй — старший лейтенант А. Бурда. С ним, с Бурдой, ушел на задание и военком первого танкового батальона старший политрук А. Загудаев.

Так вот силами мотоциклетного полка и полка пограничников, оружейно-технического училища и двух небольших танковых отрядов с десантами автоматчиков (в каждом по восемь машин) 1-й гвардейский стрелковый корпус вступил в бой за Тулу на дальних ее подступах. У него не было возможности начать открытую схватку с врагом, и, чтобы противостоять ему, войска корпуса применяли гибкую маневренную тактику — вели боевую разведку, наносили танковые и артиллерийские удары из засад, устраивали ложные позиции.

Подобная маневренная борьба, мастером которой был генерал Лелюшенко, сыграла большую роль в обеспечении развертывания главных сил корпуса. Приведу один из множества примеров. Подполковник Танасчишин северо-восточнее Орла атаковал противника и огнем из тридцатьчетверки подбил две бронемашину, бронетранспортер и несколько мотоциклов. Кроме того, на поле боя враг оставил немало трупов своих солдат и офицеров.

О первых стычках с гитлеровцами Лелюшенко (я находился рядом с ним) немедленно доложил по телефону в Генеральный штаб, попросил ускорить подход главных сил

корпуса. Маршал Б. М. Шапошников посочувствовал нам и пообещал, что будут предприняты все необходимые меры.

— А пока, голубчики, — сказал он, — держитесь тем, что у вас есть. Держитесь и деритесь!

Мы держались. Эти бои в первых числах октября были своего рода лакмусовой бумажкой, на которой проверялись мужество, стойкость, готовность к самопожертвованию во имя Советской Родины каждого из нас — от генерала Лелюшенко до красноармейца. А еще — дерзость. Именно своей дерзостью отряды капитана Гусева и старшего лейтенанта Бурды ошеломили противника. Тут надобно сказать, что безудержные смелость и отвага Гусева и Бурды сочетались у них с военной хитростью, тонким расчетом. Эти качества и определили характер действий их отрядов.

Из поступивших донесений я узнал, что вечером 5 октября танкисты Гусева скрытно подошли к окраине Орла. Через местных жителей и захваченного «языка» они уточнили расположение боевой техники и живой силы неприятеля.

— А сколько фрицев, сейчас подсчитаем! — сказал Гусев.

Наши бойцы обрушились на врага. Главный удар они нанесли по танкам. Смардно зачудили девятнадцать факелов. В стане противника началась невообразимая паника: восьмерку тридцатьчетверок гитлеровцы приняли, видимо, за целый полк. И до того перепугались и растерялись, что начали стрелять по своим. А гусевцы делали свое дело: расстреливали и давили гусеницами ненавистных оккупантов.

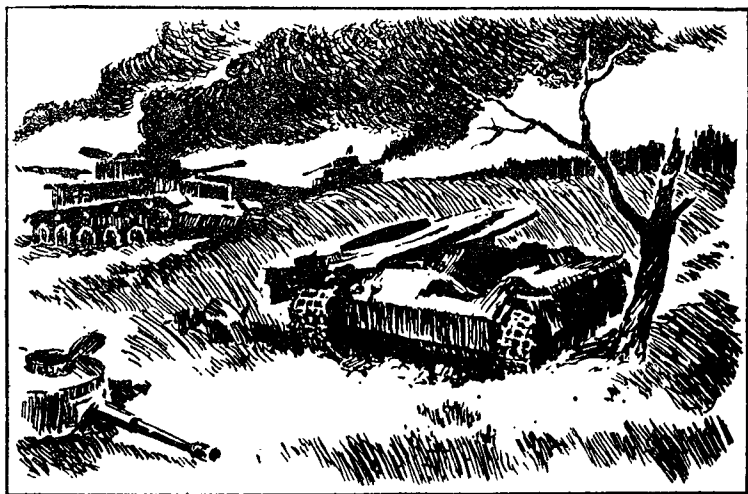
Более двух часов продолжался тот бой. С грозным ревом носились наши танки, устилая улицы трупами фашистских солдат и офицеров. Кроме уже упомянутых девятнадцати немецких танков, наш отряд уничтожил еще восемь орудий, около сотни автомашин и без потерь отошел из города. За его окраиной он встретился с разведгруппой противника. В короткой схватке подбил четыре бронетранспортера, экипаж пятого в полном составе во главе с офицером сдался в плен.

На допросе в штабе корпуса пленные подтвердили данные нашей разведки: их 24-й танковый корпус 2-й танковой армии получил приказ двигаться на Тулу и захватить ее в ближайшие два-три дня.

А теперь об отряде старшего лейтенанта Бурды. В ночь на 5 октября Бурда обходным путем вышел на юго-западную окраину Орла, замаскировался и с рассветом повел наблюдение за противником, разослав в разные концы

разведчиков. Спустя немного времени удалось установить, что здесь действуют части двух танковых и одной моторизованной дивизии гитлеровцев, нацеленных на Тулу.

Потом случилось так, что мы долго не имели сведений об этом отряде. Он оказался в глубоком тылу противника. Терзала мысль: неужели отряд погиб? Было безмерно жаль Александра Бурду, храброго и талантливого командира, старшего политрука Загудаева, добрым словом вспоминали всех славных танкистов. Пожалуй, лишь один человек оставался совершенно спокойным, когда разговор заходил о пропавшем отряде. Это — командир 4-й танковой бригады полковник Михаил Ефимович Катукон. Впоследствии выяснилось: быть спокойным у него имелись веские основания. Но рассказ об этом впереди.

Глава вторая ОРЛОВСКОЕ ШОССЕ

1

Вечером 6 октября я задержался у Лелюшенко допоздна. Собрался было уходить, но услышал:

— Побудь, Константин Леонтьевич, еще немножко. Вот-вот Катукоев подойдет, итог подбивает.

И верно, не прошло и четверти часа, как появился командир 4-й танковой бригады.

— Ждем, ждем, — встретил его Лелюшенко. Нетерпеливо осведомился: — Удался бой? Вы ж словно в той поговорке: с корабля и...

— Понял, товарищ генерал, — живо откликнулся Катукоев. — Из эшелона сразу в бой. Сейчас доложу...

Доклад комбрига оказался весьма впечатляющим. За один день катукоевцы уничтожили сорок три танка, одно крупнокалиберное и шестнадцать противотанковых орудий, несколько минометов, много автомашин. Чувствительный урон понесла и пехота: около пятисот солдат и офицеров потеряли гитлеровцы.

— Совсем неплохо, — выслушав Катукоева, проговорил Лелюшенко. — Даже хорошо! Ну а людей своих назвать можешь? Лучших из лучших?

— Сколько угодно, товарищ генерал! В первую очередь — командир батальона Рафтопулло...

— Рафтопулло? Да, это настоящий герой. Он не позволит себе воевать кое-как. Давай и других.

— Сколько угодно! — улыбнувшись, повторил Катуков. — Комиссар батальона Столярчик — раз, политрук роты Лакомов — два, механик-водитель сержант Соломяников — три...

— И что же конкретно они сделали? — продолжал допытываться Лелюшенко.

— Конкретно, товарищ генерал, вот. Механик-водитель Соломяников, когда были израсходованы все снаряды, таранил фашистский танк и раздавил гусеницами два минометных расчета. Политрук Лакомов незаметно подобрался к пушке, не дававшей нашим бойцам поднять голову, и забросал ее гранатами. Комиссар батальона Столярчик в самый критический момент боя, когда противник предпринял атаку, заменил погибшего командира.

— Отбил атаку?

— Отбил. Хотя враг имел подавляющее превосходство в силах.

Лелюшенко согласно склонил голову: а по-другому, дескать, и быть не могло. Приказал:

— Всех до одного, Михаил Ефимович, представить к награде! И других отличившихся не забыть. Заслужили. — Повернулся ко мне: — Как считаешь, Константин Леонтьевич, заслужили?

— Вполне! — ответил я убежденно.

Лелюшенко энергично шлепнул ладонью по столу:

— Решено единогласно! Да и как же иначе? Сколько танков вражеских уничтожили, пушек раздавили! Это само собой здорово. Ну а главное? Главное — гитлеровцев приостановили. — Лелюшенко вдруг шутливо погрозил пальцем Катукову. — Только, Михаил Ефимович, не забывать. И не думай, что все твои орлы-танкисты сделали. Полк пограничников, мотоциклетный полк тоже бьют гитлеровцев — будь здоров!

Дмитрий Данилович не скрывал своей радости. Свершилось то, чего мы все страстно желали, к чему стремились: движение фашистских войск застопорилось. Мы выиграли время для развертывания главных сил корпуса. Подошла 6-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора К. И. Петрова. Из эшелонов выгрузились 11-я танковая бригада, четыре артиллерийских полка и два дивизиона гвардейских минометов. Кроме того, нашему корпусу были

переданы в оперативное подчинение 41-я кавалерийская дивизия комбрига П. М. Давыдова и части 5-го воздушно-десантного корпуса полковника С. С. Гурьева.

Теперь 1-й гвардейский стрелковый представлял собой внушительную силу. Однако беда была в том, что ни справа, ни слева у нас не имелось соседей. Это усложняло борьбу, заставляло постоянно маневрировать войсками. По опыту Смоленского сражения мы создали боевые группы для прикрытия флангов, часть сил держали в резерве для парирования ударов противника на случай прорыва нашей обороны.

Нельзя не отметить и то, что наш корпус формировался буквально на ходу, в условиях все более напряженных боев и потому не был достаточно сколочен. Правда, части и подразделения действовали смело, мужественно, я бы сказал, самоотверженно, но все же то тут, то там обнаруживались просчеты. Генерал Лелюшенко и я почти все время находились в войсках, обращая особое внимание на укрепление боеспособности, политико-морального состояния личного состава.

На первых порах давала о себе знать и несработанность штаба. Сказывалась поспешность, с какой он комплектовался. Многие его люди не имели боевого опыта. Наиболее плохо обстояло с документацией. Штаб нерегулярно обрабатывал даже такие важнейшие документы, как оперативные и разведывательные сводки, боевые донесения и приказы. Об этих недостатках я поставил в известность командира корпуса. Дмитрий Данилович то ли сердито, то ли насмешливо, этого я хорошенько не понял, возразил:

— Нам, дорогой товарищ комиссар, воевать надо! Гудериана бить и к Туле не пустить, а ты — о бумагах. Вражину бумагой не зашибешь!

— Верно, Дмитрий Данилович, — отвечаю, — бумажкой фашиста не проймешь, хотя смотря по тому, какая она... Только документы есть документы. Они порядок, организованность в дело вносят...

Генерал усмехнулся:

— Решил просветить меня, Константин Леонтьевич, Америку открыть запово? Да не хмурься, не хмурься, твою правду, а я просто пошутил. Выходит, не совсем удачно. Ну, это дело поправимое. Сейчас же прикажу начальнику штаба, чтобы с сегодняшнего дня документы оперативным отделением обрабатывались вовремя, аккуратно, короче — как положено.

Сколачивание соединений и частей корпуса и органов его управления было предметом неукоснительных забот и командного, и политического состава. Комиссары частей, политотдельцы, настойчиво добиваясь непрерывности партийно-политической работы во всех без исключения подразделениях, говорили примерно так:

— Если боец перестанет следить за своей винтовкой, своевременно не почистит ее и не смажет, она заржавеет и может дать осечку. Так и с духовной пищей. Не оставляйте без нее бойца ни на один день.

Пристальное внимание уделяли расстановке партийных и комсомольских сил. Напоминали:

— Настоящий коммунист — всегда вожак. И надо следить, чтобы не получалось по пословице: где густо, а где пусто. Не только в каждом взводе — в каждом отделении должен быть свой вожак.

Тесную связь держали с тружениками тыла корпуса, что давало возможность с очевидной пользой контролировать обеспеченность частей оружием и боеприпасами, горючим и продовольствием, знать, хорошо ли войны обуты и одеты, сытно и вкусно ли накормлены. Но, замечу, помогая хозяйственникам решать вопросы быта, большую часть времени политработники все-таки находились на переднем крае. Здесь, как всегда, их главным и грозным оружием было большевистское слово, неизменно подкрепляемое делом: они первыми поднимались и шли в огонь, увлекая за собой красноармейцев. Именно такими смелыми и решительными политработниками были комиссары 6-й гвардейской стрелковой дивизии И. В. Булатов, 4-й танковой бригады — М. Ф. Бойко, многие их боевые товарищи. А равнение все они держали на начальника политотдела корпуса старшего батальонного комиссара Ивана Михайловича Богданова, человека изумительной отваги и храбрости.

По сей день хорошо помню, как однажды в боевые порядки полка пограничников, оседлавшего Орловское шоссе, вклинились вражеские танки. Создалась угроза выхода противника к Мценску и срыва развертывания главных сил корпуса. Пограничники дрались каждый за двоих, за троих, однако ряды их заметно таяли. В эти трудные минуты сюда прибыл И. М. Богданов. Он собрал группу коммунистов, комсомольцев и призвал:

— Мои боевые друзья! Фашист рвется к Туле. А за Тулой — Москва. Остановим подлых оккупантов! — Богданов вскинул над головой гранату. — За мной, друзья! За мно-о-ой!..

Воины ударили во фланг гитлеровцев. Одна за другой заполыхали две бронированные машины противника. Затем от связок гранат и бутылок с горючей смесью задымили еще две. Враг не выдержал и откатился.

В тот же день я спросил Богданова: почему он так поступил? Иван Михайлович сказал тихо, будто оправдывался:

— Но ведь другого выхода не было. Командира ранило. Кому же, как не комиссару, повести бойцов в атаку...

Навечно сохранится в моей памяти и подвиг инструктора отделения пропаганды старшего политрука Н. П. Власенко. Николай Поликарпович еще в войну с белофиннами был удостоен звания Героя Советского Союза.

Под Мценском батарея гвардейских минометов была отрезана от наших войск и осталась во вражеском тылу. Эти установки являлись совершенно секретным оружием, которое, если не представлялось возможным спасти его, надлежало уничтожить. Таков был строжайший приказ Ставки.

Решили послать на спасение батареи добровольцев десантом на танках. Отправились мы с Богдановым к пограничникам. Выстроили поротно один батальон. Командир первой роты объяснил подчиненным задачу, подчеркнул сложность и опасность ее выполнения и скомандовал:

— Добровольцы, пять шагов вперед шагом — марш!

Вся рота, до единого человека, сделала эти пять шагов! Мы переглянулись с командиром полка подполковником Иняшевым: выходит, задача-то не из простых. Пошли ко второй роте, затем к третьей. Та же картина: воины делали требуемые пять шагов вперед — и позади никого не оставалось. Тогда командир полка с комбатом и ротными сами отобрали пятьдесят человек.

Теперь требовалось назначить командира.

— Кто добровольно возглавит десант?

Первым откликнулся Власенко:

— Разрешите мне!

...С этого задания не вернулись многие. Не вернулся и старший политрук Николай Поликарпович Власенко. Один из десантников, фамилию его не помню, потом рассказывал:

— Высочили мы на скорости к нашим установкам. По ним уже ползают гитлеровцы, галдят, все до винтика осматривают. Как быть? Кругом — враги. Командир десанта принял решение: уничтожить машины вместе с фашистами. Ударили из танковых пушек, а на глазах слезы, ведь свои «катюши» расстреливаем... Но приказ есть приказ. Немцы схватились, сначала застрочили по десанту из пулеметов,

потом повели огонь из орудий. Ну, мы смяли то и другое, потом разбили остатки установок танками и проутюжили обломки...

Десант выполнил свою задачу, но его командир погиб.

2

Юго-западнее Мценска развернулись ожесточенные бои. Особенно за Орловское шоссе, ведущее через Мценск и Тулу на Москву. Противник с каждым днем наращивал удары, бросая в бой 3-ю и 4-ю танковые дивизии, мотопехоту. Не буду в хронологической последовательности описывать все события. Расскажу лишь о некоторых накрепко запомнившихся лично мне эпизодах.

С утра 7 октября фашисты ввели в бой новые силы. Примерно около одиннадцати часов корпусная разведка доложила, что параллельно шоссе в трех километрах от поселка Первый Воин движется вражеская колонна — более восьмидесяти танков с мотопехотой и артиллерией. Вскоре над позициями нашей обороны появилось десятка четыре «юнкерсов». Земля содрогнулась от разрывов бомб. Не успели улететь «юнкерсы», как гитлеровцы открыли сильный артиллерийский огонь, а спустя двадцать пять — тридцать минут начали атаку. Наступление вели около пятидесяти танков с пехотой. Это был первый эшелон. За ним следовал второй — свыше тридцати бронемашин.

Лелюшенко и я находились на наблюдательном пункте корпуса и даже невооруженным глазом хорошо видели, как танки и мотопехота противника вгрызаются в нашу оборону. Спасибо авиаторам — краснозвездные штурмовики подоспели на помощь наземным войскам, обрушили на фашистов бомбы и реактивные снаряды. Одновременно повела сильный заградительный огонь гаубичная артиллерия. Вступили в дело противотанковые орудия — били прямой наводкой. Было сожжено двадцать девять танков, уничтожено до полка пехоты. Но враг, не считаясь с потерями, продолжал врываться к Мценску.

Обстановка все усложнялась. Казалось, уже ничто не остановит противника и он прорвет нашу оборону. И вот в этот драматический момент в тылу немцев вдруг ударили пушки, застрекотали пулеметы. На поле боя на полной скорости выскочило несколько тридцатьчетверок и тяжелых КВ.

— Откуда быть там нашим танкам? — удивленно посмотрел на меня Лелюшенко. Наверное, он подумал, что это я без его ведома, чего, разумеется, быть не могло, послал танкистов в тыл гитлеровцам. Но я был удивлен появлением тридцатьчетверок и КВ ничуть не меньше, чем командир корпуса.

— Не знаю, Дмитрий Данилович, надо выяснить...

Между тем дерзкий и стремительный удар танкистов по боевым порядкам с тыла ошеломил фашистов. Их замешательством мгновенно воспользовались наши обороняющиеся подразделения. Они рванулись в контратаку, огнем из всех видов оружия уничтожая врага.

— Ура-а-а! — неслось по рядам воинов 201-й воздушно-десантной бригады.

— Ура-а-а! Ура-а-а! — вторили им пограничники подполковника И. И. Шияшева.

В итоге этого боя противник потерял пятьдесят четыре танка, тридцать пять орудий, много живой силы. Обескровленный, морально подавленный, он отошел на исходные позиции.

Кто же сыграл решающую роль в достижении успеха? Разведывательный отряд старшего лейтенанта Бурды!

Выяснились довольно любопытные подробности действий наших танкистов. Двое суток маневрировали они в стане врага, уничтожая его живую силу и технику, и гитлеровцы ничего не могли поделать со смельчаками. Тогда в помощь своим пехотинцам и артиллеристам фашисты направили танки. Но и это им успеха не принесло. Искусно перемещаясь, Бурда навел танки противника на засаду, которую возглавлял старший политрук Загурдаев. Тот скремандовал:

— Огонь!

Грохнули выстрелы. Вражеские машины попятились, но не все: некоторые, объятые пламенем, застыли на месте.

7 октября, когда на Орловском шоссе разгорелся бой, отряд Бурды ринулся на его гул и подоспел как раз вовремя. Он уничтожал гитлеровцев огнем и гусеницами. Особенно отличился наводчик орудия И. Т. Любушкин из экипажа лейтенанта С. Кукарина. От его меткого огня сгорело шесть фашистских танков. За высокое мужество и боевое мастерство Иван Тимофеевич Любушкин удостоился звания Героя Советского Союза. Лейтенант Кукарин, механик-водитель Федотов и радист Дуванов были награждены орденами.

На следующий день противник возобновил атаки. Ге-

роически билась с врагом рота десантников во главе со своим командиром лейтенантом Н. В. Бондаревым. Огнем двух орудий, связками ручных гранат и бутылками с горючей смесью воины уничтожили 15 бронированных машин и не один десяток солдат и офицеров. Когда же из строя вышли орудия, десантники продолжали сражаться с танкистами одними лишь гранатами и бутылками с горючей смесью. Богатыри погибли, но не пропустили врага.

Боевые действия ожесточались. Чернели сожженные танки с крестами на броне. Валялись раздавленные пулеметы, искореженные пушки, трупы автоматчиков. По всему полю расплзались клубы жирного дыма. Мрачную картину кровопролитной схватки довершала разыгравшаяся непогода. Небо застилала сизые тучи. Без конца лил холодный дождь. Свинцом отливали лужи. В окопах было сыро, под ногами хлюпала грязь.

8 октября противник перешел в очередное наступление большими силами. Однако и на этот раз его попытка добиться успеха разбилась о стойкость гвардейцев. С наблюдательного пункта было хорошо видно, как разворачивались для атаки фашистские танки и мотопехота. Вот они лавиной двинулись на нашу оборону, и тут же напоролась на массированный артиллерийский огонь. В разных местах вспыхнули факелами подожженные боевые машины. Будто споткнувшись о невидимое препятствие, танки останавливались с разбитыми гусеницами, снесенными башнями, пробитыми бортами. Залегла и пехота, не выдержав губительного огня наших стрелков.

Любопытное свидетельство о боях тех дней оставил в своих воспоминаниях Гудериан. Разумеется, не в его интересах было говорить правду, тем не менее он оказался вынужденным признать не только мужество и стойкость наших воинов, но и всевозраставшее их мастерство. Гудериан писал: «Особенно неутешительными были полученные нами донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике. Наши противотанковые средства того времени могли успешно действовать против танков Т-34 только при особо благоприятных условиях. Например, наш танк Т-IV со своей короткоствольной 75-мм пушкой имел возможность уничтожить танк Т-34 только с тыльной стороны, поражая его мотор через жалюзи. Для этого требовалось большое искусство <...> Потери русских были значительно меньше наших потерь»¹.

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954. С. 224, 225.

Бои 8 октября еще продолжались, когда на наше НП сообщили, что, следуя проездом в Москву, в Мценск прибыл член Военного совета фронта П. К. Пономаренко. Генерал Лелюшенко отдал необходимые распоряжения по ведению боевых действий, и мы вместе с ним на вездеходе выехали в город.

— Рад вас видеть, — радушно произнес Пантелеймон Кондратьевич, встретив нас, и попросил дать подробную информацию: как воюем, как живем, каково настроение бойцов и командиров, что нас особенно волнует и беспокоит. Мы не скрыли наших опасений по поводу того, что корпус сражается с открытыми флангами. А что касается морального духа личного состава, то он высок. И привели пример, рассказали об отваге и мастерстве разведывательных отрядов капитана Гусева и старшего лейтенанта Бурды.

— Такие орлы! Едва не взяли Орел, — улыбаясь, скаламбурил Пономаренко. Затем, снова став серьезным, спросил: — А вы не задумывались над тем, что, возможно, войска корпуса действительно могли взять Орел?

— Нет, для этого у нас не было сил, — твердо ответил Лелюшенко. — А если бы и взяли город, то немцы обошли бы нас, и наши войска оказались бы в капкане. Тогда Гудериану была бы открыта прямая дорога на Тулу и в обход Москвы. А теперь, Пантелеймон Кондратьевич, мы держим его под Мценском, навязываем бой в невыгодных для фашистов условиях, изматываем врага.

Пономаренко согласился с этими доводами. Прощаясь с нами, обещал обстоятельно обо всем доложить Верховному Главнокомандующему.

— Учтите, товарищ Сталин очень рассчитывает на вас, гвардейцев. Он просил передать это вам лично, я только что разговаривал с ним по прямому проводу. И он же поручил мне ознакомиться с ходом боевых действий вашего корпуса.

Мы заверили, что сделаем все, чтобы оправдать оказанное доверие.

3

Десять дней соединения и части 1-го гвардейского корпуса прочно удерживали Орловское шоссе. Но совершилось то, чего мы больше всего опасались: гитлеровцы все же обошли наш открытый левый фланг и ворвались в Мценск. К этому времени из города были уже эвакуированы государственные ценности, промышленные предприятия, вывезен хлеб с элеватора.

Особенно жаркими схватками отличалась 9 и 10 октября борьба за единственную переправу через реку Зушу, захваченную противником. Воины 6-й гвардейской стрелковой дивизии и пограничного полка дважды выбивали его с моста, но враг наращивал силы, вводил в бой танки и оттеснял наших. И тогда в самый критический момент контратаку гвардейцев возглавил комиссар дивизии полковой комиссар И. В. Булатов. В рукопашной схватке фашисты снова были отброшены. Однако спустя некоторое время ценой больших потерь им все же удалось закрепить за собой переправу.

Между тем из-за обильных дождей обычно тихая и неширокая Зуша буквально на наших глазах взбухала, превращалась в серьезную водную преграду и стала недоступной для форсирования ее вброд. Так что с потерей моста создавалась крайне тяжелая обстановка для наших войск, в первую очередь для 4-й танковой и 201-й воздушно-десантной бригад, а также полка пограничников. Они оказались в полуокружении, и их надо было выводить из-под яростных ударов гитлеровцев.

У нас оставалась единственная возможность — отвести войска и боевую технику по мценскому железнодорожному мосту. Для их прикрытия и обороны подступов к мосту выделили танковую роту старшего лейтенанта Бурды, а также отряд пограничников с четырьмя орудиями.

Отход частей совершался под непрерывным обстрелом противника. Тяжело стонала земля, в воздухе стоял непрерывный грохот и гул от разрывов снарядов и рева танков. Какими следовало обладать стойкостью и бесстрашием, чтобы в этих-то условиях сохранять выдержку и спокойствие, наносить ответные удары по противнику! Гвардейцы выдержали, внесли достойный вклад в оборону Тулы на дальних ее подступах. Замечательный подвиг совершил механик-водитель комсомолец Николай Семенчук. Когда загорелся танк, он не покинул его, а продолжал огнем и гусеницами крушить фашистскую нечисть. Шесть вражеских машин подбил лейтенант Лавриненко, четыре — политрук роты Иван Лакомов. Завидную твердость, организованность, распорядительность продемонстрировали пограничники во главе с начальником штаба полка капитаном Владимиром Анцуповым. При прохождении войск по железнодорожному мосту они обеспечили четкую комендантскую службу.

Блестяще справилась с поставленной ей пележкой задачей танковая рота старшего лейтенанта Бурды — отразила все атаки гитлеровцев. Настала пора и ее отхода на восточ-

ный берег. Однако командир повел подразделение в контратаку. В короткой схватке герои уничтожили шесть немецких танков, шесть орудий, до батальона пехоты и лишь после этого, перескочив через мост, присоединились к своей бригаде.

Мы закрепились по восточному берегу Зуши и несколько дней сдерживали противника, а затем контратаками выбили его из Мценска.

4

В конце первой половины октября генерала Лелюшенко отозвали в Москву. Он назначался командующим 5-й армией, находившейся на Можайской линии. Ставка руководствовалась при этом, конечно, соображениями организации и усиления обороны непосредственно столицы на главном направлении наступления противника. Хочу лишь заметить, что всякая смена командования в сложной боевой обстановке создает дополнительные трудности, это, конечно, ясно каждому.

С большим сожалением, как не столь уж давно расставались с Лукиным и Рокоссовским, прощались мы теперь с Дмитрием Даниловичем. Считанные недели возглавлял он гвардейский корпус, но успел завоевать прочный авторитет и уважение, оставил добрый след в сердцах тех, кто работал с ним. На вид он был вроде простоват, медлительен, однако нес в себе огромный заряд энергии, обладал живым, острым умом. В жестоких сражениях он сумел сколотить корпус в крепкий боевой организм и противопоставить его сильному, опасному врагу. Застопорив движение гудермановских танков и мотопехоты на Орловском шоссе, Лелюшенко повел бои в невыгодных для фашистов условиях.

Человек гибкого и глубокого военного мышления, Дмитрий Данилович постоянно заботился о бойцах, очень уважительно относился к командирам и политработникам. В любой, говорил он, даже блестяще спланированной и подготовленной, операции успех зависит прежде всего от их инициативы, находчивости, разумной храбрости и решительности. В конечном счете они организаторы и творцы победы. В этих словах — весь генерал Лелюшенко, его командирская суть и «секрет» ратных достижений, которые сопутствовали ему. Нравился он мне и за уравновешенный, незлобивый характер, а еще — за неиссякаемое чувство юмора, о чем свидетельствует такой вот эпизод.

Как-то задержался я у артиллеристов. Вернулся поздно ночью. Квартировали мы с командиром корпуса в небольшом двухкомнатном домике в Мценске. Генерала я застал все еще бодрствующим: он старательно приводил в порядок свой танкистский комбинезон.

— Что-то, Дмитрий Данилович, прихорашиваешься, — говорю, — уж не в гости ли собрался?

Лелюшенко строго этак посмотрел на меня, проговорил, продолжая свое занятие:

— Какое «в гости»! Танкисты не хотели в свой штаб пускать!

— Как понять? — удивился я. — Самого хозяина и не пустить?

— А вот так. Направился к Катухову, а часовой, здоровяк такой, красивый парень, меня за рукав: «Куда прешься?» Объяснил ему, мол, генерал я, командир корпуса, а часовой — свое: — «Какой ты генерал, когда, как и мы, в затрапезном комбинезоне, да и на своих двоих топаешь, а не на машине». Пришлось документы показать, только тогда и пропустил.

— А дальше, Дмитрий Данилович? Отчитал часового за непочтение к генералу?

— За что? — живо возразил Лелюшенко. — За такую службу надо поощрять бойцов. Этаким хлопец — орел! Ни в какой обстановке не растеряется. Так что мой опыт все же учти. А сейчас — ужинать. Тебя ждал.

Мы умылись, сели за стол. Потирая руки, Дмитрий Данилович сообщил заговорщицки:

— Царская еда нынче у нас, Константин Леонтьевич. Хозяйка подарила нам с тобой целого гуся. Чуешь?

На первое был суп с лапшой. Мы быстро с ним управились. Лелюшенко вызвал ординарца.

— Подавай-ка гуся, Петро!

Тот вскинул руку под козырек:

— Есть, подавать!

И, лихо повернувшись, вышел. В ожидании жареного гуся генерал мечтал:

— Птицу-то с яблоками или с гречкой в печке запечь — объедаешь! Люблю коричневые корочки...

А ординарец все не появлялся. Лелюшенко беспокожно посмотрел на дверь, позвал его снова.

— Ты чего там застрял! Подавай же гуся!

— Есть, подавать гуся! — опять, появившись, лихо козырнул ординарец и скрылся за дверью.

Мы томились в ожидании. Не выдержав, Дмитрий Данилович сердито крикнул Петру, чтобы немедленно подавал второе блюдо. Тогда ординарец внес большую сковороду. На ней сиротливо лежала наполовину обглоданная ножка. Дмитрий Данилович ковырнул ее вилкой, удивленно спросил:

— Щось це такое?

— Гусь, товарищ генерал! — не моргнув глазом, отчеканил ординарец.

— Иде ж гусь?

— На сковородке, товарищ генерал!

— Такой махонький?

— Был большой, да ужарился...

— Как — ужарился?

— Водители скушали... Не знали, что гусь приготовлен для товарища генерала...

Дмитрий Данилович покрутил головой, сказал задумчиво:

— Должно быть, высокого качества была птица...

И вот Лелюшенко уезжал от нас к новому месту службы. Командиром корпуса был назначен его заместитель генерал-майор Алексей Васильевич Куркин. И сразу же мы получили директиву Ставки о развертывании корпуса в 26-ю армию. Но сменилось только название, а войск не прибавилось. Более того, от нас отозвали части воздушно-десантного корпуса, 36-й мотоциклетный полк и два дивизиона гвардейских минометов. Дня через два ушла своим ходом под Волоколамск 4-я танковая бригада, ставшая, к слову сказать, 10 октября гвардейской.

Уход из армии этих ударных сил очень ослабил нашу оборону. Между тем противник парализовал удары. Нам стало известно, что левее его 24-го танкового корпуса обозначились войска 47-го танкового корпуса. Нажим на нас значительно возрос, назревала реальная угроза прорыва гитлеровцев к Туле.

О создавшейся обстановке и неотложных мерах по защите города Военный совет армии доложил 21 октября командованию фронта и Генеральному штабу. В тот же день меня и генерала А. В. Куркина вызвали для переговоров с Москвой по прямому проводу. К аппарату ВЧ подошел маршал Б. М. Шапошников. Он спросил:

— Почему вы предлагаете немедленно принять меры к обороне Тулы? Ведь фронт от города еще далеко.

— Сегодня далеко, товарищ маршал, — сказал Куркин, — а завтра может быть близко.

Мы подробно уточнили обстановку. Борис Михайлович, выслушав, приказал:

— Обо всем, что вы мне сообщили, доложите письменно товарищу Сталину.

Мы вернулись в штаб и засели за донесение. Написали обо всем детально, не скрывая нашей тревоги.

А танковые и моторизованные дивизии врага нажимали все сильнее. И хотя наши поредевшие войска сражались героически, тем не менее пришлось вновь оставить Мценск.

Вечером 23 октября через штаб фронта была получена директива Верховного Главнокомандующего. Соединения 26-й армии вливались в состав 50-й, которая выходила из окружения. Той же директивой командующим 50-й армией назначался генерал-майор Аркадий Николаевич Ермаков, начальником штаба — полковник Николай Емельянович Аргунов. Я был назначен членом Военного совета.

Понятно, нам хотелось знать: что же случилось с командующим, членом Военного совета, другими командирами и политработниками 50-й, где они находятся, как сложилась их судьба? Ничего об этом, к сожалению, услышать тогда не удалось. Лишь спустя некоторое время стало известно: армия понесла большие невосполнимые потери. Многие и многие погибли, сам командующий генерал М. П. Петров был тяжело ранен. Эвакуировать командарма вместе с прорывавшимися из окружения войсками оказалось невозможно, поэтому под наблюдением врача и медицинской сестры его оставили в деревне Голынка Карачевского района в семье колхозницы Повокрещеновой. Через несколько дней Петрова перенесли в лесную сторожку, где в середине ноября он, к огромному сожалению, скончался от гангрены.

Итак, в моей военной биографии произошел еще один крутой поворот: я стал членом Военного совета 50-й армии, на командование которой, а следовательно и на меня, возлагалась ответственность за оборону Тулы. Туда же надлежало и переместить штаб. Оставив под Мценском оперативную группу командиров во главе с генерал-майором В. А. Визжилиным, мы поспешили в Тулу. Надо было срочно выяснить, какие воинские части там имеются, а также уточнить возможности местных организаций по оказанию помощи войскам.

Каждый из нас сознавал, сколь сложны задачи, возложенные на 50-ю. Требовались огромные усилия всех служб, чтобы в короткое время слить войска двух армий в единый боевой коллектив, способный отразить остервенелые удары

гитлеровцев, что, кстати, до этого успешно делали 1-й гвардейский стрелковый корпус и 26-я армия. Три недели сковывали они противника, способствовали выходу 50-й из окружения, дали возможность партийным, советским и хозяйственным органам Мценска, а также Чернского, Плавского, Тепло-Огаревского и Щекинского районов эвакуировать на восток много людей и народного добра. И еще: выигранное время было использовано для формирования партизанских отрядов, создания подпольных партийных органов и разведывательно-диверсионных групп для борьбы в тылу врага.

Теперь нам предстояло решать новые, очень трудные и ответственные задачи.

Глава третья ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

1

Что я знал о Туле до этого? Совсем немного. То, что почерпнул из книг. Город на реке Упа. В промышленных заведениях, главным образом кустарных, до революции насчитывалось 62 тысячи рабочих. Производство самоваров, замков, ружей. Да еще пряников... Знал также, что «туляки — стальная душа», как метко и верно окрестили их в народе, права они отчаянного, смелого.

Неузнаваемо изменилась Тула за годы Советской власти. К 1941 году она превратилась в крупный промышленный и культурный центр Российской Федерации. Здесь действовали уже десятки солидных предприятий машиностроения и металлообработки, Новотульский металлургический комбинат. Железнодорожный узел имел пять направлений. Были тут два вуза, десяток техникумов, два научно-исследовательских института, театры, дома культуры, музеи...

В октябре сорок первого, когда огненный вал войны устремился к Туле, я увидел ее настороженной, суровой, деловой. Число жителей резко сократилось. Многие сражались на фронтах, многие уехали в глубь страны со своими заводами, фабриками и ковали оружие для Красной Армии. А те, кто оставался на местах, трудились на еще действовавших

предприятиях, сооружали оборонительные рубежи на дальних подступах к городу, вступали в истребительные и ополченские формирования. Невзирая на возраст, от мала до велика, учились стрелять, бросать по целям гранаты и бутылки с горючей смесью, уничтожали диверсионные группы, забрасываемые противником.

Такой и осталась в моей памяти Тула тех огненных дней. Проверая организацию обороны, я изъездил и исходил, кажется, все ее улицы и переулки.

Много лет спустя после войны, весной 1978 года, я навещал Тулу и не узнал ее. Современные высокие здания тянутся к небу. Благоустроенные жилые кварталы, просторные площади в зелени лип и берез, кленов и акаций. От фронтовых оборонительных сооружений, разумеется, и следа не осталось. Но вот в глубине двора по улице Октябрьской вижу небольшой деревянный дом. Тут находился тогда штаб нашей 50-й армии. Вот драматический театр на проспекте Ленина. В нем было проведено собрание городского партийного актива, на котором присутствовало около тысячи коммунистов. Оно призвало: «Все на защиту Тулы!» А вот мемориальная доска на спортивном манеже. На ней написано, что здесь в октябре — декабре 1941 года проходил передний край обороны города Тулы, где были остановлены и разгромлены гитлеровские полчища.

Передний край обороны, огненные рубежи сорок первого... Теперь тут выросли новые дома, протянулись проспекты и улицы. Они захватили Косую Гору, что была в четырех километрах от Тулы, приблизились к Осиновой Горе, слились с поселком Рогожинским, устремились в сторону Ясной Поляны.

Бродил я по местам прежних фронтовых рубежей, и в памяти вновь и вновь оживали те осенние военные дни — холодные, туманные, дождливые. В ту пору сошлись мы на этих рубежах лицом к лицу с немецко-фашистскими захватчиками.

Что говорить, противник был силен. По числу войск, сосредоточенных на тульском направлении, он превосходил нашу 50-ю армию более чем в 2 раза, по артиллерии имел тройное превосходство, а по танкам — в 10 раз. Его авиация господствовала в воздухе.

И все же, несмотря на огромное численное и техническое превосходство врага, советские воины крепко били его. Вот тому убедительное доказательство. К Туле противник подошел с шестьюстами танками¹. Они были собраны в груп-

¹ См.: Болдин И. В. Страницы жизни. М., 1961. С. 156.

пу и во главе с полковником Эбербахом двинулись на город, чтобы взять его с ходу. И что же? Гитлеровцы потерпели жестокое поражение, потеряв множество машин. Именно тогда «танковый бог» фашистской Германии Гудериан писал: «...наше дело находится в бедственном состоянии, ибо противник выигрывает время, а мы со своими планами находимся перед неизбежностью ведения боевых действий в зимних условиях. Поэтому настроение у меня очень грустное»¹. Но если уж генерал пришел в отчаяние, то что остается сказать о солдатах? Постепенно рассеивался шовинистический угар, они все больше трезвели. Солдаты, конечно, продолжали драться, но уже без былой спеси. Их наступательный порыв подстегивался теперь ожесточенными окриками офицеров, а нередко и пулями гестаповцев.

Не забыть мне тех дней, не изгладятся они, уверен, и из памяти туляков, которые плечом к плечу стояли с воинами и тоже грудью встретили таранный удар вражеской армады. Работая с Военным советом 50-й армии в одной, образно говоря, упряжке, областной и городской комитеты партии, исполкомы областного и городского Советов депутатов трудящихся, городской комитет обороны, созданный 22 октября, делали все зависящее от них, чтобы превратить Тулу в единый военный лагерь. Чем сложнее и опаснее складывалась обстановка на фронте, тем с большим напряжением трудились жители города. С оружейного завода в соединения и части поступали пистолеты ТТ, автоматы, противотанковые ружья, с патронного — боеприпасы, с фабрик — различное снаряжение. А ведь на этих, как и на других предприятиях, в том числе на шахтах и рудниках, работали в основном женщины, подростки, люди пенсионного возраста. Они заменили у станков отцов и старших братьев, мужей и сыновей, ушедших на передовую. Так, Миланда Шевчук, проводив на фронт мужа, за короткий срок овладела профессией помощника машиниста паровоза. Домашние хозяйки Мария Петрухина, Серафима Кошелева пришли на машиностроительный завод и стали фрезеровщицами. Тысячи девушек строили оборонительные рубежи, овладевали санитарным делом.

Осенью сорок первого, выкроив хотя бы часок времени, я старался побывать на каком-либо заводе, чаще на оружейном и патронном, чтобы поговорить с его тружениками о нуждах наших войск, о том, как много значит для защиты

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата, С. 236.

Тулы каждый произведенный карабин, каждая граната. Об этом же убедительно и красноречиво напоминали развешанные по городу плакаты. Один из них, стоит лишь закрыть глаза, видится и сейчас. Находился он у сквера Коммунаров, напротив трамвайной остановки. На нем был изображен кузнец у раскаленного горна. В мускулистых руках молот, на наковальне — заготовка. Справа крупными буквами выведены призывные строки Владимира Маяковского:

Республика,
с тобой грозят
расправиться жестоко!
Работай так,
чтобы каждый потом вымок..
Крепите оборону,
инженер и токарь.
Крепи, шахтер,
газетчик,
врач,
и химик!

Другой плакат, тоже навсегда врезавшийся в память, висел на углу улиц Гоголевской и Коммунаров (ныне проспект Ленина). Красноармеец в каске и с винтовкой с примкнутым штыком спрашивал: «Ты чем помог фронту?» И каждый, кто проходил мимо — боец ли 50-й армии или потомственный туляк-рабочий, — имел моральное право с чистой совестью ответить на этот вопрос:

— Помогаю всем, чем могу.

2

Командование нашей армии было достаточно осведомлено о готовившемся широком наступлении гитлеровских войск на южном крыле московского направления. В приказе командующего 2-й танковой армией генерала Гудериана, например, говорилось, что главными ее задачами является быстрый прорыв от Мценска через Тулу и через переправы на реке Оке между Рязанью и Серпуховом, захват важных промышленных районов с городами Сталиногорском, Новомосковском, Тулой и Каширой, а затем обход Москвы с юго-востока с замыканием кольца на востоке. Прорыв через Тулу к Кашире и Серпухову должен был осуществлять усиленный 24-й танковый корпус. 47-му танковому корпусу предстояло сосредоточиться севернее и юго-западнее Карачева, после чего захватить Коломну и создать предместные позиции за Москвой-рекой.

Тула готовилась к обороне. 16 октября состоялось собрание партийного актива города. Повестка дня: «Текущий момент и задачи партийной организации». Не сомневаюсь, те, кому довелось участвовать в этом собрании, а были на нем партийные, советские и комсомольские работники, коммунисты с заводов и фабрик, представители воинских частей, помнят его отчетливо, ибо проходило оно, когда над Тулой нависла серьезнейшая опасность: в юго-западном направлении боевые действия развертывались уже в 70—80 километрах от города, а в западном и того ближе. Немецко-фашистские войска ворвались в Калинин, захватили Малоярославец, Можайск, Волоколамск... Короче, обстановка напряженная, грозная, тут и растеряться можно. Но этого не было, было другое: твердость, решительность, непреклонное стремление каждого, независимо от занимаемой должности, возраста и состояния здоровья, любой ценой остановить врага, немедленно вступить в бой.

— Я уже попрощался с дочуркой, — негромко говорил своей пожилой собеседнице человек в военной форме, но без знаков различия. — Прямо отсюда — на передовую...

Вот эта готовность незамедлительно подняться и заслонить родной город, подступы к родной столице убедительно прозвучала в решении собрания партактива. Оно потребовало от каждого коммуниста и комсомольца, способного носить оружие, встать в ряды бойцов и плечом к плечу с ними оборонять Тулу, защищать нашу свободу и честь, жизнь наших семей.

Перед командованием 50-й армии стояли две конкретные задачи: во-первых, в кратчайший срок собрать и сосредоточить силы и средства и, во-вторых, с помощью населения создать надежные оборонительные рубежи. Все это следовало сделать в самые сжатые сроки, до выхода врага к городу. Последнее диктовало необходимость по возможности вообще не допустить врага к Туле, сдерживать и изматывать его на промежуточных оборонительных рубежах. На решение этих задач и были направлены усилия командования армии, ее Военного совета.

К утру 24 октября штаб 50-й прибыл в Тулу. Исполнявший обязанности командарма генерал А. В. Куркин и я (Ермакова, возглавлявшего оперативную группу Брянского фронта, в 50-й еще не было) направились в обком партии. Состоялось первое заседание Военного совета армии с участием В. Г. Жаворонкова и председателя облисполкома Н. И. Чмутова. Был рассмотрен план обороны города, подготовленный штабом армии. Что предусматривалось в нем?

Первое. Разделить Тулу на сектора с тремя линиями обороны. Первая должна была проходить в двух-трех километрах от города, вторая — непосредственно у стен Тулы, прикрывая ее с юга, юго-запада и юго-востока. Третья линия намечалась в самом городе в виде баррикад, противотанковых рвов, надолбов, ежей из рельсов непосредственно на улицах и площадях. Второе. Всех жителей обоего пола в возрасте от 17 до 50 лет мобилизовать на оборонительные работы и немедленно приступить к ним вместе с войсками. Третье. Начальнику гарнизона полковнику С. А. Иванову (командиру 108-й танковой дивизии) принять экстренные меры к строительству фортификационных сооружений и системы инженерных заграждений. Четвертое. Начальнику артиллерии армии полковнику К. Н. Леселидзе подтянуть и сосредоточить на оборонительных рубежах все имеющиеся в его распоряжении орудия. Пятое. Все воинские формирования, находившиеся как в городе, так и в его окрестностях, оперативно подчинить командованию 50-й армии. Само собою, в плане имелся пункт и о политическом обеспечении войск. В связи с приближением 24-й годовщины Великого Октября предписывалось во всех частях и подразделениях провести лекции, доклады, беседы, партийные и комсомольские собрания, организовать встречи со старыми большевиками, участниками революции и гражданской войны.

Доклад по плану обороны сделал А. В. Куркин. Он говорил спокойно, неторопливо и деловито, обдумывая каждое слово, прежде чем произнести его. Генерал ничего не скрывал, и некоторые участники совещания оказались не готовы к такому откровению. Когда Алексей Васильевич закончил доклад, последовали реплики-вопросы:

— Не слишком ли все сгущено?

— Может, не так страшен черт?..

— Как велика действительная опасность для города?

Куркин окинул участников заседания внимательным взглядом и, может быть, чуть резче, чем следовало, ответил:

— На Тулу идет со своими танками Гудериан! И падо понимать, опасно это или нет!

При обсуждении плана главное внимание было обращено на укрепление обороны города. Штаб городской обороны, который в то время руководил командир 238-й стрелковой дивизии полковник Г. П. Коротков, еще 14 октября издал приказ о строительстве заградительных сооружений. К сожалению, военно-инженерные работы не были развернуты

в должной степени, поэтому приходилось в срочном порядке их форсировать.

Предложенный Военным советом план был одобрен и принят для исполнения. Тут же после заседания генерал Куркин и я подписали первый боевой приказ об организации обороны Тулы. Так с утра 24 октября директива Ставки стала претворяться в жизнь.

Решающие дни борьбы за Тулу начались в крайне неблагоприятной для нас обстановке. Ослабленные соединения бывшей 26-й армии сражались на рубежах севернее Мценска против усиленного 24-го танкового корпуса противника. Впрочем, теперь мы уже отвечали и за действия 50-й армии, хотя еще и не видели ее войск, выходявших из окружения. Этот выход давался ценою большой крови, армия несла серьезные потери. Уцелевшие соединения и части нужно было срочно собрать, пополнить личным составом, довооружить и сосредоточить на подступах к Туле и ее дальних оборонительных рубежах.

Вечером 24 октября я вместе с А. В. Куркиным выехал на автодрезине на станцию Арсеньево. Там находилась оперативная группа, которая руководила войсками при выходе их из окружения.

Быстро темнело. Моросил мелкий дождь. Видимость плохая, а в таких условиях двигаться трудно и опасно. Поезда по ветке Тула — Арсеньево уже не ходили, железнодорожная служба не работала. Во мраке можно было нарваться на любую неожиданность, но водитель был опытный и осторожно, на сниженной скорости, уверенно вел дрезину.

— Побыстреей никак нельзя? — поочередно спрашивали мы водителя, отлично зная, что, конечно же, нельзя. Однако как было не спрашивать? Враг рвался к Туле, и мы очень торопились ввести в дело силы 50-й армии.

Рано утром прибыли на станцию. Нас встретил полковник Н. Е. Аргунов. До назначения на должность начальника штаба армии Николай Емельянович возглавлял оперативный отдел штаба Брянского фронта. 30 сентября, то есть в день начала оборонительной битвы под Москвой, он оказался в войсках 50-й армии, да так и остался с нею. И вот сейчас Аргунов сообщил нам скорбную весть: командующий армией Герой Советского Союза генерал-майор М. П. Петров очень тяжело ранен, член Военного совета армии бригадный комиссар Н. А. Шляпин, многие другие командиры и политработники погибли. Аргунову пришлось возглавить штаб армии при выходе ее из окружения.

— Спасибо начальнику артиллерии полковнику Леселидзе, — говорил нам Николай Емельянович. — Без его пушек пришлось бы очень и очень туго. Сколько раз меткими залпами останавливал наседавших фашистов! Прямой наводкой бил, в упор. Замечательный человек Константин Николаевич! Деловитый, энергичный, инициативный.

Собственно, на этих двух полковников и легла нелегкая задача вывода войск из вражеского окружения. Поскольку командование Брянского фронта потеряло связь с 50-й, Аргунову и Леселидзе приходилось действовать самостоятельно. И они предприняли все, что было в человеческих силах, для прорыва частей с минимальными потерями. Прорвались!

— За горло пытается взять нас фашист, — со сдержанной яростью проговорил Аргунов, — за горло!

Куркин угрюмо согласился:

— Верно, пытается. Только, — показал стиснутый кулак, — вот ему! Как ни тяжело, но дышать становится все-таки полегче.

Он имел в виду, что к Туле спешно подтягивались соединения нашей армии. Подошла вырвавшаяся из окружения 290-я стрелковая дивизия, на подходе была 31-я кавалерийская, которая сосредоточивалась в районе Косой Горы. В город направлялись форсированным маршем также 154-я и 173-я, 258-я и 299-я стрелковые дивизии. В боевом приказе по 50-й армии указывалось, что на эти соединения возлагается ответственная задача по обороне Тулы на ее подступах. Поэтому они должны занять указанные им районы обороны и развернуть строительство оборонительных сооружений.

Ввиду того что обозначились удары армейских корпусов противника с запада и северо-запада, на рубеж Павшино, Бредихино по реке Упа выдвигалась 194-я стрелковая дивизия, усиленная дивизионом корпусного артиллерийского полка. На южное и юго-западное направления подтягивались 217-я и 279-я стрелковые дивизии с 58-м запасным полком. Всем этим соединениям придавались противотанковые средства. Кроме того, полковник Леселидзе сосредоточил на подступах к Туле и в самом городе армейские артиллерийские части. Вместе с начальником инженерных войск майором И. В. Васильевым он взялся и за организацию противотанковой обороны.

Да, прав был генерал Куркин. Теперь нам дышалось полегче. И у нас появилась возможность еще энергичнее и целеустремленнее, с еще большим размахом вести в войсках партийно-политическую работу. А иначе было нельзя. Ар-

Минуты считанные дни назад вырвалась из окружения, где приходилось порою сутками не есть, не спать, часто, не имея поддержки танков и артиллерии, отбивать со всех сторон нападавших гитлеровцев гранатами, прикладом, штыком. Это было очень трудное, очень суровое испытание, и надо глядеть правде в глаза, не все выдерживали его. Вернуть им твердую веру в конечную победу над врагом, убедить, что фактор внезапности уже иссяк, он не работает больше на фашистские войска и план «молниеносной войны» провалился — такова была задача командиров, политработников, которую они и решали, используя любую возможность.

Главенствующее место в воспитании личного состава неизменно занимал личный пример в бою коммунистов и комсомольцев. Оно и понятно. Знакомство с подвигами своих же сослуживцев рождало новых героев, их с каждым днем становилось все больше. Слава об одном из них в те дни разнеслась далеко за пределами 50-й армии.

...Группу воинов-железнодорожников во главе с сержантом Мирошниченко вызвал командир роты.

— Ваша задача, — сказал он, — как можно дольше задержать противника на подступах к мосту через реку Солову и в последнюю минуту взорвать его.

Вскоре у моста показались гитлеровцы и начался сильный обстрел. Рядом разорвалась мина, и номера пулеметного расчета вышли из строя. Мирошниченко остался один. Он был ранен, однако меткими очередями косил и косил гитлеровцев:

— Получайте, гады!

Несмотря на потери, фашисты продолжали наступать. Вот уже пора взрывать мост. В этот миг сержант обнаружил, что шнур к заряду перебит. Что делать? Любой ценой выполнить приказ! Залитый кровью Мирошниченко дополз к тому месту, где начинался целый шнур, и поджег его. Вскоре грянул взрыв, мост осел и наступление гитлеровцев захлебнулось. Отважный комсомолец до конца выполнил свой долг перед Родиной.

Как-то вечером мне довелось быть в одном из полков 258-й стрелковой дивизии — как раз в то время, когда там подводились итоги боя за день. Называя имена погибших, комиссар дивизии полковой комиссар Ф. Я. Швед сказал:

— Смертью героя пал беспартийный красноармеец Семенов. Он повторил подвиг комсомольца сержанта Мирошниченко.

И я увидел, как посуровели лица воинов, как сбросили люди навалившуюся на их плечи усталость, и снова гото-

вы были пойти в бой, чтобы жестоко отомстить фашистам за смерть товарища. И, видя все это, я в очередной раз порадовался, что нет, не напрасно ввели мы во всех частях такую форму политработы (не забывая, разумеется, и другие), как подведение итогов боя за день, в том числе и в подразделениях. Она помогала выделить наиболее отличившихся, храбрых и стойких воинов, делать их ратный подвиг достоянием других, укрепляла политико-моральное состояние всего личного состава. А это было главным во всей нашей воспитательной работе, чего мы никогда не забывали да и не могли забыть, ибо политико-моральное состояние человека на войне являлось барометром его боеготовности и боеспособности.

Продолжу рассказ о поездке на станцию Арсеньево. Вернулись мы оттуда в свой штаб в тот же день и встретили там генерал-майора Аркадия Николаевича Ермакова. Он официально вступил в должность командующего 50-й армией. Сразу же состоялось заседание Военного совета, на котором был рассмотрен ход выполнения приказа о сосредоточении сил, средств и организации оборонительных работ. Начальнику гарнизона полковнику С. А. Иванову разрешалось взять девять отремонтированных танков и поставить их на южной окраине города в качестве противотанковых орудий. Было также признано целесообразным подчинить в оперативном отношении 732-й зенитно-артиллерийский полк ПВО начальнику артиллерии армии. Батареи, вооруженные 85-миллиметровыми орудиями, сейчас предназначались для противотанковой обороны, а 37-миллиметровые пушки оставались для защиты города с воздуха.

Такое решение мы приняли в соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего от 12 октября 1941 года. В нем говорилось, что всем зенитным батареям ПВО Москвы, расположенным к западу, юго-западу и югу от столицы, быть готовыми кроме выполнения основной задачи — борьбы с воздушным противником — к отражению и истреблению прорывающихся вражеских танковых частей и живой силы.

Однако решение Военного совета встретило неожиданное противодействие со стороны начальника ПВО Тулы генерал-майора Овчинникова. По соответствующим инстанциям полетели жалобы. Командование противовоздушной обороны

Москвы, еще, вероятно, не зная о приказе Сталина, прислало очень строгую бумагу, требуя немедленно освободить 732-й полк от несвойственной-де ему функции противотанковой обороны для сосредоточения на непосредственной защите города с воздуха.

Уже сама по себе постановка вопроса о резко разграниченных функциях в этой критической обстановке нас, мягко говоря, озадачила. Боевые условия подчас нарушают, казалось бы, забытые правила. История Великой Отечественной войны знает немало примеров, когда зенитчики доблестно сражались с танками, а, скажем, связисты, саперы, неутомимые труженики тыла — техники, механики, повара и даже санитары ходили в атаки рядом со стрелками, отвлекаясь от своих «функций», иначе нельзя было устоять в данной конкретной ситуации.

Впрочем, мы не стали вступать в полемику с командованием противовоздушной обороны и своего решения не отменили. Разумеется, Военный совет 50-й армии давал себе ясный и полный отчет в необходимости надежной противовоздушной обороны Тулы. Поэтому, чтобы не ослаблять ее, из 732-го зенитно-артиллерийского полка в интересах нашей армии были задействованы лишь две батареи — 6-я и 10-я. Остальные днем и ночью зорко стерегли небо над городом.

Забегая вперед, скажу: войны ПВО в ожесточенных схватках с танками и пехотой противника проявили несгибаемое мужество. Чтобы проиллюстрировать это, расскажу о боевых действиях зенитно-артиллерийского полка, вокруг которого и разгорелся, как говорится, весь сыр-бор в течение одного лишь дня — 30 октября.

Как только забрезжил рассвет, фашисты повели наступление на Тулу вдоль Орловского и Воронежского шоссе. В нем участвовали около 100 танков, а также мотопехота при поддержке артиллерии и минометов.

Зенитчики открыли по врагу меткий огонь. Потеряв у Воронежского шоссе 16 танков, много солдат и офицеров, противник не выдержал и отступил в район «Подземгаза». Аналогично развивались события и на главном направлении, у Орловского шоссе. Здесь гитлеровцев встретил дружным огнем своих пушек взвод лейтенанта Григория Волнянского. Враг лез напролом, не считаясь с потерями. Погибло и несколько наших воинов. Но остальные, в том числе и раненые, продолжали отбивать атаки фашистов, их танки выходили из строя один за другим.

Отважно сражался взвод лейтенанта Милюванова, преграждая путь противнику на южной окраине Тулы — меж-

ду Орловским шоссе и Всехсвятским кладбищем. Первыми же выстрелами Милованов и его подчиненные уничтожили четыре танка и два орудия гитлеровцев.

Пополнив силы, враг бросился в очередную атаку, стремясь смять бесстрашных защитников города, но опять наткнулся на мощный огонь зенитчиков. Вновь было подбито несколько танков и уничтожено значительное количество мотопехоты.

Фашисты были вынуждены отступить на исходные позиции, однако ненадолго. В 13 часов они начали третью по счету атаку с участием танков и мотопехоты. Теперь немцы повели наступление со стороны Орловского шоссе, открыв минометный и пулеметный огонь по переднему краю обороны наших частей. Обстановка сложилась исключительно трудная, и я поспешил к зенитчикам. Во взводе лейтенанта Волнянского встретился с комиссаром М. И. Сизовым. Не дожидаясь моих вопросов, он доложил, что все указания по партполитработе, полученные вчера, выполнены.

— В расчетах провел беседы, подробно разъяснил возложенную на нас боевую задачу. Кроме того, с каждым коммунистом поговорил отдельно. В результате...

— Результат уже вижу, — сказал я, кивнув головой в сторону догоравших перед батареей вражеских танков. — Но ведь фашисты вон снова рвутся.

— Выстоим! — твердо пообещал Сизов. — Во что бы то ни стало выстоим и победим. Так поклялись все бойцы.

Трудно, невероятно трудно было зенитчикам, но слово свое они не нарушили, отбили и третью атаку.

В 16 часов гитлеровцы начали четвертую атаку. Наступали опять вдоль Орловского и Воронежского шоссе. На каждом направлении у них имелось по пятнадцать — двадцать танков, несколько бронемашин и до двух батальонов пехоты. Активно поддерживали наступающих артиллерия и минометы, сильный огонь вели и автоматчики. Заняв Рогожинский поселок в полутора километрах юго-восточнее Тулы, противник попытался проникнуть в город через Всехсвятское кладбище. Не вышло! Зенитчики расстреливали врага буквально в упор. Оставив на поле боя чадившие машины, трупы солдат и офицеров, захватчики отошли в Рогожинский поселок. Особенно большой урон нанесли им расчеты лейтенанта Григория Волнянского. В течение дня они уничтожили на Орловском шоссе двенадцать танков. Но этот день был омрачен и нашими тяжелыми потерями. Фашистский пулеметчик очередь сразил насмерть командира

взвода Г. М. Волнянского и наводчика И. И. Беспалова, которым комиссар М. И. Сизов дал накануне рекомендации для вступления в партию...

В ожесточенном и неравном бою отважные зенитчики вышли победителями. Всего за 30 октября они сожгли и подбили более трех десятков танков, уничтожили несколько бронемашин, сотни автоматчиков, во взаимодействии с другими частями отразили четыре яростные атаки.

Вот так, за один лишь день! А сколько впереди будет еще подобных дней? Нет, не только воздушного, но и наземного врага умело били зенитчики. Многие из них удостоились орденов и медалей. Орденом Ленина были посмертно награждены лейтенант Григорий Матвеевич Волнянский и красноармеец Иван Иванович Беспалов.

Глава четвертая СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ

1

После выхода из окружения войска 50-й армии испытывали серьезнейшие трудности. Не хватало орудий, снарядов, плохо было с обмундированием и продовольствием. Помню, в 290-й стрелковой дивизии полковника Н. В. Рыкина увидел такую картину. Сидят красноармейцы у костра, и одни пекут картошку в золе, другие варят ее в котелках. Усатый старшина выхватил из жара картофелину, покатал на ладонях, протянул мне:

— Просим, товарищ бригадный комиссар, с нами пообедать. Ох, вкусна печеная, да жаль, соли нет...

— Спасибо за угощение. Только, что это вы вздумали кухарничать, товарищи?

— Так обед же у нас.

— А где кухня?

— Кухня на болотах навсегда осталась. Там и наши повара...

Я, грешным делом, даже засомневался: неужели так плохо? Заместитель командующего армией по тылу подтвердил: да, во многих подразделениях продукты на исходе. Но особенно тревожно было с боеприпасами. Каждый патрон, гра-

ната, снаряд — буквально на вес золота. И я предложил генералу Куркипу:

— Надо немедленно позвонить в Генеральный штаб.

— Да, — согласился он, — иного выхода нет.

Здесь следует, вероятно, сделать пояснение: почему мы решили обратиться сразу в Москву, минуя командование фронта. Дело в том, что при возникновении очень важных и срочных вопросов, а тогда они редкий день не возникали, командарму 50-й и мне было разрешено выходить непосредственно на Генеральный штаб и Главное политуправление. Пользуясь этим правом, мы и связались с маршалом Шапошниковым, доложили о своих бедах и пехватках: нужны боеприпасы, продукты питания, обмундирование. Борис Михайлович ответил почти теми же самыми спасительными словами, которые нам уже не однажды доводилось слышать:

— Поможем. Только учтите, голубчики, ресурсы у нас очень ограничены. Что есть — дадим. Кстати, обратитесь к местным партийным и советским организациям. Они, уверен, тоже не откажут...

Помощь, обещанная Шапошниковым, пришла незамедлительно. Первым на наши просьбы откликнулся А. И. Микоян, в то время председатель Комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии. Войска стали получать из государственных резервов муку, мясо, сахар, другие продукты. На подходе было и зимнее обмундирование.

Полное понимание и поддержку наши мы и у местных организаций — с ними были установлены прочные связи. Для пополнения автобатальонов, подвозивших в части продовольствие и боеприпасы, они выделили нам сто автомобилей. Кроме того, в распоряжение медслужбы армии передали значительную часть медикаментов и перевязочных материалов, имевшихся в городских аптеках и на складах.

Все пошивочные мастерские Тулы были мобилизованы для работы на нужды фронта. Дни и ночи, не разгибая спины, трудились в них женщины всех возрастов, шили для бойцов белье, телогрейки, ватные брюки. К работницам мастерских присоединились сотни добровольных помощниц, которые на дому выполняли заказы армии на обмундирование.

Разве же забудут когда-нибудь воины 50-й армии подвиг тульских женщин? Никогда! Ведь это они, женщины, копали противотанковые рвы, отправлялись с медицинскими сумками через плечо на передний край обороны, выносили из огня раненых, выхаживали их в госпиталях. Тулячки и хлеб

выпекали, и пищу для бойцов варили, и белье стирали, и выполняли множество других дел. И они же на первых порах боеприпасами нас выручили. А произошло это так. Приздумались мы тогда, нельзя ли до подвоза снарядов и патронов с отдаленных баз снабжения раздобыть их в самом городе? Надо поискать, быть того не может, чтобы Тула не имела запасов. Вызвали комиссара штаба артиллерии армии старшего батальонного комиссара В. Н. Бородина.

— У него, — заверил Леселидзе, — нюх на снаряды.

Не знаю, был у Бородина «нюх» или нет, только скоро он явился сияющий, доложил:

— Есть боеприпасы!

Честно говоря, даже как-то не сразу поверил в такую находку, спросил:

— Где же добыли, из Москвы привезли?

— Зачем — из Москвы, товарищ бригадный комиссар. Здесь нашли, так что без подвоза пока обошлось. Как нашли? Женщины помогли, они на след навели.

Это была находка, ценность которой сейчас трудно себе представить. Одного до сих пор не могу понять: как могло затеряться поистине бесценное для нас добро? Должно быть, в суматохе эвакуации о складе со снарядами просто забыли. А вот милые и славные женщины-тулячки помнили.

Во всем, что касалось помощи местных организаций армии, самое деятельное участие принимал комиссар штаба армии старший батальонный комиссар Алексей Григорьевич Нарышкин. Он был направлен к нам с должности секретаря Тульского обкома ВКП(б) по промышленности. Человек кипучей энергии и неистощимой работоспособности, Нарышкин вникал во все стороны жизни соединений и частей армии. Ему до всего было дело. То наладит выпечку хлеба или направит старых специалистов на ремонт танков, то привлечет оружейников и организует сборку пулеметов из неизрасходованных запасных частей. И вообще ни один вопрос обеспечения войск не обходился без его помощи. Но особенно много сделал Алексей Григорьевич по сколачиванию нашего штаба. Задача эта была не из простых, ведь формировался он из двух штабов — бывшей 26-й и 50-й армий. Нужно было обеспечить слаженность всех служб. И тут Нарышкин выступил настоящим организатором и партийным вожакom. Именно благодаря его усилиям, как, разумеется, и стараниям полковника Аргунова и других товарищей, вся многогранная деятельность армейского штаба приобретала четкие формы и деловой характер.

Выйдя из окружения, 50-я армия не получила передышки, в которой так нуждалась. Ее дивизии необходимо было самым срочным образом пополнить не только вооружением, но и людьми. Остро обстояло дело с командным и особенно с политическим составом во взводах, ротах, батальонах. В частях не хватало более тысячи политработников.

Словом, трудностей было предостаточно. Однако мы твердо верили, что все они, в том числе и пополнение армии политработниками, будут преодолены и что биться с ненавистными захватчиками войны будут, как и раньше, до последнего патрона. Такую уверенность вселял в нас героизм, проявленный личным составом при выходе из вражеского окружения. Теперь нам следовало еще больше укрепить моральный дух бойцов и командиров, еще прочнее сцементировать их ряды. Добиться этого можно было, значительно активизировав партийно-политическую работу в войсках.

Многое, что следовало предпринять в сложившихся условиях, мы делали. Работники политотдела армии во главе с его начальником старшим батальонным комиссаром Иваном Михайловичем Богдановым дневали и ночевали в войсках. Совместно с политорганами и комиссарами соединений и частей они подбирали достойных товарищей из числа красноармейцев для руководства партийными и комсомольскими организациями. К сожалению, всех образовавшихся прорех закрыть не сумели, слишком много их обнаружилось в армии. Рассчитывать же на помощь местных организаций мы больше не могли — значительная часть кадров Тульской парторганизации выехала с эвакуированными предприятиями в восточные районы страны, а многие еще раньше были направлены в войска.

Серьезным источником для пополнения командно-политических кадров был Тульский рабочий полк. Здесь имелось немало бывших партийных работников, организаторов производства, педагогов. Каждый из них мог бы возглавить партийную или комсомольскую организацию, принять командную должность, стать комиссаром части или политруком подразделения. Но мы решили сохранить полк как самостоятельную боевую единицу, олицетворяющую собою подлинно народную защиту города. При создании Тульского боевого участка Военный совет армии включил его во второй эшелон. При штурме поселка Рогожинского в начале ноября он тоже продвигался вторым эшелоном вслед за частями 154-й стрелковой дивизии, а при формировании подвижной группы, на-

целенной на Калугу, мы оставили рабочий полк с основными силами армии. В их составе он и подошел к Калуге, принял участие в боях за нее.

Конечно, все сказанное вовсе не означает, что мы умышленно отводили рабочий полк от участия в боях. Обстановка была такой, что он явился нашим резервом при выполнении особо трудных задач. И его бойцы и командиры проявили достойную туляков доблесть и отвагу в борьбе с фашистами за свой родной город.

Итак, в измотанной жестокими боями 50-й армии политработников не хватало. Между тем, чтобы устоять под натиском танковых дивизий врага и выполнить приказ Ставки Верховного Главнокомандования отстоять Тулу, требовалась крепчайшая партийная спайка. Где искать выход? И я позвонил в Москву заместителю начальника Главного политического управления Ф. Ф. Кузнецову.

Федор Федотович был у себя. Голос с хрипотцой, усталый.

— Как Тула? — был его первый вопрос.

— Держится Тула, но трудно...

— Было бы легко, так и не позвонил бы, знаю. Докладывай, в чем трудности? Авось чем и поможем.

Рассказал я о состоянии армии, нехватке политработников, да и командиров тоже. Не забыл упомянуть о кухнях, оставшихся в брянских болотах...

— Подожди, не клади трубку, — сказал Кузнецов.

Он, видимо, кому-то звонил по другому телефону, а затем я опять услышал его голос.

— К вам в 50-ю направляются маршевые роты политбойцов. Используйте свой смоленский опыт, отберите из пополнения все, что вам требуется. Пасчет кухонь и всего другого решим...

Выходит, помнил Федор Федотович мой доклад в Главпура! Ну что ж, опыт организации политработы в Смоленске очень пригодился мне в сражении за Тулу, сперва на дальних к ней подступах, а теперь и у самих ее стен. Правда, мы не имели возможности строить полигоны и учебные городки, где бы «лечили» бойцов от танкобоязни. Но в этом теперь и нужды не было. Артиллеристы и расчеты противотанковых ружей расстреливали танки врага, а стрелки, подпустив их вплотную к своим окопам и траншеям, жгли бутылками с горючей смесью, рвали связками гранат гусеницы.

Формы и методы политической работы мы применяли те же самые, что и в Смоленском сражении, учитывая, разумеется, конкретные условия. В Туле было много клубов, кино-

театров, но мы не могли воспользоваться ими. Враг просто не оставлял нам времени, чтобы собрать там людей — войска находились в непрерывных боях. Поэтому в короткие паузы между ними проводили, скажем, беседы непосредственно в окопах, на огневых позициях. Они были конкретны и каждому понятны: «Тулу врагу не отдадим!», «Тыл и фронт — едины!», «Подвиг Героя Советского Союза Ивана Любушкина». Мы не гнались за большой аудиторией. Соберется десяток-другой красноармейцев — хорошо, сядут в кружок пятеро-шестеро — тоже неплохо. Можно побеседовать и с двумя-тремя, а уж они обязательно донесут смысл разговора до своих товарищей. Иное дело во вторых эшелонах. Там регулярно читались лекции, доклады, проводились партийные и комсомольские собрания, демонстрировались кинофильмы.

Не забывали мы и о быте воинов. Так, при малейшей возможности устраивали банные дни. И опять хочу низко поклониться тульским женщинам. Они готовили бани, дезинфицировали одежду, стирали и чинили белье. При всей сложности обстановки, в которой находились соединения, нам все же удалось избежать антисанитарии и как следствия ее — инфекционных заболеваний. Я не могу припомнить, например, ни одного случая за весь период обороны Тулы заболевания сыпняком, с которым пришлось вплотную столкнуться в годы гражданской войны.

3

Мой разговор с Федором Федотовичем Кузнецовым не остался бесследным. Одна за другой начали прибывать маршевые роты для пополнения армии. За короткое время мы приняли около восьми тысяч человек из Ивановской, Рязанской, Ярославской и других областей. Наиболее подготовленных в военном отношении, политически грамотных мы отбирали и выдвигали на различные командные должности, укрепляли ими партийные и комсомольские организации, агитационно-пропагандистский аппарат. В частях и подразделениях уже действовали около ста первичных парторганizations и кандидатских групп. Первичные комсомольские организации объединяли около трех тысяч молодых воинов.

Надо учитывать, что вся эта работа проходила в условиях непрекращавшихся боев, все более настойчивых атак танковых и моторизованных дивизий врага. Разве подобное можно забыть? Сколько раз бывал я свидетелем такой картины: едва

выдалась небольшая передышка, а кто-либо из политработников уже собрал горстку красноармейцев и рассказывает им об отличившихся в бою, читает свежий номер газеты или, присев на пенек, пишет бойцу рекомендацию для вступления в партию. А как-то мне довелось услышать стихи, эмоциональный заряд которых в ту пору вряд ли кто из нас, фронтовиков, мог переоценить.

Было это в двадцатых числах октября, в десяти—пятнадцать километрах юго-восточнее Черни. Там занимала оборону 6-я гвардейская стрелковая дивизия. Вместе с ее комиссаром И. В. Булатовым я шел по траншее. Вдруг впереди раздался сочный голос.

— Сейчас, дорогие однополчане, я прочитаю вам Константина Симонова. Называется стихотворение «Презрение к смерти. Памяти паводчика Сергея Полякова»...

Мы остановились, Булатов негромко сказал:

— Парторг роты Новожилов. Бойцы за ним — в огонь и в воду!

Между тем из-за крутого изгиба траншеи уже доносились:

Кругом гремел горячий бой,
Шли танки с трех сторон,
Но все атаки отражам
Наш первый батальон.

Ребята все как на подбор,
Настойчивый народ.
Такой в бою скорей умрет,
А с места не сойдет...

— Это словно о самом парторге, — не удержался от комментария Булатов и пошенино приложил ладонь к губам: дескать, виноват, давайте слушать дальше.

А враг все ближе подходил...
Всего пятьсот шагов...
Но не привык считать врагов
Наводчик Поляков.

Пускай крепка у них броня,
Пускай идут она.
В груди есть сердце у меня
Покрепче их брони...

Мы переглянулись с Булатовым: да, лучше не скажешь, симоновские слова бьют точно в цель. Надо заметить, что многие воины, оборонявшие Тулу, знали тогда это стихотворение наизусть. Оно было напечатано в местной газете «Коммунар», и я тоже полностью переписал его в свой блокнот.

С удовольствием воспроизвожу сейчас отрывки из этого стихотворения, которое на языке, близком и понятном бойцам, звало их на подвиг. Хорошо помогал нам Константин Симонов, как и многие другие писатели и поэты, во фронтовой партполитработе!

Он все снаряды расстрелял.
Всего один в стволе.
Но ведь недаром мы стоим
На собственной земле!..

И ровно с двадцати шагов,
Гранатой в упор,
Закончил с танком Поляков
Последний разговор...

Из-за горизонта, натужно завывая, вынырнула четверка «юнкеров» в сопровождении пары «мессершмиттов». Наши зенитчики открыли дружный огонь. И вот головной бомбардировщик задымил, пошел к земле. Остальные не выдержали, повернули обратно, однако свой страшный груз все-таки сбросили, хотя до цели и не добрались. Стрельбу зенитчики прекратили, и мы опять слышали парторга Новожилова, он говорил о том, что наводчик Поляков не пожалел в бою своей жизни.

Но был зато задержан враг,
Пять танков — пять костров.
Учись, товарищ, делать так,
Как сделал Поляков!

Учись, как нужно презирать
Опасности в бою,
И если надо — умирать
За Родину свою!

«Учись, товарищ, делать так, как сделал Поляков!..» Бойцы, командиры, политработники 50-й учились. Делали. Умирили, чтобы остановить заклятого врага, закрыть ему дорогу на Москву. И если фашистский генерал Гудериан и записал в своем дневнике, что первая попытка его войск взять Тулу с ходу сорвалась, то с тем большим основанием он мог сказать в дальнейшем о всевозраставшей силе ударов Красной Армии под стенами этого русского города и катастрофических потерях в его, гудериановских, соединениях. Впрочем, повергнутый через некоторое время этот «танковый бог» нацистов делает это в своих воспоминаниях, а пока для удара на Тулу гитлеровцы сконцентрировали силы двух танковых и двух армейских корпусов, поддержанных значительным количеством самолетов бомбардировочной авиации.

Прямо скажем, многовато против наших ослабленных дивизий. Но Гудериан, видимо, не очень полагался на моральный дух и порыв своих солдат и офицеров. Для этого имелись веские основания: в его войсках росло число самоубийц, дезертиров. Взятый в те дни в плен фельдфебель рассказал: «В душе каждого из нас борются два чувства: боязнь вылезать из окопов, страх быть убитым в первую же минуту боя и страх быть расстрелянным собственным офицером, если не полезешь из окопа вперед. Многие солдаты, служившие со мной в одной роте, покончили жизнь самоубийством. Только за последние дни застрелились 7 человек...» Немецкий солдат в письме к жене сообщал: «Я не хотел тебе писать об этом, но больше нет сил переносить те ужасные страдания, которые переживаю я и каждый из нас на фронте. Страх, что тебя может каждую минуту расстрелять собственный офицер, скотская жизнь, безумная смелость русских — все это страшно угнетает меня. Я вижу, как быстро тает наша армия...»

Фашистское командование, не считаясь ни с какими потерями, стремилось пробиться к Москве. Оно приказало 2-й танковой армии двигаться на Тулу и Каширу, чтобы впоследствии соединиться с 4-й танковой армией, пытавшейся обойти нашу столицу с северо-востока.

23 октября противник начал наступление. Главный удар вдоль Орловского шоссе наносил 24-й танковый корпус, чтобы захватить Тулу с ходу. Вслед за ним шел 47-й танковый корпус с задачей овладеть переправами через Оку между Коломной и Каширой. Вспомогательный удар наносили с запада 43-й и 53-й армейские корпуса из района Белева на Тулу и Алексин.

В тот же день гитлеровцы форсировали Зушу в 12 километрах северо-западнее Мценска и довели наступление на правый фланг 6-й гвардейской стрелковой дивизии. Наши войны отразили несколько яростных атак противника. Однако охват правого фланга дивизии все углублялся, и она вынуждена была с боями отойти. Это поставило в сложное положение 11-ю танковую бригаду. Ей тоже пришлось отступить...

К исходу дня 24 октября враг занял город Чернь. А на следующий день перешел в общее наступление. Задача 50-й армии состояла в том, чтобы сдерживать противника, изматывать, втягивая в бои все его резервы, заставить израсходовать значительные силы на обеспечение флангов. Короче, растянув фронт гитлеровцев и ослабив их натиск, мы должны были выиграть время для сосредоточения войск и нанесения контрудара.

Воины 50-й справлялись с этой чрезвычайно трудной и ответственной задачей. В последующие два дня в районе Плавска они мужественно отбивали непрерывные атаки двух танковых и двух моторизованных дивизий, поддержанных пикирующими бомбардировщиками. На обоих берегах реки Плавы чернели остовы около полусотни фашистских танков — подорвавшихся на минах, подожженных бутылками с горючей смесью, но больше всего, конечно же, подбитых артиллерией. Почему «конечно же»? Потому, что огонь ее был исключительно действен. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на вечернюю сводку Совинформбюро от 26 октября: «Артиллеристы частей командира Куркина и комиссара Сорокина, действующие на Орловском направлении фронта, нанесли противнику большой урон. За один день артиллерийским огнем уничтожены командный пункт противника и переправа у села Кузнецово, подавлена минометная батарея. Батарея старшего лейтенанта Левкина уничтожила 6 вражеских танков, один пикирующий бомбардировщик и рассеяла батальон фашистской пехоты. Батарея политрука Мошковцева уничтожила три немецких танка. Батарея старшего лейтенанта Чугунова разгромила фашистскую батарею и взорвала полевой склад боеприпасов»¹.

Противник нес большой урон, но, продолжая рваться вперед, захватил Плавск. Через считанные часы наши мотострелки контратаковали его и ворвались в город. Лишь ценой чувствительных потерь враг отеснил мотострелков. Они заняли оборону севернее Плавска по южным скатам высот, прикрыв шоссе на Тулу. На другой день немцы возобновили наступление, но не тут-то было. Плотный, четко организованный огонь откинул их на исходные позиции.

Воспользовавшись установившимся затишьем, я ознакомил генерал-майора А. И. Ермакова с наметками плана партийно-политической работы в войсках армии на ближайший период. О том, что предусматривалось в этом плане, поведаю несколько позже, а пока скажу, что ни одного затронутого в нем вопроса командарм не оставил без внимания. Возвращая мне план, проговорил:

— Все самое главное, по-моему, учтено. Но тем не менее, Константин Леонтьевич, и ты сам, и Богданов, и другие политотдельцы пусть еще подумают. Очевидно, неплохо бы ввести отдельный пункт о воспитании у воинов стойкости в обороне и стремительности, неудержимости в наступлении. Такого пункта нет. Или, полагаешь, он необязателен?

¹ Сообщения Советского информбюро, Т. 1, С. 323.

— Обязателен! И даже очень!

— Тем более. Сформулируйте его с Богдановым почетче и — тоже в план. А потом, как только вынадет передышка, рассмотрим и утвердим его на Военном совете. Пока же, ви-дишь сам...

Я не только видел, но уже и слышал: гитлеровцы начали очередное наступление. Сперва они ввели в бой авиацию. «Юнкерсы» и «хейнкели» несколько часов подряд бомбили наши боевые порядки, затем в атаку пошли шестьдесят танков с пехотой на броне. Ревели их двигатели, скрежетали гусеницы, земля в клочья разрывалась густо падавшими снарядами. Надо было обладать непоколебимой бодростью духа, отличной боевой выучкой, чтобы не дрогнуть. И наши воины не дрогнули, разжим прицельным огнем из всех пмевшихся в их распоряжении видов оружия встретили врага. Они потеряли счет, сколько отразили за депь атак, по рубеж не сдали. Почти на двое суток мотострелковый полк задержал противника. Лишь когда тот прекратил лобовые атаки и начал обходный маневр по проселочным дорогам, полк отодвинулся на южную окраину Тулы. Здесь меня и отыскал связной:

— Товарищ бригадный комиссар, вас к командарму!

В рабочем кабинете Ермакова, под который в штабе армии была отведена одна из просторных комнат, я оказался не первый раз и знал, где что находится. В дальнем углу — тщательно заправленная железная кровать, посредине — стол, на нем большая карта и стопка аккуратно сложенных книг. Слева от стола — массивная тумбочка с телефонами, справа — пышущая жаром «буржуйка». Я сразу же прошел к печке, протянул к ней изрядно окоченевшие руки. Перчатки потерял где-то в окне, а ведь шла уже последняя неделя октября, но почам лужи затягивало ледком.

Отогреваясь, я рассказывал Аркадию Николаевичу об исключительном мужестве, отваге и бесстрашии мотострелков при защите города.

— Да, стойкость наши воины показали железную. Именно такую я и имел в виду, Константин Леонтьевич, — отговаривался Ермаков.

И возобновил разговор о плане партийно-политической работы в войсках таким тоном, словно мы вели его не два дня назад, а только-только. Командарм снова, но уже подробнее, чем первый раз, ознакомился со всеми намеченными мероприятиями, которые надлежало политработникам провести среди личного состава армии, и заключил:

— Поработали вы с политотделом хорошо, можно выно-

сильно на рассмотрение Военного совета. Думаю, у его членов особенно серьезных возражений не будет.

И верно, план был утвержден без каких-либо существенных поправок. Что же намечалось в нем?

Первое и неперемное условие, которое я совместно с политотделом ставил перед политорганами, партийными, комсомольскими организациями, да и перед собой лично, — это непрерывность, целенаправленность партполитработы на всех этапах боевых действий, ее неразрывная связь с конкретными задачами дня, четкое и ясное понимание войнами справедливого характера войны против немецко-фашистских захватчиков.

Второе, подсказанное командармом, — формирование негнбимой твердости в обороне, высокого порыва в наступлении, своевременное и беспрекословное выполнение войнами всех приказов командиров и начальников.

Третье — действенная пропаганда героических подвигов фронтовиков, воспитание на их примерах всего личного состава. Тем более что недостатка в подобных примерах мы никогда не испытывали, буквально каждый день рождал новых героев. Так, перед боем в районе села Барыбинка, что приютилось у самой окраины Тулы, заболел механик-водитель танка КВ 32-й танковой бригады комсомолец младший сержант В. А. Григорьев. Его хотели замепить другим механиком-водителем, но Григорьев попросил разрешения остаться в экипаже, заверив, что сделает все для выполнения боевой задачи. И надо же было случиться такому: в разгоревшемся бою прямым попаданием вражеского снаряда башню машины заклинило, а самого Григорьева ранило. Вести огонь по противнику он уже не мог, поэтому пошел на тарап. Выведа фашистский танк из строя, устремился на пушку и уничтожил ее вместе с расчетом, а затем превратил в лом двадцать транспортных автомобилей¹. Родина по достоинству оценила подвиг воспитанника Ленинского комсомола младшего сержанта В. А. Григорьева — ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Четвертое. Место коммуниста в бою. Оно только впереди, только на острие атаки, там, где труднее всего, где решается успех дела. И тут в нашем распоряжении тоже всегда было множество примеров. Мы призывали воинов держать равнение на коммуниста капитана И. Н. Шкадова, который в ту пору командовал батальоном тяжелых танков. За мужество и храбрость в боях под Тулой, Сталиногорском и другими го-

¹ ЦАМО, ф. 405, оп. 9783, д. 3, л. 154.

родами Подмосковья он был награжден орденом Ленина. Впоследствии Иван Николаевич получил Золотую Звезду Героя, стал генералом армии, видным советским военачальником.

Сами проявляя храбрость и отвагу, политработники, партийные и комсомольские активисты в то же время стремились как можно ярче и доходчивее пропагандировать примеры воинской доблести своих товарищей по оружию. Кроме бесед героям боев посвящались листовки-молнии, листы-благодарности, в дивизионных и армейской газетах о них печатались заметки, зарисовки, очерки. Здесь же, в газетах, из номера в номер рассказывалось о передовой роли коммунистов и комсомольцев в ратных делах, широко освещалась партийная и комсомольская жизнь подразделений, частей и соединений.

Наконец, еще один очень важный участок — постоянная забота о быте красноармейцев, удовлетворении его духовных запросов и других нужд.

Показателем высокой действенности всей этой партийно-политической работы нужно назвать прежде всего самоотверженное выполнение личным составом своих ратных обязанностей. Сюда же следует отнести и такой яркий факт, характерный для тех грозных и суровых дней, как массовое вступление воинов в ряды партии. Но, говоря об этом, политработники оперировали главным образом не общим числом бойцов и командиров, ставших коммунистами, скажем, за неделю, а качеством партийного пополнения. Называли конкретных лиц, таких, например, как наводчик противотанкового орудия красноармеец В. И. Федоткин. Недавно став коммунистом, он вступил в неравный поединок с противником. Несмотря на сильный орудийный и минометный огонь со стороны фашистов, Федоткин уничтожил три танка.

4

С утра 27 октября на вторую линию обороны Тулы выдвинулись части 108-й танковой дивизии, 156-й и 34-й полки НКВД, отряд тульской милиции. Таким образом, все силы, которыми располагало командование 50-й армии, были брошены против гитлеровцев. Одни соединения и части сражались на дальних подступах, другие изготовились к бою непосредственно у стен города.

По южной, юго-западной и юго-восточной окраинам Тулы совместными усилиями войск и местного населения были

созданы две линии оборонительных рубежей. Около Косой Горы встали 31-я кавалерийская дивизия полковника М. Д. Борисова и 154-я стрелковая дивизия генерал-майора Я. С. Фоканова. В районе Ильино, Поповкино, Севрюково сосредоточилась 258-я Московская стрелковая дивизия бригады К. П. Трубникова. Своим правым флангом она примкнула к 238-й стрелковой дивизии полковника Г. П. Короткова.

Многое сделал начарт полковник К. Н. Леселидзе. Он сосредоточил в районе Тулы, кроме находившегося там 732-го зенитно-артиллерийского полка майора М. Т. Бондаренко, 702-й армейский противотанковый полк капитана Валиева, 68-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион старшего лейтенанта Трепова. Сюда же был подтянут 9-й минометный полк, а 29 октября заняли огневые позиции у совхоза Медвепка два армейских гаубичных артполка, вооруженных 152-миллиметровыми орудиями. Такое сосредоточение артиллерии сыграло важную роль при отражении массированных танковых атак противника.

Работы хватало всем — бойцам, командирам, политсоставу. Затрудняюсь теперь сказать, был ли хотя бы один свободный часок в те дни и у меня. Я вот только что назвал (а сколько еще не назвал!) соединения и части 50-й, выдвинутые на оборонительные рубежи города. Всюду следовало побывать, и я побывал, чтобы иметь четкое и ясное представление, насколько жизнедеятельны партийные органы, партийные и комсомольские организации, какая им необходима помощь, как они вместе с командирами нацеливают личный состав на выполнение поставленной Военным советом армии задачи — Тулу врагу не отдавать! — и вообще, что собой представляет тот или иной вновь прибывший полк, бригада, дивизия. Отвечая на мои вопросы, командир 447-го артиллерийского полка полковник А. И. Маврин, помню, не без гордости доложил:

— Люди рвутся в бой. Первые из первых — коммунисты, комсомольцы. Полк укомплектован по штатам военного времени, имеет фронтовой опыт. Пришел сюда с жестокими боями от стен Бреста...

Пополненный людьми и техникой, полк являл собой серьезную силу. Были укомплектованы личным составом, современным оружием и другие артиллерийские части. Вполне закономерно поэтому, что в боях под Мценском, Чернью и Плавском артиллеристы наносили по гитлеровцам удар за ударом, непрерывно парализуя их мощь.

Итак, намерение противника упредить нас в развертывании и сосредоточении сил было полностью сорвано. Войны 50-й армии приготовились встретить врага под стенами Тулы так, как это не раз делали наши предки, громя незваных чужеземцев. Это был серьезный тактический выигрыш. Теперь командование смогло создать Тульский боевой участок — подсобный орган управления войсками. В его состав были включены 154, 173, 217, 260, 290-я стрелковые дивизии, 58-й запасный стрелковый полк, 156-й полк НКВД, зепитные и истребительные подразделения, дислоцировавшиеся в районе Тулы. Возглавил участок заместитель А. Н. Ермакова генерал-майор В. С. Попов.

Во второй половине дня 28 октября генерал Ермаков и я побывали на второй линии оборонительного рубежа. Здесь встретились и побеседовали с бойцами 510-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии. Формировалась дивизия в Приволжском военном округе, на родине Владимира Ильича Ленина, в Ульяновске, и была укомплектована русскими, татарами, башкирами, марийцами, мордвинами, чувашами, то есть в основном жителями Поволжья.

Воины были в приподнятом настроении. В части только что прошел митинг, и все единодушно и неслучайно заявляли на нем: фашистам в Туле не бывать!

Полк укреплял свою оборону, готовился к новым боям. Готовился основательно, и все же мы заметили, что некоторые красноармейцы роют лишь изолированные друг от друга одиночные стрелковые ячейки.

Ермаков спросил командира полка:

— Почему оборудуете индивидуальные ячейки?

— Так, товарищ генерал, делали и раньше. Привыкли...

— С подобными привычками надо кончать, война диктует иные правила! Окны должны быть сплошными, полного профиля, с ходами сообщения, с блиндажами! Погляди? Как требует современный бой!

В целом же полк произвел самое отрадное впечатление. Когда мы темного отошли, командарм уверенно сказал:

— Эти тоже будут стоять насмерть!

Стояли. А противник между тем все туже сжимал огненное кольцо. После захвата Черни он повел наступление двумя танковыми и двумя армейскими корпусами по сходящимся на Туле направлениям. В немецкой 3-й танковой дивизии, наносившей главный удар, были сосредоточены под командованием Эбербаха самые крупные силы прорыва 24-го танкового корпуса. Судя по всему, фашисты готовили таранный удар, чтобы с ходу захватить город.

Наша армия отходила. Но это было не просто отступление. Ни одной позиции 50-я не сдавала без ожесточенной борьбы. Отходила, изматывая и обескровливая врага. И только ценой огромных потерь фашисты смогли продвинуться и овладеть 28 октября районным центром Щекино, со всей очевидностью нацеливаясь на Ясную Поляну. А за нею совсем рядом Тула...

Навстречу противнику генерал А. Н. Ермаков еще раньше выдвинул 290-ю стрелковую дивизию полковника Н. В. Рякина. Сформированная в конце июля 1941 года в городе Калязине, она была спешно отправлена в состав 50-й армии, оборонявшейся западнее Брянска. Со 2 октября соединение вело непрерывные бои в окружении. Едва разорвет одно кольцо, как гитлеровцы замыкают новое. 5 октября в болотистой местности у реки Ресеты дивизия была окружена в очередной раз. Десять дней насмерть бились ее бойцы, командиры и политработники. Трудно даже представить их положение: под ногами грязная жижа, сверху холодный дождь и круглые сутки не утихает яростный бой. Казалось, воины в конце концов не выдержат — есть же предел человеческим возможностям! Но они выстояли, в смертельной схватке разорвали и это кольцо окружения.

Теперь командование 50-й усилило дивизию запасным стрелковым полком, двумя батареями 702-го и дивизионом 447-го артиллерийских полков, и она заняла рубеж обороны протяженностью 15 километров. Рубеж проходил по окраинам населенных пунктов Угрюмы, Первомайский, Воробьевка, Бобриню, Мясоделово. С господствующих высот отчетливо просматривались наиболее вероятные пути движения противника.

Стрелки и артиллеристы находились в первом эшелоне боевого порядка. Саперный батальон составлял резерв командира дивизии. Штаб и медсанбат расположились в Ясной Поляне, величайшей святыне для каждого советского человека.

Никто из командования 50-й не сомневался в том, что и Рякин, и его комиссар в полной мере представляют огромное значение защиты Ясной Поляны от врагов. И все же я предложил начальнику политотдела армии Богданову немедленно побывать в дивизии и помочь там наладить партполитработу так, чтобы бойцы умом и сердцем поняли, на какой ответственной участок они поставлены, какое доверие им оказано. И такая работа развернулась во всех без исключения частях и подразделениях. Комиссары и политруки рассказывали личному составу о безмерной ценности

для мировой культуры музея Льва Николаевича Толстого, находящегося в Ясной Поляне, страстно призывали отстоять родину великого писателя земли русской, во что бы то ни стало, отстоять, удержат!

К утру 29 октября, когда гитлеровцы всей своей мощью обрушились на дивизию, ее воины уже успели отрыть окопы полного профиля, оборудовать огневые точки, сделать завалы и минные заграждения...

Гудериан, бросая свои танковые войска на Тулу, надо полагать, был совершенно уверен в неотразимости таранного удара в районе Ясной Поляны. Он, конечно, имел данные о скромных наших силах, и его танковые колонны двигались по Орловскому шоссе даже без боевого охранения. Все предупредительные меры противника были ограничены лишь авиационной разведкой в направлении Тулы. Обычно, приближаясь к нашим позициям, немцы проводили артиллерийскую подготовку. На сей раз отказались от нее, не вызывали и бомбардировочную авиацию.

Я находился на НП полковника Рякина, куда прибыл еще до рассвета. Мне хорошо запомнилось то тихое, ясное и слегка морозное утро. С высот, на которых занимала оборону дивизия, сквозь прозрачный воздух четко просматривались шоссе и окружающая местность. Движение вражеских колонн, чего уж там говорить, было чрезвычайно впечатляюще, грозно. Тут нервы должны быть очень крепкими. У наших воинов, привыкших встречать противника лицом к лицу, такими они и были. И когда фашисты подошли на расстояние, позволявшее эффективно вести огонь прямой наводкой, орудийные залпы потрясли окрестность.

Не скажу, что огонь нашей артиллерии отличался большой плотностью, но удар по голове колонны противника был исключительно сосредоточенным и метким. На шоссе одновременно вспыхнули полдюжины танков, в небо взметнулись клубы черного дыма. Ошеломленный враг попытался выйти из-под огневого удара, однако глубокие придорожные канавы лишили его возможности маневрировать.

Гитлеровцы откатились назад, но вскоре появились снова. На этот раз люки их танков были закрыты. И опять меткий артиллерийский огонь, и снова противник отступил, оставив на шоссе еще несколько горящих машин.

Таранного удара у фашистов не получилось. И тогда они вызвали на помощь авиацию. Над нашими позициями появилось около пятидесяти «юнкерсов». По всей линии обороны встали столбы огня, дыма, земли. Едва самолеты отбомбились, как открыли шквальный огонь вражеские пуш-

ки и минометы. Более сорока минут неумолчно грохотали разрывы. Затем гитлеровцы устремились в очередную атаку.

Четыре часа продолжался этот бой. И вдруг наступила тишина. Зловещая. Предательская. Прислушиваясь к ней, Рякин постоял молча возле стереотрубы с закрытыми воспаленными глазами, давая им отдых, потом негромко проговорил:

— Видно, немцы что-то замышляют... Или просто зализывают раны...

— Скорее всего, — предположил я, — и то и другое. Но вам, чтобы не оказаться в ловушке, надо приготовиться к первому варианту.

— Приготовимся, товарищ бригадный комиссар. Сейчас же отдам нужные распоряжения...

Отказавшись от лобовых ударов, противник вовсе не оставил попыток сломить сопротивление дивизии. Он вернулся к своей излюбленной тактике обхода и окружения. Предвидя это, полковник Рякин заранее усилил оборону непосредственно Ясной Поляны. И когда враг бросил сюда свои войска, они опять наткнулись на непреодолимый огневой заслон.

Истребители-противотанкисты поистине творили чудеса. Вот, окутанный дымом, закрутился на месте Т-IV с разбитой гусеницей. Вот, спустя какую-то минуту, артиллеристы подожгли одну за другой еще две боевые машины противника. Остальные продолжали наступление. Вот три танка прорвались на передний край обороны 885-го стрелкового полка, и их тут же расстреляли из засады расчеты 45-миллиметровых пушек...

Чем больше потерь несли фашисты, тем становились лютей. Захлебнулась одна атака, началась следующая. Все труднее было нашим войнам, все меньше оставалось их в строю. Но те, кто мог держать оружие, не отступали. Раненые не выходили из боя, продолжали сражаться. Смыкая редущие ряды, бились плечом к плечу бойцы, командиры, политработники. Погиб комиссар дивизии старший батальонный комиссар Ф. А. Лаврентьев, его заменил старший политрук Михайлов...

Начальник штаба 885-го стрелкового полка А. Л. Семенов связался по телефону с дивизией:

— Вражеские танки у моего командного пункта.

Начальник штаба дивизии майор П. Г. Рак приказал:

— Ни шагу назад! Вести бой!

А вскоре уже сам Рак докладывал начальнику оперативного отдела штаба армии полковнику Ф. К. Почеме:

— Наш штаб атакуют тапки противника...

Это были его последние слова, связь прервалась.

Ожесточенным был тот бой за Ясную Поляну. Положив много живой силы и техники, враг в конце концов прорвал оборону 290-й стрелковой дивизии. Возникла угроза окружения, и соединение начало отход на Тулу. Узнав об этом, Ермаков и я вызвали полковника Рякина со старшим политруком Михайловым на свой КП.

Генерал Ермаков, человек вообще-то довольно уравновешенный, уважительный к подчиненным, на этот раз был гневен. Его лицо покрыли красные пятна. Он мерил комнату быстрыми шагами, заложив руки со стиснутыми кулаками за спину. Резко остановился перед командиром и комиссаром дивизии:

— Какой пункт вы отдали врагу!

Бывалый, опаленный огнем гражданской войны Рякин сдержанно сказал:

— Дивизия не отдавала врагу позиции, противник с бою захватил ее.

— Где была ваша позиция?

— В районе Ясной Поляны.

— Вы понимаете, Рякин, что такое Ясная Поляна?! И вы, Михайлов, вы тоже!

Они не оправдывались, не сказали о том, что на бескровленную в непрерывных боях дивизию враг обрушил превосходящие силы, что, защищая Ясную Поляну, воины показали подлинный героизм. Рякин опустил запорошенную седью голову, а по молодому лицу Михайлова разлилась бледность. Я подождал: быть может, он все-таки попросит слова? Ведь вступил на пост комиссара, когда дивизия уже отходила, и это до некоторой степени объясняло дело. Но Михайлов молчал. Тогда я обратился к нему:

— Что скажете, комиссар?

— Командир дивизии сказал все, и мне нечего добавить.

— Командующий только спросил...

— В вопросе есть и ответ...

Ермаков подытожил:

— Народ нам не просит, понимаете? Не прости!

Рякин откликнулся эхом:

— Не простит...

— А меру ответственности представляете?

— Да, вполне. Но я и комиссар просим вас, товарищ командующий, товарищ член Военного совета, дать нам время до утра. Надо привести дивизию в порядок. Это мы обязаны сделать, а потом привлекайте нас к ответственности. —

Рякин посмотрел на Михайлова: так ли, дескать, я говорю? Тот согласно наклонил голову: так. — И еще просим, когда армия перейдет в наступление, прикажите 290-й первой идти освобождать Ясную Поляну. Я и комиссар заверяем: дивизия оправдает доверие.

Выражение лица Ермакова несколько смягчилось. Спросил меня официально:

— Как вы полагаете, товарищ член Военного совета?

— Просьбу комдива и комиссара, товарищ командующий, надо удовлетворить.

Ермаков снова повернулся к Рякину с Михайловым.

— Вы свободны.

Когда они ушли, генерал воскликнул:

— Сильные люди! До чего сильные люди!

— Верно, Аркадий Николаевич. Сильные, настоящие! И если придется им нести ответ, не дрогнут, ответят.

— Да, я верю: не струсят. Только надо им помочь, Константин Леонтьевич, поддержать морально.

— Хорошо, Аркадий Николаевич, направлю опытных коммунистов.

Спустя полчаса в дивизию убыл заместитель начальника политотдела армии старший батальонный комиссар В. Я. Головкин с группой политработников. Всю ночь прорели они там.

На рассвете в штаб армии явились полковник Рякин и старший политрук Михайлов. Не вдаваясь в подробности, доложили, что соединение приведено в порядок.

— Теперь все...

Командир и комиссар были готовы принять суровое наказание за пусть и вынужденное, но все-таки оставление дивизией оборонительного рубежа. Однако наложить взыскание никогда не поздно. Так, видимо, и решил Ермаков. Обменявшись со мной коротким взглядом, приказал:

— Выводите дивизию в Тулу. Рубеж обороны — северный берег Упы. Мосты минированы, учтите. Они не должны достаться врагу в случае его прорыва...

Рякин и Михайлов ушли.

Но что же происходило в Ясной Поляне после отхода оттуда 290-й стрелковой дивизии? А вот что. Во второй половине дня танки и мотопехота противника вышли к Косой Горе. Здесь, всего в четырех километрах от Тулы, противника встретили воины 31-й кавалерийской дивизии, которых поддерживали артиллеристы 154-й и 217-й стрелковых дивизий.

Бой у Косой Горы, за которым я следил с НП 154-й дивизии, и сейчас перед моими глазами, словно закончился только вчера. Он кипел всюду, на земле и в воздухе. Артиллерийским огнем непосредственно руководил начальник артиллерии армии. Константин Николаевич Леселидзе эффективно применил тактику кочующих батарей. В первые же минуты загорелось полтора десятка вражеских танков. Почти полностью была уничтожена наступавшая вслед за ними пехота.

И опять я в затруднении, опять раздумываю, кого же выделить особо. Героизм наши люди проявляли массовый. Кавалеристы и стрелки, артиллеристы, связисты и саперы — каждый из них достоин высочайшей похвалы. Расстреливая прямой наводкой фашистские танки, до последнего вздоха руководил действиями подчиненных командир взвода лейтенант Н. Т. Данилов. Будучи тяжело раненным, заменил убитого пулеметчика комсомольский вожак лейтенант Хлопня. Он разил меткими очередями гитлеровцев до тех пор, пока не остановилось его сердце, пробитое пулей.

Храбро сражались легчики поддерживавшей нашу армию авиагруппы полковника А. А. Демидова. Истребители беспрерывно атаквали фашистских стервятников, не давали им вести прицельное бомбометание. А тем временем наши штурмовики, точно выходя на цель, наносили по танкам и мотопехоте противника один удар за другим.

Бой длился до позднего вечера. В тот памятный день войны 50-й неприступной стеной встали на пути врага. Дальше Косой Горы он не прошел. Попытка захватить Тулу с ходу, вынужден был признать впоследствии Гудериан, встретила сильную противотанковую и противовоздушную оборону и кончилась провалом.

Что верно, то верно: противотанковая и противовоздушная оборона была у нас действительно крепкая, надежная. Но только ли ею объяснялась неудавшаяся попытка врага захватить город с ходу? Кроме всего прочего мы обладали еще оружием, какого у немецко-фашистских агрессоров не было и быть не могло. Это оружие особого рода — ленинское учение о защите социалистического Отечества. В нем мы черпали новые силы и энергию в борьбе с ненавистными захватчиками, им руководствовались в повседневной партийно-политической работе, цель которой была одна: воспитать стойких, мужественных, умелых защитников Родины, наделенных высочайшими морально-боевыми качествами. И сейчас, не скрою, мне приятно сознавать, что наши

усилия давали добрые плоды, ибо не случайно же с опытом партийно-политической работы, проводимой в ротных и равных им подразделениях войск 50-й армии, впоследствии получили возможность ознакомиться и, значит, что-то пережить во многих частях Красной Армии.

Произошло это так. В одной из наших стрелковых частей служил старшина С. И. Хирков. Был он уже в годах, до войны успел изрядно потрудиться в Салтыковском районе моей родной Саратовщины председателем крупного колхоза и председателем Еланского сельсовета. Словом, опыт воспитательной работы с людьми имел достаточный. А если учесть, что на фронте Хирков показал себя, как и подобает коммунисту, смелым и умелым бойцом, будет понятно оказанное ему доверие: он стал парторгом стрелковой роты.

Горячо, с большим желанием приступил Хирков к выполнению нелегких обязанностей партийного вожака боевого подразделения. Пользуясь советами и рекомендациями политработников, он за короткий срок добился того, что, несмотря на свою малочисленность, коммунисты роты стали ее ведущей силой. На поле боя, в учебе и быту — всегда и всюду служили они для своих беспартийных товарищей добрым примером.

К тому времени у меня выработалась привычка при удобном случае непременно заглянуть в редакцию нашей армейской газеты «Разгромим врага». Во время одного из таких посещений я сказал редактору:

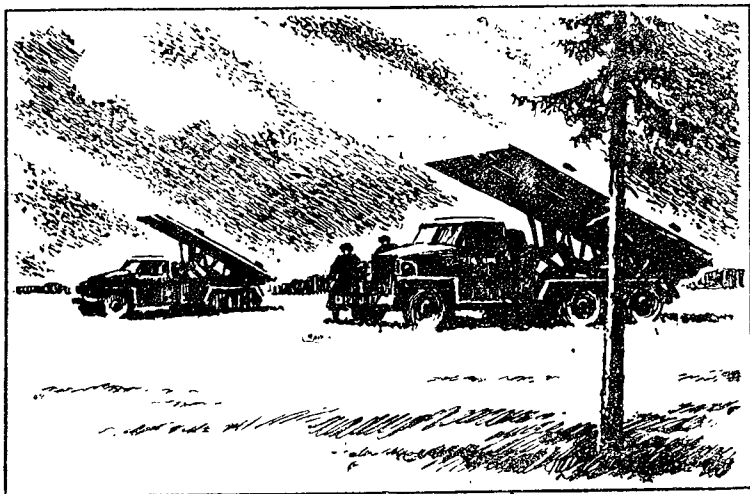
— А почему бы вам не познакомить читателя с опытом работы лучшего парторга?

И вот на страницах газеты, правда уже после того как я был назначен начальником политического управления Закавказского фронта и с 50-й армией мне пришлось расстаться, появились «Письма парторга стрелковой роты». Вскоре Военное издательство выпустило их отдельной брошюрой и разослало по всем фронтам Великой Отечественной. Насущные вопросы поднимал и освещал в своих письмах Хирков — как планирует свою работу, как готовит и проводит партийные собрания, как воспитывает ненависть к врагу и многое другое.

Листаю теперь подшивку газеты, ее уже пожелтевшие страницы, и кажется, что от каждой из них все еще пахнет пороховым дымом. Вот взгляд задерживается на одном из писем. Читаю: «Партийная работа в бою... К чему она сводится? Чтобы коммунист личный пример подавал, чтобы всегда впереди был, чтобы товарищей не забывал и умел не теряться в бою, увлекал бы за собой других бойцов.

Когда после штурма деревни Сычевка мы созвали партийное собрание, чтобы поговорить об итогах боя, выяснилось, что коммунисты действовали примерно, точно выполняли приказы командира. Значит, до этого трудного дня партийная организация работала правильно и сумела подготовить людей к бою».

«Сумела подготовить людей к бою...» Этим умением партиорганизация роты во многом была обязана старшине Хиркову — пламенному патриоту, бесстрашному партийному вожаку, все физические и душевные силы которого были подчинены одному: защитить от врага родную советскую землю. Отражая атаку гитлеровцев, старшина с гранатами в руках бросился на танки, увлекая за собой бойцов. В этом сражении они потеряли своего парторга Степана Игнатьевича Хиркова. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Глава пятая ОГНЕННЫЕ РУБЕЖИ

1

Бой на Косой Горе положил начало сражению непосредственно за Тулу. И хотя танки противника были остановлены, мы понимали, что враг, без сомнения, повторит свои атаки.

По приказу командующего 50-й армией начальник Тульского боевого участка генерал В. С. Попов в ночь на 30 октября произвел перегруппировку войск. Переместился и штаб армии. Из Механического института, где он находился, перебрался в Медвенку, что в нескольких километрах северо-восточнее Тулы. Отсюда буквально за считанные часы наладили устойчивую проводную и телеграфную связь со Ставкой Верховного Главнокомандования, с Брянским фронтом и своими соединениями.

В полночь 30 октября командующего армией и меня вызвал к аппарату ВЧ Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. Уточнил, где мы сейчас находимся. Выслушав командарма, проговорил:

— Хорошо, товарищ Ермаков. От того, насколько удачно выбрали вы новое место расположения штаба, будет зависеть очень многое. По вашему тону понял: оно вас вполне удовлетворяет.

— Вполне, — подтвердил командующий. — Обстановка для работы штаба здесь значительно благоприятнее, чем в Механическом институте, отсюда можно более оперативно руководить войсками.

— Согласен с вами, товарищ Ермаков. Доложите подробно обстановку.

Во время доклада маршал еще и еще раз просил уточнить расположение частей — и наших, и противника. В заключение сказал:

— За Косую Гору — спасибо! Молодцы, что вы навязали противнику бой и остановили его. Но учтите, завтра он нанесет удар гораздо большей силы. Особое внимание обратите на свои фланги. Не дайте немцам обойти вас и ударить с флангов и тыла. Берегите и разумно используйте артиллерию, в борьбе с танками она главная наша сила.

Связь действовала безотказно, голос из трубки доносился четко, громко, так что и я все слышал отлично.

В разговор вступил заместитель председателя Государственного Комитета Обороны В. М. Молотов. Он поинтересовался моральным состоянием войск, организацией питания, материальным и боевым обеспечением.

— С питанием, Вячеслав Михайлович, нормально. Моральный дух бойцов выше похвалы. Но плохо с зимним обмундированием. И другая у нас беда: мало боеприпасов, особенно для противотанковых пушек.

Молотов твердо пообещал:

— Снарядов вам подвезут. Обмундирование пришлем.

Трубку взял И. В. Сталин. Он сразу же спросил:

— Скажите, товарищ Ермаков, прямо и честно: удержите вы своими силами Тулу или не удержите?

Прямой вопрос требовал и прямого ответа. Ермаков взглянул на меня. Я кивнул: дескать, докладывай — удержим непременно. Но все-таки и секундное замешательство Ермакова, как видно, насторожило Верховного Главнокомандующего. Он сказал:

— Я полагаю, что вы и член Военного совета армии понимаете значение Тулы для обороны Москвы?

Голос Сталина был ровный, спокойный. Ермаков ответил:

— Член Военного совета бригадный комиссар Сорокин рядом со мной. Значение Тулы, товарищ Сталин, мы понимаем и город врагу не отдадим. Для этого командование армии и вверенные нам войска сделают все!

— Верю, товарищ Ермаков. Продержитесь еще несколько дней. Поможем вам и танками, и бойцами.

На этом разговор был окончен. Для нас он оказался во всех отношениях исключительно ободряющим. Во-первых, никаких замечаний по поводу расположения войск и перемещения штаба на новое место мы не получили, следовательно, действия командования армии по организации обороны Тулы были признаны правильными, и мы могли считать, что Ставкой они утверждены. Во-вторых, все трое — Шапошников, Молотов, Сталин — обещали нам помощь. И то, что она будет, мы не сомневались. Действительно, вскоре, когда было еще темно, мы получили сведения: в семь часов утра севернее Тулы на станции Хомяково начнет разгружаться поступающая к нам 32-я танковая бригада полковника И. И. Ющука, а в Сталиногорск прибывают первые эшелоны 413-й стрелковой дивизии генерал-майора А. Д. Терешкова.

— Ну, комиссар, — воскликнул Ермаков, — живем! Теперь-то уж живем!

Радость командарма было легко понять. Помощь своевременная и серьезная. В 32-й танковой бригаде насчитывалось тридцать пять машин, правда, два десятка устаревших конструкций, зато десять Т-34 и пять мощных КВ.

Внушительную силу представляла 413-я стрелковая дивизия, созданная на востоке страны. Укомплектована она была в основном жителями Красноярского края, Новосибирской и Амурской областей. Имелось в ней тринадцать тысяч шестьсот сорок девять человек. Многие из ее состава воевали у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, некоторые участвовали в войне с белофиннами. Словом, соединенные крепкое, боевое. И вот сейчас оно заняло оборону в районе Сталиногорска, а танковую бригаду командующий армией оставил в своем резерве.

Поспать в ту ночь нам не пришлось. Ермакову необходимо было проследить за выгрузкой прибывших соединений и при необходимости с ходу ввести их в бой, а я отправился пешком к генералу Попову в Зареченский райком партии, где обосновался командный пункт оперативного штаба Тульского боевого участка. Неожиданно из-за угла какого-то дома навстречу мне выскочил заросший рыжей щетиной здоровенный детина с мешком на плечах. Вслед за ним еще несколько мужчин, нагруженных кулями, коробками, свертками. Все они торопливо разбежались по пригхшим улицам города в разные стороны.

Я приостановился. Кто такие? Что и куда тащат? Уж не грабители ли? Нет, не может быть, тут что-то другое. Впрочем, почему не может? Грабители только и поджидают

таких вот подходящих моментов. Попытался одного задержать. Тот моментально бросил свою тяжелую пошу и юркнул в узкий темный переулок.

Следовало принять решительные и немедленные меры. Я тотчас же сообщил об увиденном в обком партии, связался с начальником гарнизона полковником С. А. Ивановым и приказал:

— Усильте патрульную службу на улицах. Выделите наряды для охраны магазинов и складов.

Вскоре порядок в городе был восстановлен. Грабителей привлекали к уголовной ответственности по законам военного времени. Я присутствовал на допросах некоторых виновных. Среди них оказались, к сожалению, и женщины.

— Как же вы, гражданка, грабежом-то занялись? — спрашивает следователь плачущую молодку, задержанную с кулком макарон.

— Слух пошел промеж людей, что немец в Тулу зашел, а где немец, там, известно, голод, люди мрут. А у меня, гражданин следователь, трое детишек на руках...

— Где ваш муж?

— Там... — Она показала в ту сторону, откуда доносилась артиллерийская стрельба. Против фашистов воюет. Где ж ему еще быть?!

В общем, не разобралась женщина, что к чему, поддавалась на провокацию. Таких, конечно, отпускали, а забрасываемых в город вражеских агентов, пытавшихся посеять панику, расстреливали.

2

Если мы, не зная сна и отдыха, напряженно готовились к новым боям, то и противник не дремал. В течение той же ночи на 30 октября он, по сведениям разведки, перегруппировал силы и сосредоточил на южных подступах к Туле 3, 4 и 17-ю танковые, а также 29-ю моторизованную дивизии. Утром, после артиллерийской подготовки, враг начал штурм города.

Как вскоре стало ясно, главный удар гитлеровцы нанесли с юга, вдоль Орловского шоссе. Наступление повели одновременно пехота с полсотней танков при мощной поддержке артиллерии. Восточнее шоссе со стороны Гостевки в атаку ринулись подразделения мотопехоты и три десятка бронемашин. По Сталиногорскому шоссе наступали мотоциклисты и восемнадцать танков.

Первая атака фашистов захлебнулась. Не принесли им успеха и вторая, третья. Все поле боя было усеяно трупами гитлеровцев. Лишь после четвертой атаки, поддержанной сосредоточенным огнем артиллерии и минометов, врагу удалось занять поселок Рогожинский, но это и все. Дальнейшее продвижение противника было остановлено совместными усилиями наших танкистов, стрелков, артиллеристов.

Война есть война, и избежать потерь нам не удалось. Однако неизмеримо больший урон понесли фашисты. В оперативном донесении штабу Брянского фронта Военный совет 50-й сообщил, что 30 октября войска армии вели напряженные бои на подступах к Туле и в течение дня уничтожили тридцать один вражеский танк и до полка пехоты.

Ночь прошла в тревогах и заботах о завтрашнем дне. Из разведывательных данных было известно, что немцы подтягивают свежие силы, и необходимо приготовиться к новым ударам. Командование армии решило перегруппировать войска с учетом только что проведенных боев.

— Вот сюда, левее Тульского рабочего полка, — говорил Ермаков, бодя остро заточенным карандашом по расстеленной на столе карте, — поставим 473-й полк полковника Краснопивцева. Он займет оборону от реки Упа по Воронежскому шоссе до городского парка. Начальник штаба согласен? Член Военного совета тоже? Хорошо, идем дальше. Сюда, к переднему краю, подтянем 702-й армейский артиллерийский полк для стрельбы по танкам прямой наводкой. Кроме того, на направление главного удара противника вдоль Орловского шоссе выдвинем танки 32-й бригады...

Утром 31 октября первый батальон этого полка вступил в бой. Однако едва наши танки вышли на заданный рубеж, как сразу же попали под обстрел, и три машины оказались подбитыми.

Это были ощутимые для нас потери. Когда о них доложили командарму, тот ударил кулаком по столу, что случилось с ним весьма редко.

— Три танка! Понятно, война. Все понятно. Но за считанные минуты потерять три танка! — И распорядился: — Николай Емельянович, немедленно разберись, в чем дело.

Полковник Аргунов ответил, что он уже отправил в батальон своего помощника подполковника И. А. Кузовкова. А я добавил:

— И начальник политотдела там. Пусть вникнет в суть по своей линии, с комиссаром поговорит, с коммунистами встретится.

— Пусть!

Кузовков вернулся из батальона раньше Богданова. Доложил: потери боевых машин произошли потому, что местность вдоль Орловского шоссе противник успел заранее пристрелять по всем видимым ориентирам.

Зная помощника начальника штаба как человека острого аналитического ума, я спросил:

— Каков же, Иван Александрович, вывод?

Кузовков, не мешкая, ответил:

— Единственный — искать иные методы борьбы, менять тактику применения танков в обороне.

— Да, — согласился Ермаков, — менять. Да, искать! Что ж, Константин Леонтьевич, Кузовков свое сделал, а Богданов, уверен, делает. Теперь наша очередь ехать...

И вот мы у танкистов. Встретились с полковником И. И. Ющуком и комиссаром бригады старшим батальонным комиссаром Д. В. Курбацким, с другими командирами и политработниками. Советуясь, прикидывая так и этак, перебрали несколько вариантов применения танков в обороне. В конце концов сошлись на том, что разумнее всего использовать их для действия из засад и как кочующие орудия.

Так и поступили. Танковые батальоны были рассредоточены по участкам обороны. Вместе с артиллерийскими расчетами они сыграли, пожалуй, главную роль в сражении за Гулу. Многие населенные пункты вблизи ее по нескольку раз переходили из рук в руки, но город оставался неприступным для гитлеровцев.

Десятилетия отделяют нас от тех огненных дней. Зарубцевались раны на земле, а сердце все кровоточит, и перед глазами встают дорогие образы тех, кто стоял тут насмерть, кого знал лично. Один из них — командир стрелковой роты 510-го стрелкового полка лейтенант Н. П. Филиппов — молодой, крепкий, статный парень. Гранатами и бутылками с горючей смесью подрывали и жгли он и его бойцы фашистские танки, в упор расстреливали пехоту. Четыре атаки отбили храбрецы. Раненый лейтенант остался в боевом строю и при отражении очередной атаки пал смертью героя.

Бережно храню все эти годы копию донесения политотдела армии о подвиге бойцов 1-го эскадрона 111-го кавалерийского полка. Эскадрон оборонял село Белое. Враг имел многократное превосходство в людях и силе огня, непрерывно атаковал, но кавалеристы не отступали. В живых осталось только шесть человек. Они держались до конца. Лишь когда кончились патроны, когда были израсходованы

последние гранаты, они штыками проложили себе дорогу и вышли к своим.

В этот день враг ни на шаг не продвинулся к городу. Все его исступленные атаки были отбиты. И где-то уже ближе к полуночи, когда лишь изредка то тут, то там одиноко ухали дежурные пушки гитлеровцев, генерал Ермаков, переговорив по телефону с командирами дивизий и выслушав их доклады о готовности соединений к бою, который, мы знали, возобновится если не через два-три часа, то уж с рассветом-то обязательно, сказал мне:

— Кажется, Константин Леонтьевич, самый подходящий момент рассмотреть на заседании Военного совета директиву по партийно-политической работе...

Разумеется, за давностью лет я не смогу сейчас воспроизвести слово в слово составленную мною совместно с политотделом и адресованную политработникам армии специальную директиву. Разыскать в архиве ее оригинал или хотя бы копию мне не удалось, не помню я во всех деталях и своего выступления на Военном совете, но за его общий смысл ручаюсь. Война с немецко-фашистскими ордами, говорил я, это война за жизнь русского, украинского, белорусского и других братских народов СССР, война за жизнь наших отцов и матерей, жен и детей, за существование нашей социалистической Родины, нашей Советской власти. Священный долг политработников — воспитывать ненависть к гитлеровцам, творящим зверства в отношении пленных и мирного населения на временно захваченной территории, воодушевлять бойцов и командиров на яростную борьбу за каждый метр земли на подступах к Туле...

В тот же день, 1 ноября, армейская директива по партийно-политической работе приобрела реальную силу. Политработники, коммунисты призывали воинов стоять насмерть, разъясняли значение Тулы для общего хода сражения за Москву, рассказывали о помощи Ставки защитникам города. Это поднимало моральный дух личного состава, умножало его силы, укрепляло решимость любой ценой, даже ценой жизни, остановить врага.

А фашисты вновь и вновь бросали танки и мотопехоту на штурм Тулы. Как мы накануне и предполагали, бой 1 ноября начался с рассветом и не утихал до позднего вечера. Высокого накала он достиг в полосе обороны 154-й стрелковой дивизии. За день наши воины отбили шесть атак противника и сами не раз переходили в контратаку.

Несколько необычный бой разгорелся в ночь на 2 ноября. И в номере газеты «Известия» за ту же дату была на-

печатана обширная корреспонденция об этом бое. «Части г. Ермакова, — писал автор, — днем и ночью отражают атаки врага, удерживают оборону. В одном месте немцы пытались пройти к городу в обход с фланга, но наскочили на наш укрепленный район. Десять вражеских танков было подорвано...

Сегодня ночью враг сделал еще одну отчаянную попытку прорваться сквозь оборону. Большая группа фашистских танков развернутым строем, с зажженными фарами, без выстрелов подошла к оборонительным укреплениям. При отражении ночной танковой психической атаки наши артиллеристы и пехотинцы показали высокие образцы выдержки. Они без выстрела вплотную подпустили танки и в упор стали расстреливать фашистскую колонну. Под покровом ночи к танкам подползли наши пехотинцы с бутылками и гранатами.

Психическая ночная атака завершилась бегством немцев».

Все так в действительности и было. Я и сейчас вижу те гитлеровские бронированные машины с зажженными фарами (я находился тогда на НП полковника К. И. Леселидзе), слышу повелительный голос командира противотанковой батареи, имени которого память, к сожалению, не сохранила:

— Без команды не стрелять! Не стрелять! Подпускать ближе! Как можно ближе! Теперь все. Огонь!.. Огонь!.. Огонь!..

3

Над изравненным фронтовым городом голубело небо. Солнце светило ярко, но тепла не чувствовалось. Было непривычно тихо, безлюдно. Вдоль улицы Коммунаров — оцетинившиеся противотанковые заграждения. Центральный район — в баррикадах. И всюду, куда ни кинешь взгляд, укрытия для населения от воздушных палетов противника: щели, траншеи, тоннели. Вот таким запомнилось мне 2 ноября.

Затишье в тот день было по всему фронту обороны нашей армии. Враг получил удар, что называется, покаутяряющий. Теперь он подтягивал новые силы, проводил перегруппировку войск. Не шутка — лишь за последние бои фашисты недосчитались семидесяти пяти танков. Впрочем, потери понесли не только их танковые части. Замолчали

многие артиллерийские и минометные батареи, пулеметные точки, подавленные нашим огнем. Заметно поредели пехотные подразделения: за четыре дня наши войска уложили на подступах к Туле тысячи гитлеровских солдат и офицеров.

И тем не менее противник не отказался от своих замыслов сломить сопротивление 50-й армии. Разведка установила, что он получил большое пополнение живой силой и около сотни танков. Стало известно и то, что враг выдвигает в район Дубки 43-й армейский корпус генерала Хейнрица. Части этого корпуса уже появились перед обороной нашей 194-й стрелковой дивизии. Одновременно южнее Осиновой Горы сосредоточивались танки. Кроме того, значительные силы двигались на Болохово и Деделово. Сюда подтягивался 53-й армейский корпус генерала Вайзенбергера. С выходом в район Сталиногорска он прикрывал фланги и тыл 24-го танкового корпуса от наших ударов.

Обходный маневр противника обозначался теперь уже более ясно и определенно. Данные разведки и выводы командования армии вскоре подтвердились полностью: гитлеровцы решили обойти Тулу с востока. Для Военного совета 50-й это не явилось неожиданностью. Мы своевременно приняли меры для укрепления обороны вокруг города и на ближних подступах к нему. Армия была готова встретить натиск врага как с направления главного удара, так и с флангов и тыла. Приказ войскам оставался неизменным: ни шагу назад!

Военный совет решил воспользоваться наступившей паузой в боях и провести армейское совещание политработников — начальников политотделов, комиссаров соединений и частей. В связи с тем что разговор должен был идти о документе исключительной важности — директиве Верховного Главнокомандующего о защите Тулы, то в работе совещания приняли участие представители Главного политуправления Красной Армии бригадный комиссар В. С. Веселов и первый секретарь обкома партии В. Г. Жаворонков.

Не скажу, что тогда у меня были слабые нервы или я не умел управлять своими эмоциями. И все-таки, помню, излагая директиву — зачитывать не было надобности, знал ее наизусть, — испытывал сильнейшее волнение, голос мой заметно дрожал. Оно и понятно. Верховный Главнокомандующий ставил задачу не кому-нибудь, а непосредственно нам, воинам 50-й армии: город врагу не отдавать.

Ответ армейских участников совещания на директиву Верховного Главнокомандующего был тверд, единодушен,

краток: защита Тулы есть защита Москвы; в Туле фашистам не бывать!

Такую же уверенность выразил в своем выступлении и бригадный комиссар Веселов. Он еще раз подчеркнул, какое огромное значение Ставка придает обороне Тулы в общем сражении за столицу нашей Родины, рассказал о помощи, оказываемой 50-й армии.

— Эту помощь, товарищи политработники, — говорил Веселов, — вы ощущаете повседневно. В вашу армию вливаются все новые соединения и части, а в эти дни прибыл полк реактивной артиллерии. Во все большем количестве получаете снаряды, мины, патроны. Усилена авиагруппа, которая в значительной степени парализует действия авиации противника, наносит ощутимые удары по его наземным войскам...

Слово взял Жаворонков. Он информировал участников совещания о мобилизации областной парторганизацией сил и средств на защиту города, о борьбе партизан в тылу врага. Борьбу же народные мстители вели поистине героическую. Спустя некоторое время, 19 декабря 1941 года, в приказе № 23 по войскам 50-й армии говорилось, что на территории Тульской области партизанские отряды и диверсионные группы, по неполным данным, сожгли и уничтожили пятнадцать фашистских танков, один броневик, сто две автомашины с боеприпасами, горючим и продовольствием, тридцать пять мотоциклов, семьдесят повозок, пустили под откос два железнодорожных состава с войсками и техникой. Истреблено до тысячи двухсот фашистских солдат и офицеров. Выведено из строя пять орудий, девятнадцать пулеметов, много автоматов и винтовок. Собраны и переданы командованию весьма ценные данные о противнике — о скоплении мотомехчастей и обозов по тремстам шестидесяти пяти населенным пунктам, о войсках противника в шестистах семидесяти населенных пунктах, ремонтно-заправочных базах в тридцати четырех пунктах. Выявлено шестнадцать аэродромов и посадочных площадок, установлено наличие штабов в ста девяносто четырех населенных пунктах и выявлено девятьсот пятьдесят вражеских огневых точек. Распространено и расклеено до десяти тысяч листовок¹.

Вторым вопросом на совещании была подготовка к 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической револю-

¹ ЦАМО, ф. 405, оп. 9769, д. 2, л. 285—286.

ции. И здесь политработники были единодушны: лучший подарок к празднику — новые сокрушительные удары по оккупантам.

— Не пожалеем для этого крови, — говорили они, — а если потребуется, то и жизни. В бою наше место, место коммунистов, — впереди! Но и этого мало. Сделаем все, чтобы на нас держали равнение остальные товарищи!

При очередном разговоре с Главным политуправлением Красной Армии, а связь с ним у нас поддерживалась постоянная, генерал Кузнецов, когда я доложил ему о только что проведенном совещании и о сложившейся на нашем участке фронта боевой обстановке, убежденно сказал:

— Верю, коммунисты 50-й слово свое сдержат! Они неизменно показывают добрый пример всему личному составу. Хотя, конечно, понимаю, трудно вам, тулякам. — Там, на противоположном конце провода, на некоторое время установилось молчание, затем хорошо знакомый мне голос Федора Федотовича послышался снова:—Надеюсь, Константин Леонтьевич, помните, что скоро праздник?

— Через четыре дня.

— Верно, через четыре. Так вот, к празднику в Москве намечается ряд мероприятий. Надо организовать дело так, чтобы бойцы услышали по радио доклад Сталина. Ну и все остальное... Вы меня попяли?

— Да-да, я попял, Федор Федотович.

— Хорошо. Чтоб праздник был как праздник!

— Готовимся. Об этом на совещании шел разговор.

— Чем вам еще помочь?

— Все тем же, Федор Федотович: в частях снова нехватка политработников. Уж очень велики их потери...

— Подошлем. На многое не рассчитывайте, по туляков не обойдем.

Действительно, Главное политуправление и на этот раз не обошло нас вниманием. В армию для укрепления политорганов прибыло несколько групп опытных коммунистов. Получили мы и литературу, и листовки для распространения в тылу противника и в его войсках, и все необходимое для выпуска многотиражных газет в соединениях, где их еще не было. И по-прежнему, что было особенно ценным, слышали теплые слова ободрения, поддержки со стороны работников Главного политического управления Красной Армии. Делали они для нас очень многое. Скажем, пребывание в армии бригадного комиссара В. С. Веселова далеко не ограничилось участием в совещании. Он выступил с докладами в соединениях и частях перед бойцами, коман-

дирами и политработниками, рассказал о положении на фронтах, о жизни страны и событиях на международной арене. И мы были очень благодарны ему за оказанную помощь.

...Только что закончилось составление праздничного приказа, и командарм попросил начальника штаба:

— Николай Емельянович, прочитай, пожалуйста, что получилось. Да не торопись, с выражением.

Аргунов откашлялся, четко произнес название праздничного приказа, затем выжидательно посмотрел на нас: так? Мы дружно одобрили:

— Так. И больше не прерывайся.

Начальник штаба продолжал:

— «Товарищи бойцы, командиры и политработники!

В грозные дни испытаний для нашей Родины советский народ и Красная Армия отмечают 24-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Не считаясь ни с какими потерями, фашисты рвутся к сердцу нашей Отчизны — любимой Москве. На ее подступах уничтожены сотни вражеских танков, самолетов, орудий, десятки тысяч солдат и офицеров. Только за десять дней боев за Тулу противник потерял двадцать пять самолетов, до ста танков и дивизию пехоты. Напрягая последние усилия, враг хочет добиться решающих успехов до наступления холодной русской зимы...»

Аргунов сделал передышку, и в это время в штаб не то что вошел, а влетел Леселидзе. Был он в приподнятом настроении, вид имел торжественный. Выбрит до сивовы, сапоги блестят, обмундирование наглажено. Начальник артиллерии всегда очень следил за собой, зная, что опрятный вид командира дисциплинирует подчиненных, а сейчас прямо-таки сиял.

— Прошу извинить, товарищ командующий. Я не помешал?

— Нет, Константин Николаевич. У тебя есть минут тридцать?

— Есть.

— Тогда садись и слушай.

После того как Аргунов прочитал приказ до конца, мы посоветовались, что в него следует добавить, что убрать, затем Ермаков спросил Леселидзе:

— Ну что, пора, Константин Николаевич? Вижу, пришел неспроста.

— Пора, товарищ командующий. Устроим хороший фейерверк!

Разъясню ситуацию: наши артиллеристы получили приказ тщательно наблюдать за сосредоточением вражеских войск и подготовиться к тому, чтобы хорошенько накрыть их в подходящий момент. Такой момент приближался, условия для эффективного огневого удара складывались весьма благоприятные, особенно если учесть, что в армию прибыли «катюши».

Все мы, и Ермаков, и Аргунов, и я, отправились к Леселидзе на наблюдательный пункт. Отсюда позиции противника просматривались отлично. И без оптических приборов было видно, какие крупные силы подтягивают фашисты.

— Разрешите, товарищ командующий?

— Да, Константин Николаевич, начинайте!

Леселидзе подал команду. «Заиграли» два дивизиона реактивной артиллерии. Одновременно ударили все орудия и минометы, находящиеся на этом участке. В расположении гитлеровцев поднялось багровое зарево, и тотчас, как живая, вздрогнула земля.

Огненные кометы «катюш», снаряды, мины рвались вперемешку. Их частые разрывы слились в сплошной гул. И столбы дыма и земли тоже соединились в сплошную клубящуюся стену. Артиллерийский же гром снова и снова потрясал окрестность. Не успевали погаснуть короткие молнии одного залпа, как сверкали вспышки другого.

— Спасибо, — поблагодарил Ермаков. — Фейерверк что надо! Побольше бы нам такой музыки.

Но и то, что мы имели теперь, полковник Леселидзе использовал с отменным мастерством. Батареи реактивной артиллерии неожиданно появлялись в разных местах. Умелый маневр — кстати, я рассказывал раньше, что он применялся и в 16-й армии, — создавал впечатление, что мы располагаем далеко не двумя лишь дивизионами грозных «катюш».

...Затяжные осенние дожди прекратились. Заметно похолодало, а на рубежах обороны по-прежнему было жарко. Теперь противник упорно рвался в обход города. Впрочем, не прекращал он и фронтальных атак. Однако и мы не только отбивались. 413-я стрелковая дивизия нанесла сильный удар и выбила противника из Дедилово. Так состоялось боевое крещение дальневосточников. Экзамен на ратную зрелость они выдержали с честью. Под Дедилово и другими населенными пунктами воины соединения подбили и сожгли тридцать вражеских танков, уничтожили две минометные батареи и около пятисот солдат и офицеров.

— Это, — говорили дальневосточники, — наш подарок предстоящему празднику.

А праздник был уже рядом. И все мы, от бойца до командующего, жили его ожиданием. Подготовку к 24-й годовщине Великого Октября широко осветили армейская газета «Разгромим врага» и дивизионные многотиражки, они постоянно рассказывали о героизме и мужестве личного состава. В части и подразделения приезжали гости — рабочие, инженеры, служащие тульских предприятий, колхозники из деревень. В партийные организации поступили сотни заявлений воинов с просьбой о приеме в партию. И в каждом непременно говорилось: «Хочу идти в бой коммунистом!»

Глава шестая КОНТРУДАР

1

Месяц боев на тульском направлении не принес противнику желаемых результатов. Путь от Мценска враг оплатил дорогой ценой, устелив его трупами своих солдат и офицеров, сожженными танками, разбитыми орудиями и минометами. А под стенами Тулы он получил такой отпор, что вынужден был стягивать сюда все новые и новые войска, снимая их с других участков.

К 6 ноября против 50-й армии сконцентрировали свои усилия соединения 2-й танковой армии и других немецких войск. Тут надо заметить, что находились они в наступательных группировках и не имели серьезных оборонительных укреплений, притом были измотаны непрерывными боями. Ожесточенность этих схваток держала гитлеровцев в постоянном напряжении. Моральный дух противника был надломлен тем, что план его удара через Тулу на Москву срывался, и не случайно Гудернан впоследствии признавался: дело дошло до паники. «Эта паника,—писал он,— возникшая впервые со времени начала русской кампании, явилась серьезным предостережением, указывающим на то, что

наша пехота истощила свою боеспособность и на крупные усилия уже более неспособна»¹.

Свидетельство весьма красноречиво. Но если противник переживал серьезный кризис в результате полученного отпора, то в наших войсках наблюдался как раз обратный процесс. Бойцы, командиры неустойчиво рвались в бой, и неизменно рядом с ними были политработники. Вот это-то — чтобы политработники всегда находились с товарищами по оружию, словом и делом воодушевляли их на ратные подвиги — я, как член Военного совета, и политотдел армии добивались упорно, настойчиво. Мы снова и снова напоминали заветы В. И. Ленина о защите революции, о дисциплине, бдительности. Владимир Ильич писал, что защита Родины, достижение победы над врагом требуют не порыва, не клича, не лозунга, а постоянной напряженной серьезной работы. И наши политработники хорошо поняли это.

В сложившихся условиях командование Брянского фронта приняло решение, согласно которому 50-я, продолжая оборонять Тулу с юга, одновременно с этим во взаимодействии с войсками 3-й армии должна была утром 7 ноября нанести контрудар с севера и северо-запада и уничтожить группировку противника в районе Косая Гора, Ясная Поляна, Щекино. Дальнейшая задача нашей армии — тесно гитлеровцев на запад, выйти на рубеж Павшино, Плавск, Рождественно и здесь занять прочную оборону.

Задача была очень серьезной, ответственной, и, как всегда в подобных случаях, я встретился со старшим батальонным комиссаром Богдановым — ведь именно руководимый им отдел организовывал и проводил в армии всю партийно-политическую работу.

— Немедленно, Иван Михайлович, поднимите на ноги всех политработников! Пусть проведут, где позволят условия, партийные и комсомольские собрания, а где нет возможности — групповые и индивидуальные беседы. Надо добиться, чтобы каждый боец глубоко понял всю важность предстоящего боя.

— Хорошо, — коротко ответил Богданов, — сейчас же соберу своих сотрудников, поставлю задачу...

Буквально через четверть часа, получив необходимые указания — где, с кем и какую провести работу, — полит-

¹ Гудерян В. Воспоминания солдата. С. 233.

отдельцы разъехались по частям, предварительно передав туда соответствующие рекомендации по телефону.

Вот эта черта характера — немногословность, умение с ходу схватить суть дела, незамедлительно нацелить подчиненных на его безусловное выполнение — не могла не проявиться в Богданове. Понятно поэтому, что работали мы с ним дружно, я бы сказал, продуктивно, во всем находили общий язык. Такой язык всегда был важен, а теперь в особенности, поскольку подготовка к контрудару требовала исключительной согласованности в действиях.

— Цель поставлена чрезвычайно решительная, — делится Ермаков своими нелегкими размышлениями с Аргуновым и мною, — и я обеими руками за нее. Но вот вопрос: соответствует ли она нашим возможностям? Контрудар намечается нанести на фронте в двадцать километров, следовательно, стрелковым дивизиям предстоит наступать в очень широких полосах, а между тем, сами знаете, что они недостаточно укомплектованы личным составом и техникой.

— И прежде всего, — уточнил Аргунов, — артиллерией.

— Верно, — согласился Ермаков. — Потому и не хочу скрывать от вас: душа болит за исход операции. Да, враг понес серьезные потери, да, его моральный дух подорван, но противник еще силен, он превосходит нас и в живой силе, и в материальной части...

Решили собрать Военный совет, еще раз проанализировать план операции. На нем зачитали боевой приказ по 50-й о контрударе и обращение к войскам. Каких-либо серьезных замечаний высказано не было. Командарм вновь перечитал приказ, немного подумал, подписал и передал его мне.

— Возражений не слышу. Прошу, товарищ член Военного совета, если и у вас нет возражений, подписывайте.

Вечером того же дня, а дело происходило 6 ноября, командарм поставил задачи соединениям. Удар по противнику намечалось нанести двумя группировками по сходящимся направлениям. Одна из них (413, 260-я стрелковые дивизии и 32-я танковая бригада) наступала в общем направлении на Ясную Поляну; другая (290-я стрелковая дивизия, усиленная артиллерией из 217-й стрелковой дивизии и несколькими танками) наносила удар в направлении Косая Гора. 58-й армейский запасный стрелковый полк должен был овладеть Нижней Китаевкой, что у южной окраины Тулы. Задача остальных соединений и частей — удерживать занимаемые рубежи.

В ночь на 7 ноября никто из нас не сомкнул глаз. Все находились в частях. В штабе остались лишь те, без кого нельзя было там обойтись. Но и в штабе то и дело звучали зуммеры телефонов — звонили из соединений. Это были, конечно, не поздравления с наступающим праздником. Командиры уточняли тот или иной вопрос, просили дополнительно снарядов и мин, настаивали на усилении на том или ином участке артиллерийского огня по врагу.

Боевой порыв личного состава был неудержим. Войска испытывали огромное впечатление от доклада председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями столицы. Это заседание транслировалось по радио вечером 6 ноября. А утром следующего дня, где позволяла обстановка, защитники Тулы, затаив дыхание, слушали трансляцию парада на Красной площади, речь Сталина на нем: «...на вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!.. Пусть осевит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Агитаторы, пропагандисты и парторги, политруки и комиссары, все коммунисты сейчас же взяли на вооружение и широко, а главное, с большой пользой для дела использовали в своей работе и эту речь, и услышанный накануне доклад. Воинов вдохновляло и то, что до этого они вынуждены были отступать, обороняться и только изредка переходить в контратаки, да и то преимущественно лишь батальонного и полкового масштаба, а сейчас наносился контрудар силами двух армий!

...В общий гул сражения ворвался обвальный грохот: заговорили наши славные «катюши». Залп, второй, третий. Позднее выяснилось, что этими тремя залпами 34-го дивизиона реактивной артиллерии в районе населенных пунктов Гостевка и Новобасово, где сосредоточился противник, было уничтожено почти семьсот гитлеровцев, несколько орудий и более трех десятков автомашин с боеприпасами, горючим и смазочными материалами.

Жесточайшие бои разгорелись в полосе наступления 413-й стрелковой дивизии. Здесь оборонялись полк СС «Ва-

ликая Германия» из шести тысяч человек и другие части, поддержанные танками и артиллерией. Вот почему наша дивизия продвигалась медленно. Лишь к исходу дня она овладела населенными пунктами Большая и Малая Еловая и Тихвиновка. Вскоре, однако, соединение было атаковано вражеской пехотой с двадцатью четырьмя танками, что вынудило ее отойти и закрепиться на рубеже Большая Еловая, Барыково.

Настал следующий день. 290-я стрелковая дивизия вплотную подошла к Косой Горе, заняла станцию Рвы и Струково. 260-я стрелковая дивизия ворвалась в Малевку и завязала бой за Гостевку. В это же время 413-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 32-й танковой бригадой овладела рубежом Новобасово, Шиши, Крутое.

Пытаясь вернуть потерянное, противник ввел в дело еще два батальона мотопехоты, пятьдесят восемь танков и из района Гостевка, Тихвинское развернул наступление на Малевку, Большую Еловую. Но сейчас же получил ответный удар.

Действия войск 50-й и 3-й армий продолжались и 9 ноября. Нет, полностью разгромить тульскую группировку гитлеровцев им не удалось — сказались недостаточность сил и средств, а также слишком широкий фронт контрудара — тем не менее результат, и немалый, был палицо. Наши войска хотя и временно, но сумели вырвать инициативу из рук противника и продиктовать ему свою волю. Мы значительно улучшили свое положение, перешли от обороны к активным действиям, что особенно вселяло в воинов веру в собственные силы, укрепляло решимость отстоять Тулу. И не случайно именно тогда значительно усилился приток личного состава в ряды партии и комсомола, именно тогда многие бойцы, командиры и политработники совершили подвиги. И здесь, вероятно, лучше снова обратиться к документам тех дней.

Так, в своем обращении Военный совет 50-й армии, приветствуя храбрых и мужественных защитников Тулы, призывал воинов следовать примеру особо отличившихся товарищей: «Подражайте бойцам, командирам и политработникам частей Терешкова, уничтоживших 25 вражеских танков, из которых 3 захвачены. Учитесь стойкости и мужеству на примере части Спязова, 15 дней храбро защищавшей подступы к Туле. Боритесь с танками так, как это делают бойцы, командиры и политработники части Зубкова. Держите крепче винтовку, имейте всегда под рукой гранату и бутылки КС, отрывайте глубокие окопы и щели, всегда

маскируетесь, беспощадно уничтожайте тапки противника, и победа будет за нами»¹.

А враг не хотел мириться с крушением своих планов захвата Тулы. В районе населенных пунктов Поповка и Суходол его 31-я и 131-я пехотные дивизии настойчиво проверяли на прочность боевые порядки наших войск. Но главные силы он сосредоточил юго-восточнее, намереваясь отсюда осуществить глубокий обход города. Тут действовали три корпуса из четырех, подтянутых к Туле, причем два из них — 24-й и 47-й — танковые.

Большую опасность представляло и северо-западное направление. Здесь оборонялась 258-я Московская стрелковая дивизия, крепко спаянная, сильная высоким моральным и боевым духом, однако малочисленная. Воины отрыли окопы полного профиля, заминировали танкоопасные направления, короче, хорошо позаботились о том, чтобы враг не прошел, и мы не сомневались: биться они будут яростно. Беспокойно другое. Правый фланг 991-го стрелкового полка, не имея локтевой связи с войсками соседней 49-й армии, оказался оголенным, а прикрыть его нам было нечем. Между тем немецкой 31-й пехотной дивизии оставалось пройти до Московского шоссе всего каких-то пятнадцать километров. К этому следует добавить, что, судя по всему, противнику удалось нащупать слабый стык наших двух армий, и не случайно он подтягивал сюда все больше и больше своих войск.

Командарм пригласил меня к себе.

— Надо, Константин Леонтьевич, посоветоваться.

Вскоре весь Военный совет был в сборе. Генерал Ермаков, по своему обыкновению коротко и четко изложив суть дела, заключил:

— Обстановка складывается, товарищи, весьма опасная. Чтобы разрядить ее, нужны срочные меры. Давайте сообща подумаем: какие?

Через четверть часа — на долгий разговор у нас просто не имелось времени — мы решили: в помощь 258-й Московской стрелковой дивизии бросить 31-ю кавалерийскую, усиленную артиллерией; в районе Варфоломеево сосредоточить 154-ю стрелковую дивизию...

10 ноября решением Ставки 50-я армия была подчинена командованию Западного фронта. Генерал Ермаков немедленно связался со штабом фронта и доложил его командующему генералу армии Г. К. Жукову обстановку.

¹ ЦАМО, ф. 405, оп. 9769, д. 7, л. 81—82.

— Тулу защищайте всеми силами, — выслушав, проговорил Георгий Константинович. — Подробно донесите Военному совету фронта о положении и боеспособности соединений, а также ваши соображения по отражению удара противника на Тулу с северо-запада.

3

В тот же день, то есть 10 ноября, гитлеровцы провели мощнейшую артиллерийскую подготовку и двинулись в направлении на Спас-Кавьяно, Суходол. Вся сила этого удара обрушилась именно на 991-й стрелковый полк, который оборонял деревню Никулино на стыке двух армий. Через эту деревню проходила дорога, связывавшая город Алексин с Тулой, шла также дорога на станцию Суходол и к Московскому шоссе.

Фашисты атаковали гремя, одна за другой, развернутыми цепями. Наши встречали их артиллерийским и пулеметным огнем. Однако, как и прежде, с потерями враг не считался, в Никулино несколько раз переходило из рук в руки. Только к исходу дня противник укрепился в деревне, а затем, так как силы были слишком неравны, занял и станцию Суходол. Оборонявшиеся подразделения отошли на Никулиевские высоты и Варфоломеево.

Следовало восстановить положение. Только каким образом? На Ермакова смотреть было больно. Похудел, лицом потемнел, на лбу прорезались свежие морщины. И при очередной встрече с ним у меня невольно вырвалось:

— Ох и трудно тебе, Аркадий Николаевич!

Он устало потер воспаленные от постоянного недосыпания глаза и спросил:

— А тебе легко? Голова-то вон не по дням, по часам белеет.

— Ну, — попытался я отшутиться, — это по инерции: сесть она начала еще в Смоленске.

Потом мы повели разговор о главном: как выбить противника из захваченных им населенных пунктов? После некоторого раздумья командарм поделился своим замыслом: атаковать немцев частями 194, 258-й стрелковых и 31-й кавалерийской дивизий. И добавил:

— Очень много будет зависеть, Константин Леонтьевич, от партполиграфотников, от коммунистов...

Разумеется, я и сам, а в равной степени и начальник политотдела И. М. Богданов отлично знали это. Не раз и

не два общий успех в значительной степени решали инициативные и целенаправленные действия политсостава накануне и в ходе боя. И сейчас мы с Иваном Михайловичем поставили перед ним задачу: мобилизовать все духовные и физические силы воинов на предстоящий бой.

Инструктор политотдела 413-й стрелковой дивизии старший политрук А. А. Чурсин твердо заверил:

— Все, что будет в наших силах и возможностях, сделаем!

Несмотря на сложную обстановку, в этой дивизии, как, впрочем, и в других соединениях армии, на коротке состоялись партийные и комсомольские собрания, прошли беседы с красноармейцами об умелом использовании оружия, о важности стремительного продвижения вперед в атаке, о взаимной выручке. Были выпущены боевые листки, рассказывающие об отличившихся в предыдущих боях, пропагандирующие их опыт.

В предрассветной тишине 12 ноября без артиллерийской подготовки и без единого выстрела наши цепи поднялись и пошли в атаку. Одетые в маскировочные халаты бойцы сблизились с противником. Завязались ожесточенные рукопашные схватки. Штыкового удара враг не выдержал...

К исходу дня 15 ноября наши части вышли на рубеж Пронино, Кетрин и по реке Упа. Попытки гитлеровцев обойти Тулу с северо-запада были сорваны.

В это же время 413-я и 154-я стрелковые дивизии успешно отразили атаки фашистов юго-восточнее Тулы. 154-я, которой были переданы в оперативное подчинение полки НКВД и Тульский рабочий, стремительным ударом выбила противника из Рогожинского поселка и с кирпичного завода.

Страшная картина представилась нам в поселке. Тут и там лежали трупы мирных жителей, расстрелянных фашистами. Тела изуродованы, глаза выколоты, многие раздеты догола — одежду мародеры забрали себе.

Скорбно склонив головы, в суровом молчании стояли воины около невинных жертв. К горлу подступал комок. Душила ярость. Вызывая к беспощадной мести, глубоко зацкали в сознание слова старшего батальонного комиссара Богданова:

— Смотрите, товарищи, запоминайте. Вот что несут нашему народу фашисты!..

Это был новый урок ненависти к заклятым оккупантам, которые все еще надеялись до наступления зимы захватить Москву и победно закончить войну. У наших воинов было

совершенно другое желание. поэтому-то гитлеровцы накрепко завязли под Тулой.

В боях южнее, а затем и севернее города враг столкнулся с нашей прочной активной обороной. Это заставило его искать иные пути выхода к Москве. Еще 10 ноября мы узнали, что противник сосредоточивает крупную группировку своих войск юго-восточнее Тулы. Фронт его наступления был растянут на 170—180 километров, а главные силы пацеливались на этот раз на Сталиногорск, Венев. Стало ясно: теперь гитлеровцы замышляют глубокий обход Тулы с юго-востока.

Что же мы сделали? Прежде всего ввели в строй находившиеся на доукомплектовании 108-ю танковую дивизию и 11-ю танковую бригаду. К сожалению, и людей, и техники в них не доставало. Не лучше обстояло дело в стрелковых дивизиях, а также в 32-й танковой бригаде. Из недавних боев они вышли значительно обескровленными. Мы вынуждены были из-за отсутствия резервов укомплектовывать некоторые соединения, — разумеется, с ведома командования фронта — за счет расформирования ряда частей. Эти организационные мероприятия, естественно, усилили некоторые соединения, но в целом по армии активных штыков не прибавилось. Однако другого выхода у нас в ту пору не было.

Для оперативного управления войсками левого фланга армии был создан Веневский боевой участок. К нашему счастью, как раз в те дни прибыла и на станции Узловая начала разгружаться 239-я стрелковая дивизия полковника Г. О. Мартиросяна. Она формировалась в Сибири, а доукомплектовывалась в Приволжском военном округе. Совсем недавно соединение участвовало в Куйбышевском праздничном Октябрьском параде. Части ее были хорошо вооружены, экипированы, многие бойцы, командиры, политработники имели фронтовой опыт. На такую дивизию можно положиться, не подведет. Мы направляли ее под Сталиногорск, что позволило надежно прикрыть юго-восточное направление обороны Тулы.

А что же противник? Он заканчивал перегруппировку своих войск. Наши разведчики захватили перед полосой обороны 413-й стрелковой дивизии сперва три, а затем еще два «языка». На допросе они показали: в районе Сергеевки сосредоточились 3-я танковая, одна пехотная дивизия и полк «Великая Германия». Кроме того, гитлеровцы создали две ударные группировки. Одну в районе Барыково, Лутовиново в составе полка моторизованной пехоты и сорока — пятидесяти танков, вторую, такой же силы, около Панино. Показания «языков» оказались точными.

Гудериан спешил, очень спешил с перегруппировками своих войск и ударами на Сталиногорск и Венев. Мы тоже торопились. В Венев выехали начальник артиллерии полковник Леселидзе и начальник оперативного отдела штаба армии полковник Почема с группой командиров и политработников. Задача — принять необходимые меры для дальнейшего укрепления противотанковой и противовоздушной обороны города.

Поздно вечером 17 ноября состоялось заседание Военного совета армии. В нем участвовали работники штаба и служб. Полковник Аргунов доложил общую обстановку на нашем участке фронта и последние разведывательные данные. Они не оставляли сомнений в замыслах врага, сосредоточившего главные силы юго-восточнее Тулы против нашего левого фланга. Однако не следовало забывать и другие направления. Противник не отказался и от действий на северо-западе, он может повторить удар своим 43-м армейским корпусом.

— Такая возможность не только не исключается, — сказал командарм, — но, полагаю, именно двойным ударом Гудериан намерен решить две задачи: во-первых, с юго-востока совершить глубокий обход Тулы и тем открыть себе дорогу на Москву и, во-вторых, завладев Тулой, обеспечить тылы своих наступающих войск. Поэтому нам надо быть готовыми и ко второму удару гитлеровцев, быть предельно внимательными к этому направлению.

4

Под утро генерал Ермаков и я выехали в Венев, чтобы быть ближе к левофланговым войскам, которые, как мы теперь знали, должны были принять на себя главный удар врага.

Редкая для фронта тишина. Ни пушечного ухапья, ни пулеметной дробы, ни выстрелочной трескотни — ничего. Только ровное, негромкое гудение мотора нашей легковушки.

Дорога из Тулы на Венев прямая, но мы вынуждены были ехать обходными путями. Сверва круто взяли влево, потом под прямым углом с Московского шоссе свернули направо.

Рассветало, подморозило, и проселок серебрился инеем. Внезапно тишину разорвал рев пикирующего самолета. Простучала пулеметная очередь, грохнула бомба, и по машине забарабанили комья земли. Ермаков нахмурился:

— Генерал Гудериан дает знать, что его корпуса перешли в наступление. — И приказал водителю: — Прибавь газку!

Но как мы ни торопились, в город приехали только в полдень. Всю дорогу нас преследовали немецкие самолеты, так что больше пришлось отлеживаться в кюветах, чем ехать.

Венев, оказавшийся на направлении главного удара гитлеровцев, готовился к боям. Все его население вышло на строительство оборонительных рубежей. Копали противотанковые рвы, окопы. Санерный батальон устраивал завалы, минные поля, закладывал фугасы-сюрпризы. Полковник Леселидзе, используя скромные артиллерийские средства, позаботился об укреплении ими флангов обороны. Кроме того, по оправдавшему себя методу, сколотил небольшую маневренную артиллерийскую группу.

Укреплялась и сталингорская оборона. Прибывшая сюда 239-я стрелковая дивизия значительно усилила ее, но нам все же крайне недоставало танков и артиллерии — того, что у противника составляло главную ударную мощь.

Вот каким было соотношение сил и средств на фронте 50-й армии: у нас — недоукомплектованная 108-я танковая дивизия и две танковые бригады, у противника — три с половиной танковых дивизий; у нас 125 орудий всех систем, у него — пятьсот восемьдесят четыре. Полное превосходство имел враг в воздухе.

Всей этой мощью утром 18 ноября он и обрушился на нашу оборону на юго-восточном направлении. Это был третий удар противника, рвавшегося к южным подступам Москвы. Огромные потери его не отрезвляли. Стремясь быстрее занять Сталингорск, фашисты на следующий день сосредоточили против защитников города две пехотные дивизии. Они повели наступление при поддержке восьмидесяти танков. Нашим частям пришлось отойти. 21 ноября гитлеровцы заняли Узловую, глубоко вклинились в оборону и по Веневскому шоссе.

В этих боях было сбито девять самолетов и уничтожено сорок четыре танка противника. Летчики, выбросившиеся с парашютами, были захвачены в плен. Их допросили. Разговаривали они охотно, отвечали на все вопросы, уточняли имевшиеся в нашем распоряжении данные, показывали необходимое на картах. Такое поведение фашистских летчиков заинтересовало меня, я решил побеседовать с ними, их доставили ко мне в небольшой домик на окраине Венева.

Странно, гитлеровские летчики, казалось, ничуть не были

удручены своим пленением. Холеные, откормленные парни двадцати четырех — двадцати семи лет. Прекрасно экипированы: меховые куртки защитного цвета, бриджи заправлены в сапоги. Что же, понятно, летчики в фашистской армии составляли особо привилегированную касту, они свысока смотрели на офицеров других родов войск.

Я спросил, кто и как из них был сбит? Оказалось, один — истребителем, другой — залповым огнем пехотинцев, остальные зенитной артиллерией.

Держались пленные, как на докладе перед собственным начальством: вставали, лихо щелкали каблуками.

— Допрашивавшие вас командиры доложили мне, что вы сообщили интересующие нас данные о своих войсках и известных вам намерениях вашего командования. Не принуждали вас к этому? — поинтересовался я.

— Никак нет! — ответил тот, что постарше. — Никто нас не принуждал. Показания мы дали добровольно и совершенно правдивые.

— Чем это объяснить? Хотели спасти свою жизнь? Еще не так давно ваши офицеры вели себя иначе.

— То было летом. А теперь осень, и дело идет к зиме... Другие настали времена...

В таком духе велась беседа. Пленные говорили, что и захваченные вермахтом территории не стали немецкими — нет спасения от партизан, и что вообще русская кампания не похожа на все другие походы германских армий.

Нет, не боязнь за свою жизнь вызывала у летчиков готовность ответить на любые вопросы, тут было другое. Поведение пленных свидетельствовало о том, что летний надлом в психологии противника усугубился.

А накал боев все нарастал. И как раз в это горячее время, 22 ноября, А. Н. Ермакова отозвали в Москву. В Вене ~~прибыл~~ новый командующий 50-й армией генерал-лейтенант И. В. Болдин.

Месяц, и какой месяц пришлось работать мне с Ермаковым! Жили мы в одной комнате, так что я достаточно изучил его, а потому хочу сказать о нем еще хотя бы несколько добрых слов.

Был Аркадий Николаевич в быту скромн, в походной жизни непритворлив. Уважителен и в то же время требователен к подчиненным. Он всегда был в работе, много времени проводил в частях и подразделениях, на самых трудных и ответственных участках боев.

В период Смоленского сражения Ермаков командовал 2-м отдельным стрелковым корпусом, затем, будучи замест-

тителем командующего Брянским фронтом, возглавляя лево-фланговую оперативную группу войск. В трудное время принял 50-ю армию. Она вела кровопролитные схватки в окружении, была ослаблена, а враг уже подходил к Туле. И все же Ермаков сумел сколотить войска, и они непреодолимой стеной встали на пути гитлеровцев. В бою на Косой Горе, где разбился первый лобовой удар противника, Аркадий Николаевич показал себя способным военачальником, вселил в бойцов и командиров уверенность в победе, и последующие вражеские удары также разбились о их стойкость и мужество.

5

Знакомясь с новым командармом генерал-лейтенантом Иваном Васильевичем Болдиным, я узнал, что в двадцатые годы он командовал Тульским полком, что тогда же тульские коммунисты оказали ему большое доверие, избрав членом горкома партии, и теперь был здесь, так сказать, своим человеком. Ему хорошо были известны местные условия. Как и Ермаков, он принял 50-ю армию в напряженнейшие дни. Гитлеровцы прорвались к Сталиногорску и захватили его, хотя наша 239-я стрелковая дивизия оборонялась героически. При поддержке частей 41-й кавалерийской дивизии она затем перешла в контратаку, но потерпела неудачу. Главные ее силы были окружены, связь с ней прервалась. Однако сибиряки и волжане не сложили оружия. После двухдневных непрекращавшихся боев они разорвали кольцо и соединились со своими войсками.

Обо всем этом, как, понятно, и о многом другом, я рассказал новому командарму. Рассказ, видимо, его удовлетворил, ибо впоследствии, вспоминая тот разговор, И. В. Болдин в своей книге «Страницы жизни» писал: «Судя по всему, член Военного совета постоянно бывал в войсках и именно там, где возникала особая опасность. Он досконально знал положение дел на фронте и трезво оценивал создавшуюся обстановку»¹.

А обстановка на Веневском боевом участке создалась критическая. 24 ноября крупные силы гитлеровцев, включая танки, заняли ряд населенных пунктов. К исходу дня мы оставили Венев. Однако вскоре, не выдержав мощного удара 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, противник на це-

¹ Болдин И. В. Страницы жизни. С. 159.

сколько километров откатился назад. Над его тылами и флангами нависла тульская группировка 50-й армии. Она связывала немецкую 2-ю танковую армию, как говорится, по рукам и ногам. И враг уже не мог рассчитывать на успешное развитие операции ни в северном, ни в восточном направлении.

Именно это сковывающее положение нашей тульской группировки и имел в виду генерал Ермаков, когда на заседании Военного совета 17 ноября, о чем рассказано выше, предупреждал о возможности двойного удара гитлеровцев. От фронтальных атак они отказались, но не расстались со своей целью выйти к Москве и обойти ее с юга. Теперь фашисты, как показали захваченные пленные, замыслили нанести удар по столице по Рязанскому шоссе. Однако, не взяв Тулу, они не в состоянии были провести задуманное широкое наступление. Их фронт был растянут почти на 200 километров, а танковые и пехотные дивизии потеряли прежнюю пробивную силу. Поэтому после прорыва у Венева противник круто повернул на северо-запад. Здесь он рассчитывал перехватить коммуникации 50-й армии, замкнуть кольцо окружения всей нашей группировки и таким образом открыть себе дорогу на Москву.

Это была отчаянная попытка вражеского командования поправить серьезно пошатнувшиеся дела с осуществлением пресловутого плана «Тайфун» на южном крыле группы армий «Центр». Оценив сложившуюся обстановку, Болдин пришел к твердому выводу:

— По всему видно, Константин Леонтьевич, борьба за Тулу подходит к своей кульминационной точке.

— Да, — согласился я, — и фашисты не остановятся ни перед чем, лишь бы наконец-то захватить ненавистный им город.

Действительно, вначале противник имел некоторый успех, оттеснил оборонявшиеся части и перерезал железнодорожную магистраль и шоссе, связывающие Тулу с Москвой. Но с планомерным окружением нашей группировки потерпел полный провал. Войска 50-й армии на яростные атаки гитлеровцев отвечали еще более яростными контратаками. Бои продолжались круглые сутки. В допесенни политотдела 50-й тех дней говорится: «В течение 20.XI.44 г. части армии на тульском и сухомодемском направлениях прочно удерживали рубежи обороны. 413, 299, 217-я стрелковые дивизии, 32-я танковая бригада, 103-я танковая дивизия вели ожесточенный бой с противником силой до двух пехотных и танковых дивизий на рубежах Болоховка, Новоселивановское, Шахов-

ское, Петровское, Большая Россоска, Высоцкое, Смородиново, Ильинка, Большое Полунино... 108-я танковая дивизия выбила противника из Огаревки и овладела ею. В бою дивизия подбила 17 вражеских танков. Потери дивизии — 4 танка»¹.

Куда более серьезные потери понесла 413-я стрелковая дивизия. Но вот что сказано в донесении о ее делах: «Личный состав дивизии оказывает героическое сопротивление превосходящим силам врага. Так, ее 1392-й полк 20 ноября весь день отражал удары противника, который потерял в бою до 50 танков. Враг не продвинулся ни на шаг»².

Бесстрашно действовали воины 41-й кавалерийской дивизии. В донесении сообщалось, что в боях с 11 по 15 ноября соединение вывело из строя более четырех тысяч солдат и офицеров противника, захватило восемь орудий, шесть танков, двенадцать минометов, восемнадцать пулеметов и другое вооружение. Пять наших экипажей под командованием капитана М. А. Запорожца из 32-й танковой бригады уничтожили девять немецких боевых машин, из них шесть сгорели вместе с людьми.

Тогда же мне доложили о подвиге комиссара 1324-го стрелкового полка 413-й стрелковой дивизии батальонного комиссара К. В. Соловцева. Я попросил начальника политотдела армии выяснить подробности и вскоре вот что узнал.

Случилось так, что в КП части угодила авиационная бомба. Командир полка подполковник Иван Федорович Жищенко и еще несколько человек погибли, а Соловцев был ранен и контужен. Превозмогая боль, он собрал оставшихся в живых воинов. Однако их окружили фашистские танки и автоматчики. Выхода не было, и комиссар сказал:

— Лучше смерть в бою, чем позорный плен. За мной, товарищи, в атаку!

Соловцев первым бросился на противника, остальные — за ним. Их дерзость и отвага ошеломили гитлеровцев. Воины пробились сквозь вражеское кольцо. И вынесли тело погибшего комиссара...

Чувствительный урон фашистам нанесла боевая группа капитана И. Л. Петухова в составе стрелкового батальона, танковой роты, батареи противотанковых пушек и саперного подразделения. В начале декабря она обходными путями вышла к населенному пункту Колодезная в тылу противника. Разведка установила, что здесь обосновался на отдых ба-

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2556, д. 48, л. 230.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2556, д. 49, л. 316—317.

тальон эсэсовского полка «Великая Германия». Ночной атакой группа полностью разгромила его. Было уничтожено свыше двухсот солдат и офицеров, а уцелевшие — пленены; захвачены два танка, орудия, минометы, более сотни автомашин с военным и награбленным у населения имуществом.

Наши воины вернули владельцам имущество, часть вражеского оружия взяли, остальное уничтожили и покинули Колодезную. Вскоре сюда вошел другой батальон эсэсовцев. И сразу начались злодейские расправы с мирными жителями. Тридцать девять человек, в основном женщины и старики, были расстреляны...

Зверства гитлеровцев на тульской земле носили массовый характер. Оккупанты отнимали у населения скот, зимнюю одежду, ценности, убивали по малейшему подозрению в связях с партизанами. Особенно жестоко они относились к военнопленным. Вот только один пример.

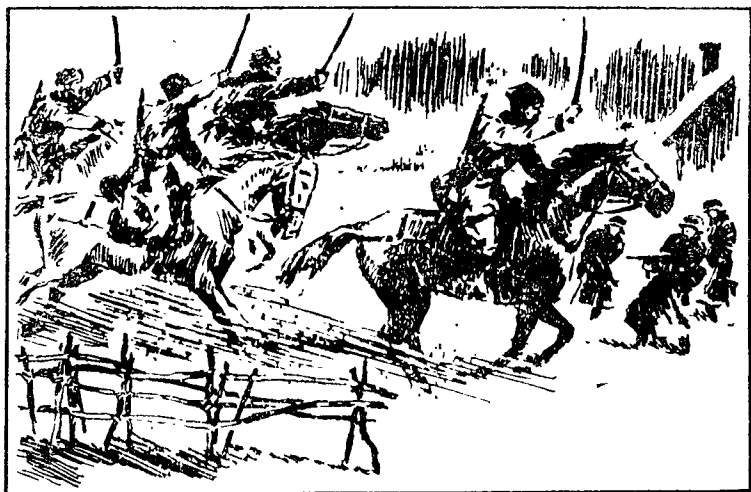
Наши танкисты, выбив противника из деревни Руднево, обнаружили двенадцать замученных красноармейцев. Прежде чем убить свои жертвы, фашисты подвергли их варварским пыткам. Можно ли было умолчать об этом? Политотдел выпустил специальную листовку. Армейская газета «Разгромим врага» и дивизионные многотиражки опубликовали рассказы очевидцев. Состоялись собрания, агитаторы провели беседы. И печатное, и устное слово поднимало личный состав на беспощадную борьбу с захватчиками. Как боевой приказ восприняли бойцы, командиры и политработники призыв Военного совета беззаветно и мужественно драться до полного уничтожения врага под Тулой.

В начале декабря 340-я стрелковая, 112-я танковая дивизии и другие соединения 50-й армии нанесли стремительный удар по группировке противника, прорвавшейся к железной дороге и Московскому шоссе, причем немецкая 3-я танковая дивизия была окружена. Одновременно сильный удар был нанесен и по северо-западной группировке 43-го армейского корпуса. Враг потерял в этих боях более десяти тысяч солдат и офицеров.

Здесь у читателя может возникнуть вопрос: как, дескать, могло произойти подобное чудо? Ведь противник и вооружен был лучше, и если не на всех, то на ряде боевых участков имел значительное численное превосходство. Действительно, все было так, коль о силе 50-й судить по моменту ее выхода из окружения. Потери она понесла огромные. Не доверяя своей памяти (минуло столько лет!), я сделал в Центральном архиве Министерства обороны следующие

выписки: в 50-й армии осталось менее восьми тысяч человек, винтовок — 4323, ручных и станковых пулеметов — 268, орудий около двух десятков, а точнее — 19, танков всего два, бронемашин вообще ни одной. После сказанного нетрудно представить, насколько сильно были обескровлены дивизии. Например, в 154-й стрелковой насчитывалось пятьсот штыков, в 217-й — четыреста, в 173-й и того меньше — двести пятьдесят...

Но так, повторяю, было лишь сразу после выхода войск из окружения. Затем очень быстро, случалось, буквально в считанные дни, а то и часы, подразделения и части пополнялись людьми, оружием, техникой, боеприпасами и соединения без задержки вновь выступали навстречу врагу. Так было, например, с 290-й стрелковой дивизией, которая, как и другие соединения, повесла в предыдущих боях большие потери. Пополненная, она уже через сутки опять выполняла боевую задачу. И если учесть приведенные мною выше примеры мужества и героизма наших бойцов, командиров, политработников, когда каждый из них бился за двоих, за троих, то сотворенное ими чудо станет ясным и понятным.

Глава седьмая НАСТУПЛЕНИЕ

1

Тула выстояла. Двухмесячные бои закончились поражением хваленых, закованных в броню соединений 2-й танковой армии противника. План германского командования прорваться к столице нашей Родины с юга был сорван. Таков главный итог Тульской оборонительной операции осени 1941 года, значение которой вышло далеко за пределы армейской. Войска 50-й, взаимодействуя с соединениями 49-й и других армий, выиграли время для развертывания сил Красной Армии на левом фланге московского стратегического направления, разгромили вооруженные до зубов корпуса и дивизии Гудериана. Враг понес огромные потери.

Наши воины выполнили и еще одну очень важную задачу. Они заставили противника растянуть фронт наступления почти на двести километров, втянули в боевые действия все его резервы, тем самым ослабив маневр и пробивную силу вражеских ударных группировок.

Но забыть мне чувства безмерной гордости за товарищей по оружию, живых и павших, которое навеяла в те поистине исторические дни передовая статья газеты «Правда». Называлась она «Под Москвой должен начаться разгром врага!»

и обращена была ко всем защитникам столицы, а следовательно, и к воинам 50-й. Поэтому я распорядился, чтобы со статьей был ознакомлен каждый воин. И вот в окопах, в хатках, в огневых позициях артиллеристов и минометчиков, в танковых экипажах, в землянках и блиндажах зазвучали голоса агитаторов, пропагандистов, парторгов, политруков, комиссаров, политотдельцев. «Мужественное сопротивление частей Красной Армии, — взволнованно произносились слова «Правды», — задержало разбег фашистских полчищ. Они вынуждены перейти на медленный шаг. Они не мчатся вперед, как бывало, а ползут, обильной кровью поливая каждый свой шаг...»

Надо также сказать, что в боях под Тулой личный состав 50-й армии приобрел опыт ведения современной маневренной войны, гибко сочетающей оборону с наступлением. Мы научились маневрировать артиллерией, особенно при отражении танковых атак.

Важно и то, что здесь ярко проявилось единство фронта и тыла. В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками плечом к плечу с воинами регулярных армейских частей отважно сражались бойцы Тульского рабочего полка, добровольцы-истребители танков вневеского отряда, партизаны и партизанки. Отряды народных мстителей и разведывательно-диверсионные группы действовали практически во всех районах Тульской области, временно оккупированных фашистами. Они не только доставляли нам цепные данные о дислокации войск противника и его передвижениях, но и сами наносили ощутимые удары по врагу.

Итоги оборонительных боев способствовали успеху последующего зимнего наступления левого крыла Западного фронта. В принятом в первой половине декабря обращении Военного совета армии к бойцам, командирам и политработникам говорилось: «Упорная и жестокая борьба за Тулу дала прекрасные результаты. Доблестные войска нашей армии нанесли жестокий удар немецким захватчикам.

Тысячи фашистских негодяев истреблены. Многие части врага разгромлены. Десятки танков, орудий, автомашин, пулеметов и минометов уничтожены нашими частями. Освобождено много населенных пунктов Тульской области из-под ига немецких головорезов...

Наша задача сейчас состоит в том, чтобы сильнее бить врага, не давая ему опомниться».

Удары 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, затем переход в наступление 10-й армии генерала Ф. И. Голикова облегчили нашу борьбу под Тулой. А разгром северо-запад-

ной и юго-восточной группировок противника завершился глубоким фланговым охватом немецкой 2-й танковой армии и вынудили ее к поспешному отходу на Узловую и Богородицк.

8 декабря без всякой паузы началось наступление войск 50-й. Для удара на южном направлении, вдоль Орловского шоссе, мы создали сильную группировку. В нее вошли 154, 217, 290-я стрелковые и 112-я танковая дивизии, а также 32-я танковая бригада с частями поддержки и усиления.

При формировании группы одной из первых включили в нее 290-ю стрелковую дивизию. Помнили просьбу командования соединения предоставить ему возможность участвовать в освобождении от врага Ясной Поляны. Тут, кстати, следует подчеркнуть, что Ясная Поляна притягивала к себе внимание многих других воинов. В трудные дни оборонительных боев командир 31-й кавалерийской дивизии полковник М. Д. Борисов рассказал мне такую историю:

— Обращается ко мне командир эскадрона капитан Сашенко. Человек удивительной храбрости, всегда веселый, а тут мурый, как осенняя туча. Говорит, что слухи имеет эскадрон: в Ясной Поляне гитлеровцы оскверняют могилу Льва Николаевича Толстого, и бойцы волнуются, просят разрешения проучить фрицев. Я согласился, но сказал, что пойдут только добровольцы. Дело серьезное, из вылазки можно и не вернуться. Комиссар дивизии Николай Мозжечков из нескольких сотен добровольцев отобрал сорок человек. Ночью они скрытно вышли к Ясной Поляне и внезапно обрушились на фашистов. Бой был коротким, но жарким. Наши воины разгромили штаб 3-й танковой дивизии, захватили там ценные документы и благополучно вернулись.

— А как с могилой Льва Николаевича? — спросил я Борисова. — Слухи о надругательстве подтвердились?

— Полностью! Гитлеровцы всю ее загадили. И совсем рядом закапывают своих головорезов. Бойцы Сашенко насчитали больше полусотни крестов. — Борисов стиснул кулаки. — Ох как надо быстрее вышвырнуть из Ясной Поляны фашистскую нечисть!

— Теперь уже, Михаил Дмитриевич, скоро...

И вот бойцы 50-й перенесли в наступление вдоль Орловского шоссе. Противник отчаянно сопротивлялся, вел интенсивный минометный и пулеметный обстрел из района Косой Горы и Судаково. Наши войска не стали ввязываться здесь в бой, обошли Косую Гору. Страхась окружения, гитлеровцы спешно отступили к Ясной Поляне, где тоже был создан сильный узел обороны. Лобовой удар мог привести к лиш-

ним жертвам и разрушениям, да и не обеспечил бы высоких темпов наступления. Поэтому части вклинились в лес, чтобы, обойдя врага, ударить в его тыл. Фашисты и тут не выдержали, попытались вырваться из стальных тисков. Не вышло. Один удар крепче другого наносили по ним войны 217-й и 290-й стрелковых дивизий, 112-й танковой дивизии и 32-й танковой бригады. Именно в бою за Ясную Поляну был совершен полный разгром немецкой 296-й пехотной дивизии, начатый под Тулой.

После освобождения Ясной Поляны во все соединения и части 50-й была разслана листовка, в которой, в частности, говорилось: «Политотдел армии призывает вас, бойцы, командиры и политработники, — преследуйте противника, не давайте ему опомниться, отрезайте от баз, перехватывайте коммуникации, уничтожайте его по частям. Пусть каждый гитлеровец, позарившийся на нашу священную землю, останется мертвым на советской земле!»

В подбитых вражеских танках еще рвались боеприпасы, в воздухе не успел рассеяться дым недавнего боя, а мы с генералом Болдиным были уже в Ясной Поляне. И то, что увидели там, глубоко потрясло нас. Захватчики сожгли среднюю школу и больницу имени Л. Н. Толстого. Они подожгли музей, где разворовали бесценные реликвии, уничтожили мебель, музейный инвентарь. Они надругались над могилой великого писателя...

Командарм приказал секретарю Военного совета батальонному комиссару Н. И. Дубышкину:

— Составьте, Николай Николаевич, подробный отчет. Об этом варварстве надо сообщить в Москву.

К нам подошла плачущая женщина. Возраст ее определить было трудно, настолько она была истощена и измучена. Познакомились: Мария Ивановна Щеголева, научный сотрудник музея-усадьбы Л. Н. Толстого.

— Как вы тут жили? — спросил я.

— Все было как в кошмарном сне...

Мария Ивановна, оказывается, вела дневник. У меня сохранилась копия этой летописи черных дней Ясной Поляны. Откровенно говоря, мне бы хотелось поместить ее здесь целиком, но дневник уже неоднократно публиковался в различных изданиях, поэтому частично приведу лишь одну запись, предпоследнюю.

«14 декабря. Утро. Иду за водой на средний пруд. Над головой новый незнакомый звук: тонкий свист, похожий на звук сирены. И вдруг недалеко разрыв снаряда. Тут только поняла, что это не сирена, а полет снаряда...

У здания литературного музея еще стоит машина. Свистят снаряды, — видимо, бой идет где-то совсем близко. Часов в 9—10 вдруг поднимаются клубы дыма со стороны лесничества и больницы. Все больше и больше дыма.

Оказывается, немцы подожгли, отступая, лесничество, больницу и дом отдыха. Деревня в панике: ползет слух, что немцы все сожгут... Бегу и созываю рабочих и служащих — надо спешить спасти музей. Из окон дома Толстого уже вырываются клубы дыма.

Войти страшно. Положение спасает молодежь: Павлик Комаровский, врач Илюшин, Клавдия Литвинова смело вбегают в дом. Они кричат нам, что подожжены три комнаты, но борьба с огнем еще возможна... Мы поднимаем полы, пробиваем потолки, гасим пламя.

Вечером у всех чувство удовлетворения: дом спасен. Конечно, все изуродовано, обезображено. Ничего, теперь восстановим — ведь немцы уже бежали».

2

Каждый воин нашей армии, в каком бы звании он ни был, какую бы должность ни занимал, стремился поклониться памяти великого писателя. Мы всячески способствовали паломничеству людей, которым, может быть, сейчас, от этой вот могилы идти в смертный бой. Коммунисты, комсомольские вожаки частей и подразделений в связи с этим вели большую работу. Пусть все смотрят, видят, знают, на какие подлости способен фашизм! Пусть слушают рассказ отважной русской женщины Марии Ивановны Щеголевой, которая не испугалась остаться среди врагов, чтобы сохранить для советского народа его святыню.

— Беседы, рассказы политбойцов о Толстом — дело очень нужное. Но надо провести еще и митинг, — поделился я своим замыслом с командармом.

Тот, не раздумывая, ответил:

— Обязательно!

Митинг состоялся возле могилы Льва Николаевича. Выступили представители разных национальностей. И каждый говорил, что это и его писатель, писатель всех наших народов, которые защищают свою единую Родину, и надо крепить единство советских народов. Так, казах красноармеец К. Улумбаев сказал:

— Гитлер напал на нас, жжет наши села, мучает людей, оскверняет нашу культуру. Люди мира никогда не простят

этого Гитлеру. Все нации встали грудью за Родину. Мы ничего не простим фашизму!

После митинга ко мне привели пленного немецкого офицера. Был он из «интеллигентных» фашистов. Да, ему приходилось слышать о русском писателе Толстом, а вот читать его произведения не довелось.

— И не держали в руках ни одной его книги? — удивился я.

Пленный пожал плечами: а зачем? То же дикарство обнаружил гитлеровец, когда я спросил, чем он может объяснить падругательства над усадьбой Толстого.

— Она, — сказал я, — бесценный памятник культуры советского народа, а вы разрушали ее, превратили в казармы, в конюшни!

— Такими подробностями мы не интересовались, — ответил пленный совершенно безразличным тоном. — Война! Солдатам было холодно, и они обогревались. Мы не привыкли к русским морозам.

Этот варвар понятия не имел о гениальных творениях Льва Николаевича, ставших золотым фондом мировой литературы. Он не знал ни уважения к реликвиям народов, ни милосердия к людям. Для него это была завоеванная территория, на которой можно делать все — жечь, грабить, убивать. Ведь сам фюрер сказал солдатам, что они совершенно свободны в своих поступках на захваченных территориях, всю ответственность за их действия он принимает на себя.

— Мы доберемся и до фюрера! — заверил я.

— Он далеко...

— Ничего, будет близко!

Сжав до боли в руках оружие, покидали наши воины Ясную Поляну. Картина, которую они увидели, наполнила их сердца нестерпимым гневом, еще большей ненавистью к оккупантам. И совсем не случайно те дни отмечены массовым героизмом бойцов, командиров, политработников, всего личного состава армии. Все громче и раскатистее звучало победное «ура» — 50-я наступала по всему фронту. Оперативные сводки радовали:

«258-я стрелковая дивизия выбила фашистов из десяти населенных пунктов... Части 413-й стрелковой дивизии очистили от противника Новое Село, станцию Присады, форсировали реку Шат».

«За 16 декабря занято 18 населенных пунктов. Захвачено 6 средних исправных немецких танков, 3 танкетки, 11 орудий и минометов, десятки автомашин и повозок с различными военными грузами».

«Успешно провела бой 217-я стрелковая дивизия по разгрому гитлеровских банд в г. Щекино. Противник понес большие потери. Захвачено 6 самолетов, 25 танков, 35 автомашин, 3 орудия и другие трофеи. Уничтожено 270 солдат и офицеров».

За первые девять дней наступления враг был изгнан из Венева, Узловой, Сталиногорска и многих других городов, сел и деревень. Тула перестала быть фронтовым городом, в ней налаживалась мирная жизнь. А продвижение наших войск принимало все больший размах. Немецкие 24-й и 47-й танковые, а также 53-й армейский корпуса отступали на юго-запад, 43-й был отеснен на северо-запад. Между ним и основными силами танковой армии гитлеровцев образовался разрыв шириной до 40 километров. Естественно, мы не преминули воспользоваться создавшейся обстановкой.

У нас с Болдиным состоялся тогда следующий разговор:

— Мне кажется, — сказал командарм, — есть смысл бросить в образовавшийся у противника разрыв оперативную подвижную группу. Как на это смотришь, комиссар?

— Риск, конечно, немалый, — ответил я. — Но раз это продиктовано необходимостью, почему бы не бросить?

— Решено! Так и сделаем.

В оперативную подвижную группу вошли 154-я стрелковая дивизия генерала Я. С. Фофанова, 112-я танковая дивизия полковника А. Л. Гетмана, 31-я кавалерийская дивизия полковника М. Д. Борисова. Были, кроме того, включены артиллерийские части, дивизион гвардейских минометов и фугасно-огнеметная рота.

Группу возглавил заместитель командующего армией генерал-майор В. С. Попов. Во вражеский тыл пошел с войсками и я, чтобы не издалека, а находясь непосредственно в соединениях, руководить партийно-политической работой. Теперь она приняла еще более интенсивный характер. Во всех частях состоялись митинги, партийные и комсомольские собрания. На этих собраниях по установившейся традиции зачитывались заявления о приеме в ряды ВКП(б) и ВЛКСМ. Воины связывали свою судьбу с партией, комсомолом, чтобы получить единственную привилегию — первыми идти в атаку. И пили. Так, красноармеец 583-го стрелкового полка С. С. Тишина писал в своем заявлении: «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Я обязуюсь выстоять все возложенные на меня поручения и до последней капли крови драться с германскими захватчиками». И слово Тишина не разошлось с делом: боец сражался с фашистами до последней капли крови.

Коммунисты обсуждали на своих собраниях и такой жизненно важный вопрос, как дисциплина и маскировка на марше. Призывали товарищей делать все так, чтобы враг не только не узнал, но и не догадался о нашем замысле.

Соблюдая предельную осторожность, подвижная группа выступила глухой ночью. С южного направления она круто повернула на северо-запад. Это означало, что удар нацеливался на Калугу. Расчет заключался в том, чтобы броском выйти к городу и с ходу овладеть им. Задача была, прямо скажем, не из легких. Предстояло преодолеть около 120 километров по зимним дорогам. И хотя вся подготовка к маршу велась предельно скрытно, а в движении скрупулезно принимались меры маскировки, это, конечно, ничуть не гарантировало, что бросок пройдет без боев, — слишком долг был путь большой массы войск.

Военный совет обратился к личному составу с призывом отдать все силы освобождению Калуги от фашистских захватчиков. Обращение нашло горячий отклик. Михаил Дмитриевич Борисов, например, когда я встретился с ним в его кавалерийской дивизии, порывисто воскликнул:

— Мои конники уже видят красный флаг над Калугой!

— Настроение у кавалеристов боевое, что и говорить, — охотно подтвердил я. — Но видно в частях и другое: утомлены люди, да и копы очень сдали.

Комдив призадумался, но твердо проговорил:

— Будьте уверены, товарищ бригадный комиссар, мои кавалеристы не подведут!

В этом никто не сомневался.

С севера действия подвижной группы обеспечивала 258-я, а с юга — 290-я стрелковые дивизии. Вполне надежный заслон — тоже не подведут! На чем основывалась моя уверенность? На том, что в 258-й и 290-й стрелковых дивизиях, как, понятно, и в других соединениях армии, бывал я регулярно и хорошо знал моральное состояние личного состава. Было оно исключительно высоким. Для этого мы, политработники, от политрука до члена Военного совета, трудились, не зная отдыха, поднимая людей на успешное решение сложной боевой задачи.

Как же эта задача выполнялась на деле? Как говорится, с переменным успехом. На первых порах все шло хорошо. В донесении политотдела сообщалось: «В течение 18 декабря армия своим правым крылом вела бой. Продолжая преследовать отходившего противника в направлении к Калуге, углубилась на 60 километров западнее города Тулы. В результате боев захвачены трофеи: 15 танков, 100 грузовых

автомашин, 14 легковых машин, 90 мотоциклов, 4 орудия, 2 станковых пулемета, 12 тысяч патронов. Убито и ранено 200 солдат и офицеров... Политико-моральное состояние войск армии боевое, здоровое».

Без серьезных осложнений группа прошла Зайцево, Воскресенское, Дубну. Однако полной скрытности передвижения достичь не удалось, воздушная разведка гитлеровцев обнаружила наши колонны. Группу начали преследовать вражеские самолеты, а мы не имели серьезного авиационного прикрытия. К тому же ночью выпал глубокий снег, создав дополнительные трудности.

В общем бросок несколько замедлился. Сказалось и то, что для прикрытия Калуги противник, получив данные авиаразведки, спешно расположил на пути нашего движения свои подразделения. Мелкие стычки постепенно переходили в жаркие схватки. Почти сутки не утихали бои за населенные пункты Зябки, Алексеевское и Зеленино.

Под деревней Зябки действовал 473-й стрелковый полк 154-й стрелковой дивизии. Он был наиболее полнокровным, имел роту автоматчиков и потому прокладывал путь всей группе. В Зябках полк захватил пленных — солдат 137-й пехотной дивизии, той самой, с которой я уже встречался в июльских боях за Смоленск. И там же, в Зябках, в руках наших бойцов оказалась драгоценнейшая реликвия — грампластинка с речью В. И. Ленина «Обращение к Красной Армии».

Я находился как раз в том районе боевых действий, и ко мне обратилось сразу семь-восемь красноармейцев. Один из них бережно протянул пластинку.

— Вот, товарищ бригадный комиссар, — окинул сослуживцев быстрым взглядом, словно бы призывая их в свидетели, и добавил: — А там, в доме, где ее нашли, есть и патефон.

— Значит, — отозвался я, — приглашаете послушать вместе?

Бойцы хором ответили:

— Так точно!

— Что ж, с удовольствием. Только надо предупредить вашего командира.

— Его нет, ранено...

— Тогда комиссара.

— Увезли вчера в медсанбат.

Я подавил непроизвольный вздох.

— Пошли!

Пока мы добрались до нужного дома, сработал «беспроволочный телеграф»: в просторной горнице с большими окнами и высоким потолком собралось с полсотни человек. Как было не воспользоваться таким случаем? Прежде чем завести пластинку, сказал:

— Давайте, товарищи, вспомним, когда и при каких обстоятельствах состоялось выступление Владимира Ильича, которое мы с вами сейчас прослушаем. Было это в тяжелое для нашей страны время — в марте 1919 года. Вы знаете, тогда молодая Советская Республика находилась в опасности. Ленин обратился к Красной Армии, к рабочим и крестьянам. Чтобы победить сильного, коварного врага — внутреннюю контрреволюцию и вооруженных до зубов интервентов, он призывал трудящихся напрячь все силы, быть начеку. Давайте послушаем.

Зазвучал живой голос Ильича, голос, который с первых же слов заставлял сильнее биться сердца: «Товарищи красноармейцы! Капиталисты Англии, Америки, Франции ведут войну против России. Они мстят Советской рабочей и крестьянской республике за то, что она свергла власть помещиков и капиталистов и дала тем пример для всех народов земли».

В горнице, хотя и было много народа, тишина держалась невероятная. Затаив дыхание, слушали воины великого вождя. «Товарищи красноармейцы! Стойте крепко, стойко, дружно! Смело вперед против врага!»

Казалось, страстный призыв В. И. Ленина — смело вперед против врага! — услышали не только те, кто был со мною рядом, а весь личный состав 154-й стрелковой дивизии, в которую входил 473-й полк. Взаимодействуя с 31-й кавалерийской дивизией, пехотинцы сбили на своем пути вражеские заслоны и ранним утром 20 декабря сосредоточились на южном берегу Оки.

На беду из-за глубоких снежных заносов запоздала 112-я танковая дивизия, на исходный рубеж для атаки она вышла лишь к 11 часам утра. Отстали артиллерийские части, дивизион гвардейских минометов — и опять из-за снегопада, который спутал наши первоначальные расчеты. И вот, чтобы наверстать упущенное, оставшие двинулись вперед днем, делать чего не следовало. Еще 17 декабря, чтобы войска не оказались под прицельным огнем и бомбежкой противника и тем самым избежали излишних потерь, был издан подписанный В. С. Поповым и мною приказ: строжайше соблюдать все меры маскировки, передвигаться только

ночью. Командиры некоторых частей нарушили его, продолжили форсированный марш и днем, за что жестоко поплагились. Фашисты обнаружили наши войска, обрушили на них тысячи снарядов и мин, а налетевшие «юнкерсы» забросали бомбами...

Но остановить подвижную группу гитлеровцы оказались не в состоянии, настолько был высок боевой порыв личного состава, настолько неумоимо стремление наших воинов как можно скорее освободить Калугу.

Бой за деревню Зябки мы завязали вечером, продолжали всю ночь, а к утру полностью очистили населенный пункт от врага. Попов, с которым в те бессонные дни и ночи я неизменно находился вместе, полувопросительно-полуутвердительно проговорил:

— Вперед, Константин Леонтьевич?

— Да, Василий Степанович, только вперед!

В начале двадцатых чисел декабря штаб подвижной группы расположился в деревне Елки. И именно в этой деревушке, со всех сторон окруженной первозданным лесом, нами был окончательно разработан, уточнен и утвержден боевой приказ на штурм Калуги. И здесь же, в крестьянской избе, перед которой зияла огромная воронка от неприятельской бомбы, я собрал начальников политотделов дивизий и военкомов полков, пропагандистов и парторгов. Рассматривалось два вопроса. Первый: ответственность парторганизаций за исход предстоящих действий. Второй: примерность коммунистов в бою.

На совещании присутствовали также командир подвижной группы генерал-майор Попов, начальник артиллерии армии полковник Леселидзе, начальник оперативного отдела штаба армии полковник Почема, командиры 112-й танковой дивизии полковник Гетман и 31-й кавалерийской — полковник Борисов. Каждый из них, говоря о партполитработе в частях и подразделениях, давал ценные советы, пожелания, а Андрей Лаврентьевич Гетман, когда речь зашла о примерности коммунистов, сказал:

— Кто, как не мы, большевики со стажем, должны в первую очередь показывать такой пример?

В ту пору А. Л. Гетману, впоследствии генералу армии, Герою Советского Союза, шел тридцать девятый год, а в партию он вступил двадцатичетырехлетним, в 1927 году. Произнесенные им слова я живо вспомнил в декабре 1966 года, когда приехал в Калугу на торжества по случаю 25-летия ее освобождения от фашистских захватчиков и про-

читал напечатанные в областной газете стихи Б. Обновленского:

· Был бой беспощаден,
· Был матисъ неистов.
· Шли танки —
· пехоты стальные друзья.
· И Гетман сказал,
· обращаясь к танкистам:
· — В Калугу, товарищи!
· Делай, как я!

Клич «Делай, как я!» поднимал бойцов в решительную атаку, когда, казалось, нельзя было высунуть головы из окопа, вел на подвиг. И потому-то, несмотря на остервенелое сопротивление противника, 21 декабря, на рассвете, 111-й и 114-й полки кавалерийской дивизии с ходу ворвались на южную окраину города. Вслед за ними туда пробилсь 473-й и 510-й стрелковые полки 154-й стрелковой дивизии, а вскоре и танковый батальон.

На улицах Калуги разгорелся яростный бой. К полудню наши атакующие части достигли центра города, но мощь их удара была ослаблена тем, что пехота не имела артиллерийской поддержки. Этим воспользовался враг. Его танки и автоматчики сначала потеснили нас, а затем отрезали от переправ через Оку. Наконец, дополнительно подтянув войска, гитлеровцы окружили всю подвижную группу.

Это произошло 22 декабря, и противник, очевидно, был уверен, что в этот же день с нами будет покончено — или все мы поляжем, или сдадимся в плен. Нет, не произошло, и не могло произойти ни того, ни другого! Отрезанные от своих баз снабжения, советские полки дрались в кольце героически. Борьбу вели за каждую улицу и каждый дом, за каждый этаж и лестничную площадку.

3

Нам на выручку спешили главные силы 50-й армии. Они резко повернули на северо-запад, устремились к Калуге и мощным ударом разорвали кольцо окружения вокруг подвижной группы. Особенно отличилась 258-я стрелковая дивизия полковника М. А. Сязова. Совершив ночной многокилометровый марш-бросок, она с ходу вступила в бой.

В те дни мне доставили весьма любопытный документ — приказ командира немецкой 23-й пехотной дивизии. Он содержал красноречивую характеристику состояния мо-

рального духа фашистских войск: «Господа командиры! Общая обстановка военных действий властно требует остановить быстрое отступление наших частей, защищаться до последнего человека. Под личную ответственность командиров требую, чтобы этот приказ был выполнен с железной энергией и беспощадной решительностью. Позади у нас есть резервы, продовольствие и оружие для поддержки фронта. У каждого солдата снова должна пробудиться и укрепиться воля к обороне и вера в наше превосходство. Настоящий кризис должен быть и будет преодолен. Вопрос поставлен о нашей жизни и смерти».

Такие приказы оказывали воздействие, враг оборонялся упорно. Но неудержим был наступательный порыв наших воинов. Целеустремленно и настойчиво развивали они успех. 25 декабря Военный совет армии докладывал командованию Западного фронта, что подвижная группа генерал-майора В. С. Попова в течение дня вела упорные бои за Калугу. 258-я стрелковая дивизия заняла Ромоданово, Санаторий, Аненки и вступила в бой за Макарово и Желыбино. 217-я стрелковая дивизия захватила переправу через реку... Противник разрушил связь и дороги, подтягивает свои 31-ю и 137-ю пехотные дивизии и, опираясь на заблаговременно подготовленную оборону (окопы, местами — проволочные заграждения в пять рядов), упорно продолжает бои за Калугу...

Хочу подчеркнуть, что по численности и вооруженности наши войска, действовавшие в районе Калуги, значительно уступали гитлеровцам. И все же мы твердо верили: город возьмем! Весьма благоприятную обстановку для этого создавало то, что 217-я и 413-я стрелковые дивизии заняли охватывающее положение с юго-запада, а 340-я — с северо-востока. Бесспорным преимуществом над врагом был высокий боевой дух советских воинов.

Вечером 28 декабря состоялось заседание Военного совета. На нем были рассмотрены оперативные документы и обращение к войскам. На другой день вблизи Калуги, в домике лесника, генерал И. В. Болдин собрал командиров соединений и поддерживающих частей. Слово попросил начальник артиллерии армии полковник К. Н. Леселидзе:

— Проведенная рекогносцировка местности показала, что у противника высокий берег Оки, там у него батареи. При дневном наступлении гитлеровцы увидят наши силы, разгадают замысел и расстреляют идущие на штурм войска...

— Что вы предлагаете? — спросил Болдин.

— Ночной штурм города.

Предложение Леселидзе было резонным, убедительным, дельным. Я поддержал его: при ночном наступлении мы сможем создать у врага впечатление о превосходстве наших сил. Командиры соединений согласились с таким мнением. Было принято решение совершить штурм в ночь на 30 декабря. Командующий армией, я и начальник штаба полковник Н. Е. Аргунов подписали боевой приказ.

Ночной удар лишил противника возможности вести прицельный огонь, ошеломил его, подавил волю к сопротивлению. Наши же воины, наоборот, творили чудеса мужества, отваги. Немыслимо перечислить имена всех героев того боя. В штурме Калуги еще и еще раз проявились массовый героизм советских воинов, их подавляющее моральное превосходство над врагом.

Командир роты 154-й стрелковой дивизии коммунист Брусинов первый со своими подчиненными ворвался в город и лично уничтожил семнадцать фашистов.

В 510-м стрелковом полку этой же дивизии выбыл из строя командир 1-го батальона. В подразделении, отрезанном от главных сил части, сложилась крайне напряженная обстановка. Ее разрядил политрук Угодников. Он возглавил батальон и повел воинов в контратаку. Вражеское кольцо было разорвано...

30 декабря над старинной Калугой, освобожденной от захватчиков, взвился красный флаг.

— Пойдем, Константин Леонтьевич, — пригласил меня Болдин, — посмотрим город.

Мы неторопливо шли по просторным улицам, сворачивали в узенькие переулки и всюду видели следы недавнего боя: груды битого кирпича и стекла, догорающие дома, клубы едкого дыма, трупы вражеских солдат и офицеров. Иногда то здесь, то там раздавались автоматные и пулеметные очереди, глухие разрывы гранат. Это наши специально выделенные подразделения выбивали из подвалов, снимали с чердаков затаившихся там гитлеровцев.

— А говорят, Иван Васильевич, — сказал я командарму, — история не повторяется.

Болдин остановился, глянул на меня вопросительно:

— Что ты имеешь в виду?

— Участь непрошенных гостей в России. Полчища Наполеона тоже рвались к Москве по северным рубежам вот этой калужской земли. И по ней же, устилая поля и леса закоченевшими телами, бежали к берегам далекой Сепы.

— Еще как бежали! — энергично подтвердил Болдин. —

Еще как! Да только мало кто добежал. От более чем шестисоттысячной «великой армии» остался один пшик. Убежден: то же самое ожидает и фашистов. Так что верно, история повторяется... Пошли дальше.

Продолжая осматривать Калугу, мы убедились, что еще вчера покидать ее противник не собирался. Сделать это его вынудил стремительный и мощный удар 50-й. Спасая свою жизнь, гитлеровцы ретировались налегке, побросав в городе бронетранспортеры, орудия, минометы, грузовые и легковые автомашины, полевые кухни. Кстати, в качестве трофеев нам достались и стоявшие на высоком берегу Оки батареи. Те самые, о которых предупреждал накануне штурма полковник Леселидзе. Орудия были целехоньки, даже замки с них не сняты, а в капонирах аккуратно сложены зеленые ящики со снарядами.

Незаметно для себя мы вышли к вокзалу. И здесь все свидетельствовало о торопливом бегстве врага. На железнодорожных путях застыли с десятков паровозов, эшелон с танками, эшелон с оружием, еще один — с продовольствием и с рождественскими подарками фашистам. Но получать их было уже некому, сотням и сотням неудавшихся завоевателей наши бойцы вручили другие подарки — меткие пули.

К нам подошли трое пожилых железнодорожников. Один из них, как выяснилось, был машинистом. Я поинтересовался его именем-отчеством.

— Василий Иванович.

— Ого, — засмеялся Болдин, — полный мой тезка, только, правда, наоборот. Можно ли, тезка, разогреть паровоз, и как можно скорее?

— Можно, товарищ генерал. Но, если не военная тайна, для какой цели?

— Чтобы оповестить жителей города о нашей победе.

— О!..

И вскоре морозный воздух уходящего сорок первого года прорезали басовитые гудки паровоза. Они извещали о том, что древняя Калуга снова стала свободной.

Вечером того же дня, то есть 30 декабря, войска 50-й армии покинули город. Они уходили навстречу новым боям. Что ожидало их в тех боях? Новые невероятные трудности и лишения, новые жесточайшие испытания огнем и железом. Командиры, политработники, рядовые красноармейцы были готовы к ним. В кровопролитных сражениях на ближних подступах к Москве они, закалившиеся физически, окрепнув морально, научились беспощадно бить ненавистных оккупантов.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым дорога вперед.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет, —

написал 22 июня, в первый же день войны, Алексей Сурков. Слова поэта стали для бойцов нашей армии своеобразной клятвой, с одной, правда, поправкой. Тогда, в трудные дни сорок первого, не о славе думали они, а о том, чтобы защитить Родину-мать от лютого врага. И сделали для этого все, что могли.

ЭПИЛОГ

Время бессильно ослабить память о тех, кто в 1941 году принял на себя удары немецко-фашистских орд. О тех, кого не сломило ни вероломство агрессора, ни его подавляющее превосходство в живой силе и боевой технике. О тех, кто в первые минуты, часы и дни, в первые недели и месяцы нашествия гитлеровцев проявил исключительную выдержку и стойкость, мужество и героизм. Кто, не жалея крови и не страшась смерти, защищал родные поля и леса, горы и реки, каждый населенный пункт, каждую в нем улицу, каждый дом. Кто, и временно отступая, и погибая, знал, верил: правое дело восторжествует, враг будет разбит и уничтожен. Кто до конца остался преданным своему социалистическому Отечеству, своему народу. Кто выстоял, выдержал, победил.

Неимоверно трудным и горьким был путь бойцов, командиров и политработников армий, о которых поведано в этой книге, — 16-й и 50-й, также 1-го гвардейского стрелкового корпуса. И особенно трудным и горьким потому, что, ведя героическую, но неравную борьбу с вооруженным до зубов противником, они вместе с соседними по фронту войсками вынуждены были отступать, сдавать дорогие советским людям рубежи.

Противник тогда торжествовал. Но какое это торжество, если за первоначальные успехи он платил слишком дорогой ценой?! Понесенные им потери не шли ни в какое сравнение с потерями в Западной Европе, когда по многим странам гитлеровцы прошли чуть ли не парадным маршем.

Бойцы сорок первого, грудью прикрывая каждую пядь родимой земли, насмерть стояли в Брестской крепости, молотили живую силу и боевую технику фашистов в Смоленском сражении, у стен Ленинграда и в других местах, нанесли захватчикам сокрушительный удар под Москвой, развеяв тем самым миф о непобедимости гитлеровских войск.

Смоленщина, Подмосковье навеки памятни для меня. И думами, и душою я неизменно с ними. Снова и снова мысленно возвращаюсь к дням сражения за Смоленск, древний русский город на Днестре, где на два месяца были остановлены рвавшиеся на восток полчища фашистов. День за днем, час за часом восстанавливаю в памяти Тульскую оборонительную операцию, которая явилась частью грандиозной битвы за столицу любимой Родины.

Влекомый сердцем, я не однажды в послевоенные годы посещал памятные для бойцов, командиров и политработников 16-й и 50-й армий места. Каждая такая поездка оставляла неизгладимые впечатления, ибо я не только ходил по земле, где в грозном сорок первом в немалой степени решалась судьба Отечества, но и встречался с товарищами по оружию, которые полили эту землю своей кровью. Так было и в дни двадцатипятилетия Смоленского сражения, когда вместе собрались многие его участники, так было и в Туле, где отмечалось сорокалетие победы в Московской битве.

Вечер проходил в гарнизонном Доме офицеров, и присутствовало на нем шестьсот пятьдесят фронтовиков. Доклад о Тульской оборонительной операции доверено было сделать мне. Выступили и другие ветераны, а потом — молодые воины, те, кто продолжает наше дело, с оружием в руках стоит на страже завоеваний Великого Октября. Один из них — коренастый, крепко сбитый, звонкоголосый сержант. Окинув со сцены многолюдный зал внимательным взглядом, он начал читать лермонтовское «Бородино»:

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?

Я хорошо знаю это стихотворение. Когда-то учил сам, потом учили дети, потом внуки. Но всякий раз, слушая его, испытываю сильнейшее волнение.

Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!

Верно, думаю я, было, все было. Тогда, в 1812-м, ради спасения Отечества пришлось временно оставить Москву мародерам Наполеона. И Гитлер неистово рвался к нашей столице, чтобы захватить, полностью уничтожить ее. Не вышло! Москва 1941 года выстояла, выдержала, победила!

А голос паренька звучал все звонче, все тверже:

Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

Да, Отечество помнит, Отечество никогда не забудет своих сынов и дочерей, отстоявших его свободу и независимость. С особой силой, с пронзительной четкостью и глубиной повяли мы это в дни ожесточенных сражений 1941 года. И на дальних подступах к Москве — на Смоленщине, и на ближних — у стен Тулы мы ежедневно, ежечасно, ежеминутно чувствовали, знали: с нами, бойцами, командирами и политработниками Красной Армии, — вся Советская Родина, с нами — весь ее народ. Это удесяттерило наши силы, нашу любовь и преданность отчему краю, помогало выиграть жесточайшую битву. И я безмерно счастлив, что был одним из участников этой битвы на подступах к родной столице. Что именно тогда мне была вручена первая государственная награда в войне — орден Красного Знамени. Что именно на земле, где пришлось сражаться в трудные дни сорок первого, мне была оказана высокая честь стать почетным гражданином трех городов: Калуги, Тулы, Щеркино.

Та встреча 1981 года оказалась для нас особенно волнующей, потому что уже до нее был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым Туле за мужество и стойкость, проявленные ее защитниками при героической обороне города, сыгравшей важную роль в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой, было присвоено почетное звание «Город-герой». Надо ли говорить, как радовались участники боев за Тулу! Но ведь среди них было немало тех, кто сражался и у стен Смоленска. А это вызывало определенные раздумья.

— Разве, — говорил, например, подполковник в отставке Н. Н. Дубышкин, — Смоленск не заслужил право на такое же отличие? Вполне заслужил! И я верю, что рано или поздно справедливость восторжествует.

Наш товарищ по 16-й и 50-й армиям не ошибся. В 1985 году, когда всенародно отмечалось сорокалетие Победы в Великой Отечественной войне, Смоленск наконец-то получил почетное звание «Город-герой»!

В заключение хочу сказать, что, трудясь над рукописью, которую ныне выношу на суд читателей, я словно бы вновь встретился с замечательными полководцами и военачальниками — И. В. Болдиным, А. Н. Ермаковым, И. С. Коневым, Д. Д. Лелюшенко, М. Ф. Лукиным, К. К. Рокоссовским, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошниковым, выдающимися политработниками Ф. Ф. Кузнецовым, Д. А. Лестевым, храбрыми и умелыми командирами М. Д. Борисовым, А. Л. Гетманом, А. М. Городнянским, К. Н. Леселидзе, А. Д. Тереш-

ковым, П. П. Чернышевым, М. А. Шалиным, другими моими боевыми товарищами. Многих из них, к несчастью, уже нет — время беспощадно, но вечно будут они жить в сердцах советских людей, ибо сделали все, что могли, для защиты своего социалистического Отечества.

А еще, добавлю, старые фронтовые товарищи очень много сделали и лично для меня. Причем не только тогда, в годы Великой Отечественной войны, но и после нее — при сборе материала для настоящих мемуаров.

На свою память я никогда не жаловался, до сей поры меня она вроде бы ни разу не подводила, и все-таки безоглядно положиться на нее я не рискнул, поскольку речь идет о военных событиях, о судьбах тысяч и тысяч людей. Малейшая неточность — и можно исказить боевой облик фронтовика, картину сражения с участием десятков полков, дивизий, корпусов. За такие неточности, а они, к сожалению, порой встречаются в мемуарах, читатели справедливо критикуют авторов. Особенно остро реагируют на них ветераны, участники войны.

Поэтому я долго работал в Центральном архиве Министерства обороны. Сделанные там выписки об оперативно-тактической обстановке в 16-й и 50-й армиях в описываемый мною период, о расстановке сил и средств, а также о деятельности политорганов, партийных и комсомольских организаций, воинском умении, стойкости и мужестве, фронтовом братстве бойцов, командиров, политработников составили несколько вместительных общих тетрадей. Кроме того, немало ценных документов о Смоленском сражении и боях за Тулу сохранилось в моем личном архиве. Хорошо выручили меня подшивки армейских и некоторых дивизионных газет.

Однако и это посчитал недостаточным, обратился к ветеранам с просьбой прислать мне свои воспоминания о тех трагических, но одновременно и героических уже далеких днях сорок первого.

Откликнулись фронтовики незамедлительно. В моих руках оказались драгоценнейшие письменные свидетельства генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина, генерал-майора М. Д. Борисова, полковника И. И. Свирилина, подполковника Н. Н. Дубышкина и многих-многих других товарищей, с которыми делили и горечь поражений, и радость первых успехов в начальный период войны. Только после этого посчитал,

что имею моральное право приступить непосредственно к написанию книги.

Надо сказать, что несколько лет назад я выступал в печати с воспоминаниями о боях 1941 года. Признаюсь откровенно, очень волновался: как-то их примут читатели? Не ради похвалы, а, как говорится, ради истины замечу: отзывы, устные и письменные, были самые благожелательные. Такое, конечно, не могло не радовать. Но вместе с тем было и о чем задуматься.

Дело в том, что отдельные страницы той части воспоминаний, где рассказывалось о боях под Тулой, вызвали у бывших фронтовиков довольно живой обмен разноречивыми мнениями. Когда, допустим, говорилось о Тульском рабочем полке, то одни утверждали, что его боевым действиям в книге уделено много внимания, другие, наоборот, — маловато, третьи — в самый раз. Примерно то же отмечалось и в отношении 732-го зенитно-артиллерийского полка ПВО, 34-го полка НКВД. Иные товарищи заявляли, что автор публикаций при описании хода боевых действий допустил ряд неточностей, что он грешит-де слишком вольным обращением с историческими фактами и событиями, недооценивает боевые заслуги самих туляков, в частности, рабочего полка.

Последний упрек прозвучал для меня особенно странно. Труженики города, области и войны были едины, каждый внес свой вклад в героическую оборону Тулы и я всегда подчеркивал это. В то трудное и грозное время все наши объединенные силы, все помыслы были направлены к одной цели: не дать немецкому фашизму поработить родную землю, и мы били по нему кренком сжатым кулаком. Это во-первых. А во-вторых, войны 50-й армии высоко ценили подвиги рабочего полка. И когда он оказался в оперативном подчинении армии — мы делали все, чтобы он чувствовал себя полноправным членом нашей многотысячной боевой семьи, о его людях и их делах мы не жалели добрых, похвальных слов. Да и как можно было не сказать их, когда день за днем защитники Тулы, не жалея своей жизни, преграждали танковой лавине Гудериана путь к родному городу, а значит, и к столице Отечества, Москве! Боевые дела и воинов, и рабочих, взявших в руки оружие, заслуживают самого высокого отличия.

Подкреплю сказанное моей же статьей, опубликованной осенью сорок первого в армейской газете «Разгромим врага». Я тогда писал:

«На что рассчитывали немцы, подойдя непосредственно к Туле? Собрав значительную танковую группу, они пред-

полагали с помощью авиации быстро подавить нашу пехоту, вызвать среди защитников Тулы панику и на их плечах ворваться в город.

Тем временем Тула быстро готовилась к обороне. Со всех сторон выросли оборонительные укрепления: противотанковые рвы, надолбы, орудийные засады...

Далее говорилось о том, что в последних числах октября, студеной ночью, гитлеровцы предприняли первую атаку на город с юга по шоссе Орел — Тула, бросив в бой восемьдесят танков, около полка пехоты и две роты мотоциклистов. Положение создалось критическое. Следовало проявить исключительную стойкость и мужество, чтобы не дрогнуть, не отступить, сорвать замысел противника.

Поддерживаемые дружным огнем артиллерии, тульчане с чрезвычайно ответственной задачей успешно справились. «Хорошо дрался, — констатировал я, — сводный рабочий полк... Бойцы защищались отчаянно. Танки нарушили связь, подошли к командному пункту командира полка. Несмотря на это, полк, сражавшийся впервые, держался».

Так, напоминая, писал я в дни боев за Тулу. То же самое, но, разумеется, иными словами, рассказал и много лет спустя. И вдруг — обвинение: боевые действия рабочего полка автор недооценивает... Было отчего прийти в замешательство. И тут снова поспешили мне на помощь многие и многие фронтовые товарищи, и среди них дважды Герой Советского Союза генерал армии Д. Д. Лелюшенко.

— И ты, Константин Леонтьевич, склонил голову, опустил очи к долу? — при очередной нашей встрече в Москве проговорил в привычной полушутливой манере Лелюшенко. А затем уже серьезным тоном добавил: — Не печалиться, друже, а радоваться надо. Очень даже хорошо все получилось.

— Чего же хорошего, Дмитрий Данилович? — не понял я.

— Как чего? Есть повод потрудиться над воспоминаниями еще. Что-то уточни, что-то убери, что-то добавь. Впрочем, с моей точки зрения, убирать ничего не надо. А вот расширить и добавить у тебя есть что, ты же о виденном и пережитом осенью сорок первого рассказал далеко не все!

После довольно долгого молчания генерал Лелюшенко заключил:

— Непременно потрудись, Константин Леонтьевич! Негоже нам, солдатам второй мировой, уносить бесследно с собою то, что знаем. — Вероятно, чтобы развеять невольню

прорвавшиеся нотки грусти (увы, это была моя последняя встреча с Дмитрием Даниловичем), заговорщицки подмигнул, улыбнулся: — Потомки не простят!..

И я снова принялся за работу, растянувшуюся на несколько лет. Снова скрупулезно сверял свои воспоминания с документами Подольского и личного архивов, рассылал во все концы страны письма, прося боевых соратников подтвердить тот или иной эпизод, встречался с ветеранами.

Не скрою, иногда брало сомнение: а не напрасно ли трачу силы и время? Нет, отвечали верные фронтовые товарищи, не напрасно. Роль и значение подобных книг, писал, например, Герой Советского Союза генерал армии Иван Николаевич Шкадов, переоценить невозможно. Они пробуждают еще большую любовь к нашей Советской Родине и жгучую ненависть к ее врагам, помогают воспитывать молодое поколение стойкими, смелыми, мужественными защитниками своего многомиллионного, многонационального народа.

Вот эта-то горячая поддержка и помогла мне довести начатое дело до конца. Пасколько удалась книга, судить не мне, но твердо могу сказать: писал ее с чистым сердцем, с открытой душой, даже в самом малом стремясь не уходить от правды.

И еще. О чем бы ни заводил я речь в своих воспоминаниях, постоянно видел рядом с собой единомышленников по партии — от красноармейцев до генералов, с которыми мне посчастливилось быть в одном боевом строю и в самые, пожалуй, грозные дни сорок первого, и в победные сорок пятого. Это и о них написал свои пламенные стихи поэт Александр Межиров:

Мы сорвали штапарты
Фашистских держав,
Целовали гвардейских дивизий шелка
И, древко
Узловатыми пальцами сжав,
Возле Ленина
В мае
Прошли у древка...

Под февральскими тучами —
Ветер и снег,
Но железом пестынующим пахнет земля.
Приближается день.
Продолжается век.
Идевеют штыки в караулах Кремля...

Повсеместно,
Где скрещены трассы свипца,
Или там, где кипенье великих работ,
Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Так было. Так, убежден, будет: какие бы вихри и потрясения ни пронесли над миром, над страной, дело ленинцев восторжествует. Как в годы Великой Отечественной войны восторжествовало оно в смертельной схватке с гитлеровским фашизмом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Об авторе и его книге 3

Часть первая СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

Глава первая. Эшелоны идут на запад	8
Глава вторая. Первые испытания	27
Глава третья. От каждого камня здесь мужеством веет...	48
Глава четвертая. Коммунисты, вперед!	71
Глава пятая. Непобежденные	90

Часть вторая ТУЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Глава первая. 1-й гвардейский	118
Глава вторая. Орловское шоссе	133
Глава третья. Плечом к плечу	148
Глава четвертая. Сильные люди	161
Глава пятая. Огненные рубежи	184
Глава шестая. Контрудар	198
Глава седьмая. Наступление	215
Эпилог	231